

КЛИНИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ

ЧЕЗАРЕ
ЛОМБРОЗО

ЛЮБОВЬ
У ПОМЕШАННЫХ

Клинические рассказы

Чезаре Ломброзо
Любовь у помешанных

«Алисторус»

1889

УДК 616.89
ББК 56.14

Ломброзо Ч.

Любовь у помешанных / Ч. Ломброзо — «Алисторус»,
1889 — (Клинические рассказы)

ISBN 978-5-906842-96-1

Можно ли в прямом смысле этого слова потерять рассудок от любви? Совершить преступление или умереть? Ответ очевиден. Или нет? Судебный психиатр и криминалист Чезаре Ломброзо на страницах этой книги предлагает свое видение любви как формы безумия. На примере изученных им историй болезни он доказывает свою позицию.

УДК 616.89
ББК 56.14

ISBN 978-5-906842-96-1

© Ломброзо Ч., 1889
© Алисторус, 1889

Содержание

Любовь у помешанных	6
Прибавление	23
Женщина, преступница или проститутка	27
Любовь	27
I. Любовь у животных	27
II. Любовь у человека	30
История проституции	40
I. Стыд и проституция у диких народов	40
II. Проституция у исторических народов	45
Врожденные проститутки	59
Случайные проститутки	82
Преступность женщины	90
I. Преступность самок в царстве животных	90
II. Женская преступность у диких и примитивных народов	93
Врожденные преступницы	101
Случайные преступницы	123
Преступницы по страсти	133
Самоубийцы	143

Чезаре Ломброзо

Любовь у помешанных

© Переводчики: Г. Гордон, К. Тетюшинова, С. Раппопорт, Н. Житкова, К. Толстой, 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

* * *

Любовь у помешанных

В психиатрических статистиках мы всегда можем найти порядочную круглую цифру сумасшествий от любви. Esquirol нашел между 1375 умалишенными 37 человек, потерявших рассудок от любви, 18 от ревности и 146 вследствие развратной жизни. Virgilio отметил между 1288 случаями умопомешательства 41 от любви и 17 от ревности; в другие годы он между 863 случаями нашел всего 18 от любви и 4 от распутства. У Descurel приходилось 114 таких случаев на 8275 умалишенных. Zanì нашел, что у женщин любовь оказывает влияние на умопомешательство в отношении 11:100, а у мужчин всего 4:100; но зато в неудачных супружествах отношение меняется: 17:100 у мужчин и 4:100 у женщин. В Венеции Figna между 615 умалишенными насчитал всего 1 случай от любви и 7 от развратного образа жизни¹; Adriani между 466 всего 7 от любви и 11 от половых излишеств.

Я, однако, думаю, что число действительных сумасшествий от любви значительно меньше того, которое указывают статистики. И действительно, за всю свою долговременную практику, в течение которой мне пришлось наблюдать много тысяч умалишенных, я едва могу насчитать дюжину таких случаев. Многие больные попадали ко мне с указаниями родных или близких, будто они загадочные жертвы любви, но когда я, опытный в такого рода делах, исследовал вопрос несколько глубже, то почти всегда убеждался, что дело шло не о страсти, а о похотливости, обманутом самолюбии или о физических и наследственных причинах, которые заставляли усомниться в тщательных этиологических разработках и измышлениях старых психиатрических школ.

Я знаю один только вполне ясный случай сумасшествия от любви. Дело касалось одного честного, храброго итальянца, брата полуидиота, в жену которого он в короткое время страстно влюбился, и не без взаимности. Но однажды он нашел свое место занятым человеком, которого Италия считает между лучшими своими гражданами. Он не сказал ни слова и, не совершив никакой безумной выходки, с этого дня, как бы дав себе зарок, перестал говорить и весь ушел в себя; знаками указывал он на то, что ему было нужно, знаками давал понять, как больно ему всякое сообщение с людьми; вынужденный к тому, он произносил краткое словцо и снова хранил молчание. Таким образом он прожил 18 лет и умер, но даже в последние дни его жизни я напрасно силился вырвать у него хоть одну фразу, которая бы мне указала на источник угнетавшего его недуга. Это была форма меланхолии, которую я называл бы молчаливой, а случай можно отнести к редким жертвам любви. В настоящее время (1881 г.) у Salemi Расе также находится в пользовании «бедная девушка, которой жених объявил, что не может жениться на ней; в тот же момент она поникла головой и наложила на себя печать молчания, которое длится и поднесь, а прошло с тех пор уже 15 лет. Она покидает свое место лишь для того, чтобы идти спать или подышать свежим воздухом на балконе; молча она принимает пищу и молча отвергает ее; молча она совершает прогулку и свой туалет, доказательство того, что не потухла, а лишь застыла, я сказал бы даже „окаменела“, эта благородная душа».

Между случаями сумасшествий от любви следует отметить случай филолога Александра Крудена², который, получив девятнадцати лет степень доктора теологии, влюбился в дочь одного своего соотечественника и с такой страстью выказывал ей свое чувство, что отец отказал ему от дома. Горе молодого человека было так велико, что он лишился рассудка. Спустя несколько лет он, по-видимому, выздоровел и предпринял гигантское сочинение о согласии в Библии, напечатание которого доставило ему великий почет; но он не мог получить обещанной королевой поддержки вследствие ее смерти, и его болезненное состояние возобновилось.

¹ Rendiconto Statistico Venezia, 1877.

² *Le Pierre*. *Liter, des Fous*. P. 171.

Поправившись, он напечатал странную книжонку, но затем стал корректором и проявлял лишь молчаливую печаль.

Однажды один приятель, желая развлечь Крудена, вздумал представить его одному негодяну, не зная, что сестра последнего была именно той женщиной, к которой он питал такую фатальную любовь, и, к довершению беды, случилось так, что она первая встретила его при входе в дом. Увидя ее, он с криком «Это она!» бросился назад, тесно сжав руку друга; с тех пор он более не успокоился. Преследуемый мыслью, что его должны вознаградить за умопомешательство, он серьезно предлагал сестре и друзьям, вызвавшим его, заплатить ему вознаграждение и пойти на время в одну из тюрем Англии, которую сами изберут. Затем он вообразил, что получил от Бога миссию исправителя народных нравов и стал впоследствии печатать книги, которые раздавал на улицах; кроме того, он губкой стирал со стен безнравственные афиши и терзал министров, которые, если только они не страдали подагрой, при виде его быстро убегали. А между тем он сам не был свободен от эротических стремлений, и, когда одна мисс, которую он беспрестанно преследовал, удалилась из Лондона, чтобы избежать этих преследований, он отпечатал и распространил между путешественниками молитвы, чтобы она благополучно совершила свой путь.

Гораздо реже случаи сумасшествия от счастливой любви. Я знаю лишь один такой случай, сообщенный мне профессором Адрияни. «Один только раз мне суждено было, – пишет он мне, – наблюдать восемнадцатилетнюю милую, кроткую, нравственную девушку, которая, влюбившись в молодого человека ее возраста, дошла до такой экзальтации, что всюду видела лишь жениха, шепчущего ей на ухо слова любви; она желала уйти от него и злилась, почему он ее удерживает; затем она оставила все занятия, отвергала пищу и не спала. При виде этой прекрасной девушки, одетой в белое, сдержанной и скромной, выпрямленной и неподвижной, как статуя пред балконом, с тихо поникшей красивой головой, сплетенными руками и ясным, спокойным взглядом, который меланхолически нежно терялся в небесной лазури, так и хотелось передать на полотно чистоту и прелесть ее страдания. А между тем я не стану уверять, что даже в этот момент чувственность не волновала это нежное существо».

Повторяю: случаи сумасшествия от любви крайне редки не потому, чтобы любовь действовала слабее всякой другой страсти, но именно потому, что сотрясение, вызываемое ею, так велико и внезапно, что, если оно не кончается самоубийством³, принимает ту форму острого расстройства, которое, вследствие своего быстрого течения, дает возможность избежать дома умалишенных.

Вот пример. Одна девица безумно влюблена в кузена, которому она была обещана; обыкновенные жизненные условия расстраивают свадьбу; девушка перестает говорить, не движется, не ест и лежит в постели, как бы сраженная молнией. На пятый день ей доставляют обратно возлюбленного, но слишком поздно: на шестой день она мертва.

Другая, едва убедившись в индифферентности к ней возлюбленного, заболела воспалением мозга и быстро умерла.

Следует упомянуть и о противоположных случаях сумасшествия, в которых первая супружеская ночь вызывала неожиданную меланхолию, или манию самоубийства, или полуэпилептические припадки с острым слабоумием. О таких случаях упоминают Верга⁴, Эскироль, Тозелли⁵.

³ См. мою работу «О любви в самоубийстве и преступлении» («De l'amore nel suicidio e nel delitto», 1880).

⁴ Verga («Arch. it. per le malattie mentali», 1870) описывает 17 случаев (9 женщин).

⁵ Вот два случая, доставленные мне Тозелли: «Здоровая 20-летняя крестьянка, родители которой вполне здоровы, вышла замуж за молодого человека. Брак состоялся весьма поспешно, и ее вследствие этого охватили грустные предчувствия. На свадьбе она была весела, но на следующий день супруг был поражен ее молчаливостью и необщительностью; в ближайшую ночь она отвергла ласки мужа и утром покинула его дом. Она говорила сама с собою о проклятии, имела страшные галлюцинации, не принимала пищи, не спала, пыталась убить племянника. Отправленная в больницу, она оставалась в постели

И в таких случаях необходимо предрасположение с какой-нибудь стороны, которое заставляет проявиться скрытое безумие. Шюле находит такой предрасполагающий момент в маточных рефлексах; но важной причиной также служит грубость некоторых мужей, а еще более – неудачные браки (Верга) и те общественные предрассудки, привитые латинской расе, которые делают для новобрачной переход из одного состояния в другое таким внезапным и новым. Тозелли указывает на гораздо более простую причину: холодные промывания для приостановления регул (см. примечание).

Но нас не столько интересует исследование, какое влияние оказывает любовь, как причина, на умопомешательство, сколько вопрос, как эта страсть проявляется у душевнобольных. И в этом отношении многие смотрят на вопрос неправильно. Публика, повторяя пословицу «Влюблен, как сумасшедший», полагает вместе с тем, что последние легко и часто влюбляются, в то время как можно сказать совершенно противное. Рассуждая так, можно предположить, что влюбленные одержимы хронической болезнью, в то время как любовь, по моему мнению, есть высшее проявление силы и здоровья как в человеческой жизни, так и в жизни растений и животных.

Но, помимо того, известно, что первый нравственный элемент, которого касается безумие, – именно привязанности. Вы сталкиваетесь с эгоизмом, доведенным до такой степени, которую наша фантазия едва могла бы вообразить себе. В то время как обыкновенный человек имеет потребность говорить, сообщаться с другими, делить их радости и страдания и ощущать их близость, душевнобольные избегают общества других и живут в молчании и изолированности, даже когда они группами заключены в одной и той же комнате, так что несколько больных служителей могут сдерживать тысячи сильных больных. Эта потеря привязанности, в противоположность здоровому состоянию, проявляется у них в прямом отношении к близости кровных и родственных уз, так что они могут проявлять временную радость при входе нового лица или живо чувствовать еще любовь к родине или к дальнему родственнику, но они питают злобу и даже отвращение к сыну или жене, которые до болезни были единственным предметом забот в их жизни; чем сильнее была любовь до болезни, тем сильнее проявляется ненависть теперь, и проявляется в таких жестоких поступках и клеветах, которых не придумал бы самый ловкий и непримиримый враг. Это обстоятельство более, чем умственное расстройство (которое иногда отсутствует или является незаметно), отличает душевнобольного от здорового, так что я, чтобы убедиться, вполне ли выздоровел какой-нибудь больной, имею обыкновение по прошествии нескольких месяцев сблизать его с прежними любимцами, и если я вместо сильной радости, которую в таких случаях проявляет здоровый человек, наблюдаю холодность, которая заставляет избегать, а не искать поцелуя, то я считаю этого пациента еще больным.

Немногие, напротив, выказывают преувеличенную привязанность; они покорны в обращении с домашними и боятся оскорбить их каким-нибудь пустяком; каждый раз они бросаются на колени, прося прощения за несовершенные проступки.

Скверно положение тех странных влюбленных помешанных, которых романисты никогда не могли изобразить, ни даже великий английский поэт, с таким совершенством рисовавший на сцене характеры умалишенных, и которых я назову немymi влюбленными. Это мономаньяки,

неподвижной, как статуя, заставляя прислугу опасаться, не умерла ли она; но случалось иногда, что в течение целых 24 часов она раздражающим голосом звала свою мать. Более поучителен другой случай, где сумасшествие не заставило себя ждать до другого дня после свадьбы. Мысль выйти замуж за молодого, богатого, избранного ею человека и оставить дом, где с нею дурно обращались, всецело наполнила радостью сердце красивой 19-летней девушки, которая была всегда здорова, но у которой мать страдала эпилепсией. В дни, предшествовавшие свадьбе, она ужасно много работала, чтобы оставить дом в должном порядке, и, что еще хуже, приостановила начавшуюся менструацию холодными промываниями; в день свадьбы, находясь в поезде железной дороги, ее охватили галлюцинации, затем неистовая мания, которая ухудишилась вследствие кровопускания». Я наблюдал двух помешанных сестер, которые заболели эротическим умопомешательством в ночь после свадьбы, но у них причина была наследственной, а свадьба – только удобным случаем.

большей частью целомудренные, которые, не объяснившись с воображаемым возлюбленным существом, претендуют на взаимность. Вот один такой случай.

Фар., происходящий от длинного ряда эпилептиков и маньяков, но тем не менее хороший патриот и работник, проявлял такое скудное развитие чувства общественности, что простоял в одной лавке с двумя мальчиками целый год, не проронив ни слова, так что родители этих мальчиков отняли их оттуда из боязни, чтобы они не онемели. Целомудренный и подверженный продолжительным галлюцинациям, он однажды вообразил, что одна девица, у которой он покупал мыло и масло, влюблена в него. В свою очередь он также влюбился в нее, но так как в нем сочеталась трусость людей целомудренных с трусостью мономаньяков, то он был далек от мысли проявить в словах или жестах свою любовь, а хранил ее в душе и все время опасался, что малейшим движением обнаруживает ее, подобно тому как принимал за взаимность фразы и поступки, не имевшие с любовью ничего общего, например, если она говорила ему: это очень хорошее мыло; возьмите это масло; я вам ручаюсь за доброкачественность. Эти проявления ее страсти он считал такими серьезными, что они, по его мнению, способны были скомпрометировать его честь и честь девушки, и вот по прошествии целого года таких опасных ошибок, как он это называл, он решил завершить свое ухаживание браком и для этой цели попросил руки своей «возлюбленной» в письме столь же загадочном, как и прежнее его ухаживание. Когда бедные женщины открыли наконец глаза и ответили ему, что он фантазирует, он среди бела дня представился матери своей «невесты» с вопросом, желает ли она покончить, и когда та ответила, что ей неизвестно, чтобы у них было что-нибудь общее, он убил ее ножом, прорезав ей печень, и затем спокойный и невозмутимый покинул ее дом и возвратился в Милан. Наша бодрствующая полиция никогда бы и не вздумала ловить его, да никто и не заподозрил бы его в таком преступлении, если бы он сам не явился, чтобы предать себя в руки правосудия; даже после того некоторое время сомневались в его виновности – так безупречно было его прошлое и так неясно проявление его любви. Дело выяснилось лишь после того, как обратились к моей экспертизе, благодаря которой этот психопат, смерти которого публика громко требовала, был переведен из тюрьмы в дом умалишенных, где он написал свою курьезную автобиографию и где, между прочим сказать, он, который был мне обязан жизнью, покушался с куском железа в руках на мою. Я упоминаю об этой частности, которая, по-видимому, должна гораздо более интересоваться меня, чем моих читателей, чтобы еще раз показать, что, если здесь непосредственной причиной кажется любовь, она все-таки была лишь толчком, случаем или предлогом для проявления, конечно, в слишком жестокой форме болезни, которая скрывалась в нем уже долгие годы, быть может, со дня рождения.

Это был первый представившийся мне случай немой влюбленности сумасшедшего. Другой подобный случай описал Морзелли с приложением автобиографии и стихов своего больного. Последний, увидев однажды издала из своей комнаты девушку, влюбился в нее, но ничем не проявлял своего чувства даже тогда, когда иногда в праздничные дни имел возможность приблизиться к ней; но вот однажды он вдруг открыл ей и публике свою скрытую страсть торжественной пощечиной в бальной зале, продолжая после того сыпать по ее адресу то кровавые обвинения, то любовные извержения, на которые ждал полнейшей взаимности.

Третий пример представился недавно мне и Перотти в лице 50-летнего крестьянина. Заболев в молодости пеллагрой, он эмигрировал в Соединенные Штаты и в течение пяти лет трудом успел накопить себе порядочный капитал, с которым он вернулся на родину, но вернулся не исцеленным от своей болезни. Эта старая болезнь и целомудрие, сохраненное им до пожилого возраста, превратились впоследствии в эротическое умопомешательство с бредом преследования. Впервые болезнь выразилась в том, что он сделал предложение одной богатой вдове, на взаимность которой рассчитывал, несмотря на то, что она никогда до того не видела его. Предложение, конечно, не было принято, до того оно показалось нелепым. Он же вообразил и постоянно настаивал на том, что ее отец и дяди употребляют все усилия, чтобы он,

отверженный, женился на ней, и затем, чтобы отомстить ему за его воображаемый отказ, публично оскорбили его, заставив одного скульптора снять с него бюст, в котором он выглядел бы на 30 лет старше; так оно длилось до тех пор, пока, встретившись однажды с этими лицами на улице, он три раза выстрелил в них из револьвера. Арестованный, он спокойно и невозмутимо заявил, что сделал это, чтобы избавить себя от нападков, которыми они мучили его с целью заставить жениться на той женщине, и тем восстановить ее честь.

Но есть еще более печальная форма такого сумасшествия, где чрезмерная любовь сменяется чрезмерной ненавистью, как, например, у Калигулы и Нерона.

У некоторых эта противоречивая форма психического расстройства проявляется периодически. Многие жены душевнобольных сознавались мне, что их мужья в известные дни месяца переходили от излишней нежности к крайней жестокости, прося после припадков прощения и сознаваясь, что они одержимы болезнью, заставляющей их ненавидеть того, кого они раньше обожали. Таковы были любовь и дружба Тассо, и таковы все его герои, которые быстро любят и перестают любить. Но это был гениальный маттоид.

С этой формой умопомешательства тесно соприкасается другая, чрезвычайно трагическая и грязная, где любовь смешана с жестокостью и развращенностью и где нельзя сказать, что преобладает: любовь или ненависть, такие нечеловечески-жесткие вещи она проявляет. И здесь самый редкий пример дает нам та фатальная семья Цезарей, которая как бы предназначена историей для того, чтобы показать, до чего может дойти и как может быть терпима человеческая жестокость.

Я наблюдал случаи, которые, если только это возможно, превосходили жестокости Цезарей. Один граф, который впоследствии оставил все свое состояние одному достойному ломбардскому городу, выдумывал для своей жены, которую очень любил, такие необыкновенные мучения, что они казались бы невероятными, если бы не были официально подтверждены. Он держал ее целые дни обнаженной и замкнутой в шкафу, передавая ей через отверстие самую скромную пищу, или приглашал трубочистов, чтобы они грубо надругались над нею, в то время как он для усиления бесчестия и издевательства бегал вокруг них, играя на скрипке.

Отсюда один шаг к той половой психопатии, которая жаждет крови (*sanguinaires*).

Гофман рассказывает об одном субъекте, которого проститутки называли палачом, потому что он имел обыкновение пред совокуплением мучить и убивать кур, голубей и гусей, и о другом, который в течение нескольких месяцев тяжело ранил 15 девиц в половой орган, удовлетворяя таким способом, как он сам сознался, свой половой инстинкт, который почти периодически пробуждался в нем и уже несколько раз доводил его до онанизма и до безнравственных поступков с мальчиками и мужчинами⁶.

Майнарди описывает следующий случай, где дело, однако, идет о полуидиоте. Некий Грасси воспылал однажды ночью страстью к своей кузине, но когда та воспротивилась его желаниям, он нанес ей ножом несколько ран в живот и тем же ножом убил отца ее и дядю, пытавшихся остановить его; прикрыв затем трупы, он пошел искать удовлетворения в объятиях жены одного сельского рабочего, которая была его любовницей; но не утолив своей жажды крови, он зарезал своего собственного отца и нескольких быков, стоявших в хлеву.

Другой психопат, Филипп, находил удовольствие в том, что душил проституток. «Я люблю женщин, – объяснил он однажды, – но мне доставляет удовольствие душить их после того, как я их употребил».

Жиль де Ретц, французский маршал, убил для удовлетворения своей гнусной похотливости более 800 юношей, ассоциировав сладострастие с какой-то странной религиозной чертой.

⁶ Lehrbuch der Gerichtl. Medicin. 1871. P. 852.

Маркиз де Сад находил наслаждение в том, что, обнажив проституток, бил их до крови и потом лечил их раны; это сладострастие, смешанное с жестокостью, было для него как бы идеалом наслаждения, для которого он составил целую теорию.

Бриер де Буамон рассказывает об одном капитане, который заставлял свою возлюбленную ставить себе пиявки к половым частям перед каждым соитием; это длилось до тех пор, пока у несчастной образовалась глубокая анемия и она отправлена была в больницу. Он же упоминает и о маркизе С., который, заставив своих лакеев связать проститутку, нанес ей несколько ран, после чего пытался изнасиловать ее.

Граф Застров⁷, 50 лет от роду, обладал довольно живым умом, так что составлял даже великолепные поэмы, но был тщеславен и склонен к экзальтации, сентиментальности, эксцентричности; так, например, однажды пытался вылечить раненого брата игрой на рояли и утешить тем же способом вдову, в то время как труп ее мужа лежал еще в постели. Мать его была *hystérique*, отец его был эксцентриком, а брат его покончил самоубийством. Он сам занимался онанизмом с шестилетнего возраста и находил это занятие чем-то прекрасным и благородным; несколько раз уже он был арестован за то, что неожиданно нападал на мужчин различного возраста (от 14 до 70 лет) и, после нескольких любезных фраз, пытался обнажить их, чтобы мастурбировать с ними, оправдывая себя в стихах или в прозе следующим образом: «У меня сердце Евы и тело Адама, я не боюсь закона государства, любовь – закон всех законов, и самый великий и святой из поэтов сказал: любите друг друга». В последний раз он напал на пятилетнего мальчика и, тяжело укусив его в лицо и член, пытался задушить его.

Он был признан виновным.

От этих случаев мы переходим к той форме половой психопатии, которую в настоящее время наука отделяет от преступления и в которой любовь находит удовлетворение лишь в объятиях трупа, доходя даже до самого жестокого людоедства. Это – некрофиломания.

Georget рассказывает об одном полуидиоте, который, изнасиловав девушку, отгрыз ей часть груди и половых органов; известен также случай сержанта Бертрана, внука умалишенных прародителей, который восьми лет от роду возбуждал себя для мастурбации вырыванием внутренностей у животных; каждые 15 дней он страдал периодической головной болью, во время которой вид открытого трупа возбуждал в нем неукротимый аппетит истого антропофага. Много раз он ночью проникал на кладбище, выкапывал женские трупы, вырывал у них внутренности, наносил раны в шею и грудь, прорезывал суставы и, страшно вымолвить, находил величайшее наслаждение в прикосновении к наиболее разложившимся трупам.

Verzeni, происходящий от больной пеллагрой и кретинической семьи, с асимметрическим черепом, атрофированным с правой стороны, с чрезмерно развитой челюстью и правосторонней потерей фосфенов, задушил двух женщин и еще нескольких чуть не лишил жизни тем же способом из сладострастного удовольствия, которое он испытывал при обхватывании шеи своей жертвы, как он еще в детстве привык это делать с курами. Когда жертва была задушена, он рассекал ее труп, грыз ее члены и сосал ее кровь⁸.

После изучения всех этих случаев я не могу вполне признать справедливость приговора суда во Франции, признавшего полную виновность прошумевшего в свое время Menesclou, который 19-летним юношей разрезал на 44 куска и изжарил четырехлетнюю девочку. Во время поисков и после ареста он выказал полнейшее безразличие, покоясь на кровавых фрагментах своей жертвы и храня некоторые из них в своем кармане. Его дяди страдали алкоголизмом, а мать – умопомешательством с галлюцинациями; сам он на девятом месяце от роду заболел воспалением мозга и впоследствии страдал беспокойным сном и раздражительностью; с ранних лет онанируя, он поздно развился и был глухим, что ясно говорит о продолжительном

⁷ Casper-Limann. Handbuch. P. 190 и 495.

⁸ Lombroso. Verzeni e Agnoletti. Лота, 1875.

влиянии мозговой болезни, которой он обязан тем, что, невзирая на заботы родителей, остался лентяем и несообщительным со своими, которых много раз колотил и обкрадывал, так что был даже посажен в тюрьму; неспособный к какому бы то ни было постоянному труду и учению, домашний вор, преданный онанизму и извращенным поступкам даже с собаками, он мог служить примером той противоречивости, которую часто проявляют сумасшедшие: любя одиночество, он тем не менее искал общества самых порочных мальчиков моложе себя годами.

Еще до совершения преступления он дал знать своим сверстникам, что открыл способ задушить человека, лишив его возможности сопротивляться; он намекнул также о самом будущем преступлении, по поводу которого написал страшные стихи.

Эти стихи, написанные человеком, относившимся с таким отвращением ко всякому учению и труду, точно так же как несколько рисунков женщин, набросанных в темнице, факсимиле которых находится у меня⁹, отнюдь не способны доказать здравого ума того, кто их составил, а лишь говорят о той эстетической наклонности, которую проявляют слабоумные, и о том странном удовольствии, которое испытывают умалишенные и преступники в неразумных повествованиях о своем собственном преступлении, рискуя даже выдать себя этим. Если он, сознаваясь только в убийстве девочки, отрицал изнасилование – что, конечно, делало преступление менее тяжелым, – и утверждал, что, схватив ее за горло и встретив сопротивление и крики, он, не зная сам, что делает, задушил ее, то я полагаю, что он говорил правду, потому что он, вероятно, одним убийством удовлетворил свой половой инстинкт, который ведь анатомически невозможно было всецело удовлетворить на пятилетней девочке. Мы, несомненно, имеем здесь дело с импульсом той кровавой любви помешанных, которую так часто наблюдаем у едва развившихся юношей, онанистов, носящих в себе следы мозговых заболеваний с раннего детства. Очевидно, здесь речь идет о нравственной, а может быть, и интеллектуальной слабости, которая значительно должна была смягчить ответственность.

Но оставим эту грязь, которая издает зловоние. Нам предстоит еще познакомиться с одной более забавной формой влюбленного умопомешательства – с эротоманией, которая, по-видимому, возникла только для того, чтобы доказать действительность той платонической любви, которую Ленау, великий сумасшедший, назвал глупой любовью.

Будучи противными старичками или бедняками или тем и другим вместе, эти лица избирают предметом своей привязанности личность, выдающуюся красотой, могуществом, богатством во всей стране; они воображают, что извещают о своей любви посредством взглядов, вздохов и частых писем, которые, однако, редко отправляются по назначению, но длинные извлечения из которых сообщаются друзьям. И чем выше положение любимой особы, чем труднее доступ к ней, чем решительнее отказ, тем более они верят во взаимность; самые незначительные обстоятельства имеют для них значение самых веских доказательств, заставляющих их считать себя триумфаторами. Чтобы добиться успеха, они забывают про свои обязанности и про самые основные потребности: бледные и лишенные сна, когда любимая женщина удаляется от них, они дрожат от радости при ее возвращении. Неистощимые в своей болтливости, которая, впрочем, всегда касается одной и той же темы, они днем и ночью бредят о ней, принимают бред за действительность, и, переходя от страха к надежде, от ревности к ужасу, они покидают родных, друзей, пренебрегают общественными обычаями и способны на самые необыкновенные, самые странные, самые мучительные поступки для выполнения действительных или воображаемых приказаний своего идола (Эскироль). И все-таки они не лишены здравого смысла. Я знал одного господина, который истратил все свое состояние на подарки принцессам и королевам, которым писал образцовые по изяществу и любезности письма, и дошел однажды до того,

⁹ В тюрьмах он набросал три рисунка, из которых один изображает льва, убивающего змею. Кроме того, он сочинил много стихотворений. – *Вопjour printemps – Le temps des cerises.* – Здесь кстати вспомнить о стихотворной деятельности графа Застрова.

что для выполнения приказаний своей принцессы, против воли антрепренера, невозможным голосом пропел на сцене романс в честь ее; отправленный, после покушения на самоубийство, в больницу, он остановил свой выбор на прусской королеве, рассуждал сам с собою о брачных условиях, раздавал почести, но в то же самое время не забывал своего положения и в остальном рассуждал довольно здраво.

История свидетельствует, что эта эротомания приобретает иногда эпидемический характер, охватывает целые страны. В XIV столетии в Пуату существовала под именем Gallois и Galloise кучка энтузиастов или, попросту говоря, сумасшедших, которые добивались славы мучеников любви. Летом они носили овечьи шкуры, а зимою ходили голыми по снежным горам, так что часто некоторых из них находили умершими от холода и голода. Один из хроникеров¹⁰ пишет об этом следующее: «И все это длилось известное время, пока большинство из них не умерли от холода; многие умирали от холода и истощения возле своих подруг, а также последние вместе с ними, при издевательствах и насмешках над теми, которые были хорошо одеты и сыты. У многих из них ножом нужно было открывать рот, других приходилось отогревать, так они все были измождены и так поledenели их замерзшие члены, и я ничуть не сомневаюсь, что погибшие Gallois и Galloise действительно были мучениками любви».

О том же явлении в Испании мы узнаем из книги Сервантеса, в которой изображен один из таких эротоманов, кишевших в то время тысячами вокруг него и искоренению которых его карикатура гораздо более способствовала, чем все королевские указы и торжественные проклятия.

Недавно Бартоли сообщил, что в 1735 году во Флоренции толпа самоистязателей бегала в святую пятницу по улицам, заставляя бить себя до крови по обнаженным спинам 6666 ударами и нанося себе уколы в ноги и грудь в честь и подражание Христу, а также в честь своих красавиц, под окнами которых заставляли сильнее бить себя, издавая громкие вопли. И здесь мы имеем дело с эпидемической эротоманией под религиозным предлогом.

Впрочем, случается, что предметом любви бывает сам Бог, к которому обращаются далеко не платонические выражения любви. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть священные книги некоторых наших аскетов, например, следующее письмо истерической женщины, упоминаемой Моро: «Благодаря моему доброму повелителю (Богу) я узнала тайны своего сердца и нашла им объяснение; мне нужны сильные, могучие объятия, чтобы чувствовать, как мое сердце сливается с сердцем того, к кому меня влечет... Безграничное преобладание Бога в моей душе, его величие, которым измерялось мое ничтожество, понятие, которое я всегда имела о его божественных красотах, с малых лет заставляли меня любить его, унижать и забывать себя и видеть везде и всюду лишь его одного. Пылкая страсть его любви часто побуждала меня широко раскрывать объятия, чтобы со всею доступной мне силой прижать его к своей груди; материально я не испытывала никакого сближения с ним, но мой повелитель, соединяясь со мною, доставлял мне невыразимое блаженство. Но мало-помалу и тело (sic) стало принимать участие в восторгах души»¹¹.

Агнеса Бланбекер считалась святою в Вене во времена Рудольфа Габсбургского, и ее откровения прилежно собраны были ее исповедником. Вот некоторые из них.

Однажды ей явился Иисус Христос, весь покрытый ранами, и блаженство, которое она испытывала при созерцании этой божественной крови, было так велико, что она готова была лишиться всякого другого удовольствия, только бы сохранить это; при этом раны на руках означали для нее дарование, а на ногах – прощение; в другой раз Иисус Христос приготовил ей на кухне рагу из молока и миндаля, что означало страдание и сожаление. Однажды ей явился совершенно голый монах, и это означало позоление церкви (!!)...

¹⁰ См. *La Curie. Mémoires sur l'ancienne chevalerie.*

¹¹ *Moreau. Des aberrations du sens génésique, 1880.*

Это – новый пример того странного сочетания эротических и религиозных стремлений, которое дало начало стольким обрядам в древности.

Я знал эротоманьяков еще более странных, которые влюблялись в существ вовсе не существующих и которые по двое (*folie a deux*) выказывали чувство, называемое нами идеологической любовью.

В апреле 1870 года в мою клинику привезены были две сестры, одержимые обе одним и тем же эротически-тщеславным умопомешательством; обе они жестикулировали и кричали в унисон, что, удерживая их в доме умалишенных, оскорбляется их благородство и что скоро придет офицер, чтобы освободить их и отомстить за них.

Одна из них, Коринна, 25 лет, с нежным лицом, каштановыми волосами, несколько продолговатым черепом, но почти нормального объема, с несколько расширенными зрачками и немного уменьшенной чувствительностью к страданию, была одержима галлюцинациями; так, например, она чувствовала запах серы и пороху и слышала голос офицера, который говорил ей то комплименты, то непристойности и к которому она обращалась со словами: «Приди и возьми меня», повторяя эти слова с невыносимым упорством, как будто бы действительно имела дело с живой личностью. Она не питает никакой привязанности к семье, но зато чрезвычайно к сестре, которой беспрерывно пожимает руки, сообщая ей надежду на свое близкое замужество с воображаемым офицером. На просьбы поведать нам, о ком она говорит, она не может ничего ответить, так как никто с нею никаких сношении не имел; от времени до времени она произносит отдельные фразы, характерные для систематического безумия, например: «У него судебные должности на ногах». Нарядно одетая, она отвергала всякое платье, которое не было из шелка, и презирала нашу пищу, она, которая в ожидании счастливого замужества питалась одними сладостями.

Другая сестра, Лаура, 27 лет, с еще более нежным лицом, одета так же изящно и имеет светлые, тонкие и густые волосы. Продольный диаметр черепа 170, поперечный 145, окружность 520; в средней части *suturae coronariae* наблюдается возвышение; зрачок неравный; чувствительность притуплена на правой стороне. Она очень интеллигентна, вежлива, сильно любит сестру, не страдает галлюцинациями, но со спокойной настойчивостью повторяет, что здесь ей не место, что она должна выйти замуж за офицера; спрошенная же, кто этот последний и как она с ним познакомилась, она ограничивается одним ответом: «Это офицер». – «Но как его имя?» – «Не знаю; я его видела только один раз на ярмарке». Часто она старается успокоить бушующую сестру, смеясь вначале над ее галлюцинациями, но затем она увлекается ее примером и кончает тем, что начинает кричать, биться головой о стену, рвать на себе волосы, подобно той.

Я старался добиться причины этого двойного умопомешательства и узнал следующее: отец их, тщеславный человек, питал страсть к алкоголю и промотал все свое состояние с друзьями; мать их была чрезвычайно пустым, горделивым существом и умерла, когда дочери были еще детьми; бабушка со стороны матери страдала горделивым бредом и внушила своим внукам идею, что, выросши, они непременно выйдут замуж за принцев и графов; дедушка со стороны матери был помешанный; одна сестра умерла от чахотки, один брат – пьяница, другой – буян, третий перенес уже маниакальный приступ, четвертый, наконец, пьяница и честолюбец, убежал в Америку, похитив отцовские вещи; а все они чрезмерно преданы республиканским и социалистическим идеям.

Лаура, относясь прилежно к своим домашним обязанностям, по временам все-таки любезничала с офицерами и унтер-офицерами; но из тщеславия отвергала их предложения, считая их ниже своего положения, которое, однако, отнюдь нельзя было назвать знатным.

Коринна, подверженная с детства головным и желудочным болям, избегала труда, также мечтая о несбыточном браке; десять лет тому назад она отклонила предложение одного чиновника, потому что однажды видела, как он ел каштановый соус; другому она отказала за то,

что он был содержателем кофейни; странная, всегда полупомешанная, она в 1866 году совсем помешалась и стала вопить, что должна выйти замуж за красавца офицера, что она графиня, богата и т. п. Сестра ее вначале относилась недоверчиво к этим галлюцинациям и только из желания успокоить ее поддерживала их, но впоследствии, благодаря постоянному пребыванию вместе с нею, сама дала убедить себя в их действительности и стала подражать ей, а затем, сошедшись на одном и том же бреде, обе стали одинаково объяснять свои ощущения. Если кто-нибудь пел на улице, то это непременно был голос их друга; если никто не являлся, то это объяснялось их недостаточно богатым туалетом. Поэтому они то и дело заказывали полные свадебные гардеробы и расхаживали по комнатам в нарядных костюмах, днем и ночью, с шелковыми зонтиками в руках, все в ожидании его прихода; но так как он не являлся, то они заказывали новые платья, тратя на это все свое состояние, и, чтобы показаться своему фантастическому поклоннику более богатыми, оставили обыкновенную пищу и стали питаться одними сладостями, считая их более подходящими для своего будущего положения. И все время кричали: «Что? Офицер? Отчего же он не приходит? Ведь мы уже одеты?». Так длилось дело до тех пор, пока в один прекрасный день им действительно представился какой-то офицер, который готов был жениться на одной из них, но они поспешили с презрением оттолкнуть его, не встретив в действительной личности того ангельского типа, который они мысленно создали себе; они никогда не выходили из дому и даже не высовывали головы в окно, чтобы при столкновении с практической жизнью их идеал не потерял своего престижа.

В моей клинике Лаура, разлученная с сестрой, вскоре успокоилась и снова взялась за труд, и только по изысканности поз и костюма да по некоторым недозрелым фразам можно было судить о ее болезни. Но зато другая продолжала пребывать в состоянии острой мании; она осыпала нас проклятиями, с отвращением отвергала всякую работу, рвала все платья, которые не были из шелковой материи, и находила недостойными себя белые и чистые больничные покрывала.

Изолированная и подвергнутая лечению водою с целью вызвать у нее обещание работать и не бредить более офицером, она в течение получаса сопротивлялась водяной пытке, но в конце концов сдалась до того, что дала надеть на себя грубое больничное платье, как я это приказал сделать, чтобы вызвать более глубокий переворот; с тех пор она неустанно работала, не проявляя так резко своего безумия, которое, однако, длится и поднесь, но только в более легкой форме.

Нет ничего поразительного в том, что эти две сестры, предрасположенные столькими наследственными причинами и воспитанием, впали в сумасшествие; труднее, однако, понять, каким образом и почему обе заболели одной и той же формой безумия, которое можно назвать платонической любовью в самом крайнем ее проявлении.

Чтобы объяснить это, должно прежде всего распознать сущность идеи. Идея – это миниатюрное изображение, акустическое или оптическое, получаемое мозгом от перцепируемых предметов; когда мы здоровы и бодрствуем, впечатление каждой отдельной идеи, каждого отдельного представления до того ослабляется серией других быстро сменяющихся идей, а еще более впечатлением действительных и живых ощущений, что она, идея, не имеет возможности вполне проявлять своего преобладающего влияния; но если, как во сне, чувствительность молчит или если вследствие чрезмерного фанатизма или мании какая-нибудь идея до того преобладает в мозге человека, что все остальные бледнеют перед нею и настоящие действительные ощущения не воспринимаются более, то она выдвигается на первый план.

Мысль о возлюбленном приходит в голову всем нашим девицам, но чтобы эта идея воплотилась в воображаемом возлюбленном, которого ласкаешь, слышишь, видишь, в то время как он вовсе не существует, – для этого нужно болезненное предрасположение со стороны наследственности и воспитания, так чтобы одна известная идея заняла первенствующее место и абсолютно властвовала над всеми остальными действительными ощущениями.

Если этих причин (наследственности и воспитания) достаточно для объяснения происхождения умопомешательства в одной из сестер, то нетрудно понять, как оно передалось другой, которая, также предрасположенная наследственностью и организацией, нашла новый импульс к болезни в сочувствии к сестре и, что еще важнее, в сожительстве с нею, что развило в ней тот инстинкт подражания, который так превалирует в интеллектуально слабых индивидуумах. Известно, что многие инквизиторы, недолго после осуждения колдуний, воображали себя самих одержимыми бесом; а на острове Яве и у самоедов эпидемически господствует у женщин род умопомешательства, которое заключается в подражании движениям других.

Морель видел молодую сестру милосердия, которая, находясь в продолжение 15 дней при маниакальной больной, заболела формой умопомешательства, вполне аналогичной эротическому; как у одной, так и у другой болезнь прошла одни и те же стадии и окончилась в одно и то же время.

В «*Annales Medico-Psychologiques*» за 1863 год рассказывается о двух братьях, которых 15 января обокрали; 24 января они оба во сне или в бреду закричали: «Вор пойман» – и набросились на племянника, чуть не убив его. Один из них, продолжая пребывать в бреду преследования, вышел из дому и направился к реке, чтобы утопиться; ему помешали в этом два жандарма, которые, после жестокой борьбы, отправили его в больницу, где он вскоре после того умер от кровоизлияния в мозговые оболочки. Другой брат, ушедший из дому после первого, отправился к той же реке и утопился. Финкельбург описал¹² двенадцать случаев умопомешательства из подражания.

Эти единичные случаи, наблюдающиеся большею частью у индивидуумов одной и той же семьи, объясняют те странные формы эпидемического помешательства из подражания, которые известны были в Средние века.

Гораздо хуже фантастической любви, несомненно, та любовь, которую я назову лживой, или симулированной. Она наблюдается в особенности у истерических женщин, обвиняющих неповинных людей в том, что они изнасиловали, оплодотворили и истязали их. Одна из таких женщин, чтобы лучше доказать измышленную клевету против двух братьев, вогнала себе *in vaginam* тринадцать кусков железа, один гвоздь и целую связку стальных прутьев¹³. Другая не только утверждала, что была изнасилована, но даже что родила ребенка, убила и похоронила его; а между тем она оказалась девственницей.

Зоологическая любовь. История упоминает о тех странных умалишенных, которые питали далеко не платоническую любовь к статуям великих скульпторов Греции. Несколько лет тому назад в Милане в суровую зиму застали голого сумасшедшего, расточавшего самые пылкие ласки статуе на Piazza Fontana. Но более общеизвестен тот вид любви, которую я назвал зоологической, хотя вернее ее назвать животной.

В Пезаро я видел слабоумных и эпилептиков, имевших любовные сношения с кошками, курами и козами. Всем нам знакомы те помешанные, или маттоиды, которые оказывают ласки и благодеяния животным – главной цели их жизни. В Женеве или в Милане, если я не ошибаюсь, жила одна дама, которая с королевской щедростью содержала двадцать собак, о свадьбах и родах которых она извещала своих друзей в подобающих письмах¹⁴.

Всем известна любовь Калигулы к своему коню, ставшему под его покровительством сенатором и затем даже консулом римским, но немногим, вероятно, известно, что граф ди

¹² Zeitschr. f. Psychiatrie, 1861.

¹³ Ann. d'Hyg., 1864.

¹⁴ Один высокопоставленный богатый военный относился с такой любовью к своей собаке, что извещал об ее амурах и родах своих знакомых в настоящих циркулярах; она же, быть может вследствие чрезмерных забот, умерла во время родов; он устроил для нее великолепную гробницу, куда поставил ее труп вместе со своей фотографией, но в течение многих лет после этого не мог успокоиться. «Когда в семье, – говорил он, – возникают неприятности, меня ничто более не утешает».

Мирандола оставил в 1821 году все свое наследство рыбе, а Borscey завещал 25 фунтов стерлингов четырем своим собакам.

Но более всех выделяется в этом отношении Gama Machado, который в одном из своих 61 завещания оставил 30 тысяч франков дохода своей компаньонке за заботы о его любимых птицах и 20 тысяч в награду человеку, который, стоя на одном из сенских мостов с громадным объявлением, не давал извозчикам мучить лошадей и мулов¹⁵.

Недавно ко мне обратилась за советом знатная иностранка, рано оставшаяся вдовой, маленькая, бледная, с живым взглядом и продолговатым черепом. Страдая с девичьего возраста истерическими судорогами, большою нетерпимостью к холоду и головокружениями, она не имела никакого полового влечения к своему мужу, к которому питала живую платоническую привязанность. Овдовев, она мало-помалу влюбилась в своего голубя. «Когда я его вижу, я бледнею и затем краснею, сердце бьется в моей груди, а затем, как бы охваченная стыдом и боязнью показаться смешной или сумасшедшей, я бросаю его в сторону, но лишь затем, чтобы после еще любовнее приласкать его».

Я отнюдь не имею в виду смешивать с этими помешанными заслуженных членов общества покровительства животным; но я не могу не сознаться, что у меня возникло сомнение относительно умственной вменяемости тех людей, например, которые не побоялись публично высказать намерение взорвать динамитом всех нас, профессоров Института S. Francesco da Paola, со всеми нашими лабораториями, за то, что мы позволяем себе жертвовать для науки жизнью собак, и которые тратили массу денег на то, чтобы отвлечь собак от наших опытов и затем убивать их по-своему, в то время как эти деньги нашли бы гораздо лучшее употребление, если бы ими оказали помощь тому ближнему, который, не умея более работать вследствие старости или болезни, вынужден просить кусок хлеба и получать его слишком горьким и соленым из рук богача или священника.

Парадоксальная любовь. Есть еще другая серия безумных поступков, где половой инстинкт играет не последнюю роль; как, например, в случае с юношей, который постоянно воровал принадлежности дамского костюма, рубашки, кальсоны, чулки, из которых не делал никакого употребления, довольствуясь одним созерцанием их¹⁶. В случае, описанном Гофманом¹⁷, молодой человек, имевший многих помешанных родственников и страдавший долгое время головными болями, имел странность похищать у девушек башмаки и убегать с ними. Я не говорю уже о тех эксгибиционистах, одержимых большею частью старческим слабоумием и начинающимся общим параличом, которые находят удовольствие в обнажении своего тела перед прохожими, или, что еще более оригинально, в акте мочеиспускания в присутствии других, как это наблюдал Арндт у одного молодого человека, с детства предававшегося мастурбации, страдавшего меланхолией и каталепсией и имевшего брата-эпилептика и родителей-невротиков.

Извращенная любовь. В высшей степени странна та форма половой психопатии, которую Вестфаль¹⁸ назвал превратным половым ощущением (*conträre Sexualempfindung*), описав любопытные примеры ее. Между прочим, он описал одну девушку, которая с восьмилетнего возраста, совершенно избегая общества мужчин, чувствовала сильное влечение к женщинам, с которыми предавалась онанизму; не получив взаимности в одной новой своей страсти, она заболела неистовой манией, перешедшей затем в циркулярное сумасшествие. Она страдала головокружениями и одышкой и проявляла волчью обжорливость; лицо у нее было асимметрическое, голова маленькая; отец ее покончил самоубийством, а мать была испугана во время

¹⁵ Legrand du Saulle. La folie devant les tribunaux, 1864. P. 218.

¹⁶ Vierteljahrschr. F. Gerichte. Midizin, 1878. P. 61.

¹⁷ Op. cit. P. 355.

¹⁸ Arch. F. Psych., Berlin, II. P. 73.

беременности. Второй случай касается старого вора и мошенника, который был арестован на станции железной дороги в дамском костюме. Он был сложен и развит как мужчина, но голос его, походка и волосы были женскими. Он сознался, что с детства испытывал особенное влечение надевать на себя дамские платья и украшения и жить с женщинами, питая в то же время полное отвращение к мужчинам; когда же он пытался подавить в себе этот инстинкт, то им овладело какое-то состояние ужаса и страха. На 16-м году он, после испуга, заболел эпилептическими припадками. Находясь в услужении в одной семье, он похитил несколько платьев своей госпожи; однако платья, которые он носил, «чтобы испытать, к лицу ли они ему», были куплены на свои деньги.

Я знал одного 48-летнего психопата, который истратил все свои деньги на подарки юношам, за которыми ухаживал, желая играть роль женщины; он нападал и колотил тех из них, которые не называли его Луизой; реденькие волосы его были расчесаны и заплетены, а костюм был наполовину мужской, наполовину женский; словом, по внешности это был тип истинного педераста.

Другой чрезвычайно интересный случай опубликовал недавно Tamassia¹⁹. Крестьянин Р. С., мать которого страдает истерией, один дядя идиот, а другой причудлив, посещал школу без особенной пользы; с 12 лет он стал проявлять боязнь в обществе мужчин, а в обществе женщин выказывал какую-то стыдливую гордость, когда кто-нибудь позволял себе двусмысленное слово. Между 15-м и 17-м годом он отрастил волосы, заказал платье, которое бы лучше обрисовывало контуры его тела, и иногда говорил, что он не мужчина; в беседе с женщинами говорил «мы» и исковеркал на женский лад свое имя. Находясь в услужении у одного чиновника, он однажды услышал от него совет надеть на себя женское платье; шутка эта, однако, вполне соответствовала его влечению, и он осуществил ее: стал по-женски причесываться, надел дамский туалет, чем возбуждал всегда смех толпы, воображал себя любовницей многих мужчин и даже вообразил, что благодаря своему хозяину забеременел и родил сына!.. Шесть месяцев спустя он снова надел мужское платье, оправдываясь тем, что его побудила к тому необходимость добывать себе пропитание, так как в женском костюме никто не желал принимать его в услужение. Невзирая, однако, на это, он долгое время хранил еще у себя некоторые принадлежности дамского туалета, в которых иногда показывался на улице, но которые преимущественно носил в своей комнате, завивая себе длинные волосы, обнажая шею и высоко приподнимая юбку, чтобы видны были икры. В течение нескольких лет он исполнял обязанности слуги, предпочитая женские занятия и избегая мужских. Ему доставляло большое удовольствие, если мужчины его хвалили, признавали его красоту или подозревали в нем женщину. Из одного дома его прогнали за кражу косметических средств, а способ, употребленный им для совершения кражи, достаточно доказывает его умственное убожество: отрицая кражу, он спрятал похищенные вещи в узелок своих вещей, так что без труда был уличен. Из другого дома его прогнали за кражу кольца у хозяйки, которая, заметив это, подняла тревогу. Он же между тем надел уже кольцо на палец и, публично показывая его, как будто вещь, полученную в подарок, с фатовской ужимкой спросил, «не идет ли оно ему и не придает ли красоты». В тюрьме он допустил телесный осмотр, которому противился на свободе. Он был среднего роста и крепкого телосложения; кожа нежная, скудно покрытая волосами, извивающимися до самых плеч; лоб низкий, выдающийся в верхней части; лицо маленькое, покрытое роскошной бородой, с выдающимися скулами; нос тупой, глаза круглые, темные, брови густые; полные губы открыты и слегка улыбаются. Половые органы нормальные, голос слабый, с фальцетным тембром. Для выпуклости бюста он носил подушечки, которые должны были заменять груди, а панталоны были подбиты ватой, чтобы икры казались более круглыми.

¹⁹ Riv. sperim. di freniatria, IV, 1878. Reggio.

Гок²⁰ описывает подобные случаи у действительных помешанных. Так, например, один еврейский юноша 22 лет, тупоумный, брат помешанного, с женским лицом, страдавший галлюцинациями и занимавшийся онанизмом, обнаружил наклонность прикасаться к половым органам мужчин. Он был отпущен, но вскоре обратно доставлен за свои противоестественные наклонности.

Крафт-Эбинг рассказывает об одной девушке (мать и сестра которой были невропатками), чрезвычайно раздражительной сомнамбуле: вследствие душевного угнетения она 22 лет от роду заболела периодической манией с непреодолимым стремлением к индивидуумам своего пола и величайшим отвращением к мужчинам, которое исчезло на 28-м году. Другая девушка, происходящая от экзальтированной матери и имеющая сумасшедших сестер, в детстве страдала конвульсиями, впоследствии стала раздражительной, эксцентричной и проявляла бред преследования; на 24-м году ее охватила мания с таким влечением к особам ее пола, что невозможно было разлучать ее с ними; через два месяца этот отвратительный инстинкт совершенно исчез.

В Павии я лечил одного 13-летнего мальчика, страдавшего эпилепсией вследствие травматического ранения правой части головы; у него была чрезвычайно нежная физиономия, хорошее сложение, красивая форма черепа; при этом он был интеллигентен и честен. После первых же эпилептических припадков он стал ленивым, не способным к учению, воришкой и, что еще более странно, пассивным педерастом, так что даже шлялся по казармам. Принятый в клинику, он стал для нее настоящим бичом вследствие своей нравственной испорченности; в течение пяти лет, пробытых им в клинике, я мог наблюдать полнейшее приостановление роста и полового развития, так что мы имеем здесь дело с истинной маниакальной педерастией, вызванной приостановкой мозгового развития вследствие поранения.

Я обращаю при этом внимание на то, что почти во всех подобных случаях мы находим аномалии, указывающие на задержание развития: мало волос в бороде, недалекий ум, атрофию яичек и часто эпилепсию.

Эта форма «превратного полового ощущения» – переходный пункт к тому виду педерастов, описанных впервые Каспером, которые от рождения чувствуют влечение к пороку – единственной идеальной цели в их жизни. Вспомним здесь пространное самооправдание Застрова и про замечания Ульрихса, который в своих книжках *Vindicta*, *Atra spes*, *Inclusa*, *Gladins fovens*, основываясь на том факте, что в первые месяцы внутриматочной жизни оба пола недостаточно ясно отделены, утверждал, что нельзя исключить возможности, чтобы душа женщины заключалась в мужском теле (*anima mulieris in corpore virili inclusa*), и настаивал, чтобы церковь санкционировала законность брака между мужчинами!

Доля истины имеется в бреде жертв этой странной болезни. Дело в том, что гермафродиты и псевдогермафродиты чувствуют потребность проявлять любовь в направлении, противоположном кажущемуся полу.

Но еще более печальная и отталкивающая форма любви у помешанных – это *satyriasis* и *pinfomanis*, которые наблюдаются при общем параличе, старческом слабоумии, эпилепсии, спинальном склерозе, чахотке, гидрофобии или же вследствие чрезмерной жары, глестов, ношения слишком тесных платьев, чтения грязных книг, во время и после чрезмерных менструаций, главным же образом вследствие мастурбации, которая, как отлично выразился Эмингаус²¹, возбужденная вначале фантазией, потом со своей стороны возбуждает и раздражает последнюю и снова возбуждается ею.

Я лечил однажды мальчика-онаниста, который восьми лет от роду покушался на изнасилование своей матери. Галль наблюдал одного трехлетнего и одного пятилетнего сатириаков.

²⁰ Arch. F. Psych., V, 564.

²¹ *Emminghaus*. Allgemeine Psychopathologie. 1878.

Субъекты эти большею частью находятся в состоянии полной гиперестезии к свету, к звуку, половым ощущениям; они бросаются на женщину, не обращая внимания на ее возраст; а если им мешают, приходят в ярость и становятся вампирами.

Нимфомания превращает самую робкую девушку в вакханку, которую по нескромности нельзя даже сравнить с проституткой. Каждый встречный мужчина становится предметом ее страстных желаний; она зовет его, просит, старается возбудить хитростью, ласками и самым утонченным кокетством, но если этим не достигает цели, то пускает в ход насилие и угрозы. Часто она страдает от чрезмерной жажды. Запекшиеся губы, зловоние изо рта, слюнотечение, высунутый язык, подергивание ног, холодный пот и стремление убивать всякого встречного – вот симптомы, дополняющие картину болезни, похожей на гидрофобию, тем более что, как и при последней, здесь наблюдается боязнь жидкостей и чувство удушья. Позднее наблюдается опухание клитора и лимф, протрация сил и наконец смерть.

Более часта слабая форма нимфомании, которая проявляется в наклонности обнажать свое тело, рвать на себе одежду, презирать свой пол, говорить о брачной ночи и пр.

Я видел случай, в котором эта ужасная любовь или, лучше сказать, болезнь проявилась у одной весьма благородной женщины после дифтерита, и я упоминаю о нем здесь, потому что и до сих пор этот случай остался единственным, по крайней мере в психиатрии.

Это была 38-летняя женщина, мать и сестры которой страдали чахоткой. Муж ее был сварливым человеком, что, однако, не мешало ей любить его и быть ему верной; вообще она вела такой скромный образ жизни, что в городе почти не знали про ее существование. Тридцати пяти лет она заболела бронхитом; тридцати восьми лет она внезапно помешалась на том, что ее околдовали, стала онанировать, настоятельно требовала супружеских сношений. Исследование показало следующее: обложенный язык, ненасытная жажда, рвота; в груди плевритическое трение с левой стороны и свистящие хрипы в верхушке; с правой стороны везикулярное дыхание почти уничтожено, при тщательном исследовании с помощью выстукивания и выслушивания получаются все симптомы существования каверн в верхней доле легкого; живот чувствителен к давлению, vulva изъязвлена, с обильным лейкокорейным истечением; больная насильно и бурно вводит туда руку и посторонние тела, раздражая этим слизистую оболочку; каждый раз она проявляет желание укусить кого-нибудь и совершенно отвергает пищу. Моча 1015, Фогель 2, мало кислот; через несколько дней 1020, с белком. Через 12 дней наступил паралич мочевого пузыря, при этом сильная боль в гортани, температура 40°. На некоторое время она при этом успокоилась, но затем еще сильнее стала онанировать и впала в спячку. 24 часа спустя реакция мочи стала щелочною, 1025; впервые выступили дифтеритные пленки, которые, как оказалось при вскрытии, перешли и на пищевод, осложнив собою гнойный бронхит; матка очень маленькая с инъецированным, гранулезным зевом, левая почка нормальна, правая срослась с капсулой, кора, чашечки и мочевые каналы представляют гнойно-серозную инфильтрацию.

В более легких случаях женщина старается владеть собою и выказывает лишь сильное беспокойство, перемену в характере, изощренное кокетничанье или упорную грустную молчаливость; при виде мужчины ее дыхание учащается, пульс становится быстрее, выражение лица оживленнее; но вначале сдержанная, она затем забывает о скромности и начинает думать и говорить лишь о распутстве. Женщин она избегает и дурно относится к ним. Я знал одну, которая хвастала тем, что имела 44 любовников; когда она встречалась со студентами, то самым бесстыжим образом приглашала их к совокуплению. Однажды она самым серьезным образом рассказала мне, что имела coitus с каменщиком, работавшим недалеко от больницы, и описание было такое точное, что я почти поверил ей, а между тем это была галлюцинация, точно так же как и рассказ об обезглавлении ее сыновей; однако эти галлюцинации не были так упорны и постоянны, как это обыкновенно наблюдается у мономаньяков.

Женщины, страдающие половой психопатией, значительно превосходят в этом отношении мужчин, и после долголетнего опыта я убедился, что Nergt не преувеличивал, утверждая, что две трети помешанных женщин страдают болезнью половых органов: гипертрофией шейки, язвами зева, маточно-влагалищными сращениями, катарами, оваритами, будь это в виде осложнения расстройств абдоминального кровообращения или вследствие анемии и слабости, вызываемой обильными потерями крови, или вследствие гиперестезии и раздражения спинного мозга, которые, возбуждая более живые маточные рефлексy и ослабляя психическую деятельность, вызывают конвульсии, благоприятствуют возникновению ненормальных ощущений и превращают их в иллюзии, галлюцинации, импульсивные безнравственные поступки или в более странные виды безумия, которые Крафт-Эбинг, например, наблюдал у девятнадцати женщин, возобновлявшиеся вместе с регулами.

Многие, подобно детям после сказки, нуждаются в том, чтобы им сказали, к какому заключению приводят факты, о которых шла речь, и это обстоятельство трудно обойти. Недостаточно сказать им, что в позитивных науках факты сами за себя говорят. К счастью, в данном случае вывод ясно бросается в глаза; вывод этот тот, что и сумасшествие тесно связано с физиологическим состоянием и что в любви помешанных в преувеличенном виде представлены наклонности здорового человека. И в самом деле: молчаливая меланхолия, возникающая из несчастной любви, – преувеличение того состояния, в котором, как утверждал Данте, скрываются великие страдания.

Точно так же и та форма сумасшедшей любви, которую я назвал немой, может быть в зародыше наблюдаема у более робких влюбленных, которые приписывают влюбленным особам идеи и поступки, на которые они вовсе не способны и которые им никогда в голову не приходили; при этом они воображают, что в каждом их движении и в каждой мысли скрываются эффекты и тайные цели, которых, кроме них, никто не угадывает, а менее всего – их милая.

Эротомания – это платоническая любовь в карикатуре, точно так же как нимфомания – карикатура грубо-животной любви. Эротически-кровавая форма, некрофиломания, напоминает любовь (и происходит от нее) наших отдаленных предков, которые не довольствовались, как это принято теперь, вздохами и золотом, а доходили до жестокой борьбы, в которой те или другие падали мертвыми, будь это для уничтожения сопротивления женщины, для которой брак был новой формой рабства, или для удаления соперников. След этого обычая сохранился в браках дикарей, например, в Австралии, где принято, чтобы муж поджидал жену за забором, сразил ее ударом в затылок и, лишенную чувств, отнес на брачное ложе. От этих обычаев ведут начало некоторые брачные обряды многих наших народов, симулирующих борьбу или похищение; не подлежит сомнению, что след их сохранился в ужасном празднестве Jagraat'a в Индии и в римских вакханалиях, где каждый сопротивлявшийся совокуплению, даже мужчина, разрезывался на мелкие кусочки²².

Эта жестокость наблюдается вообще у животных во время течки, когда более сильный соперник убивает или ранит более слабого и остается победителем; но она наблюдается также и у современного человека.

Лукреций, великий мыслитель, наблюдал, что мужчина, которому женщина оказывает сопротивление при совокуплении, становится диким и жестоким и способен поранить и побить эту женщину²³.

Мантегацца признался один его приятель, что им овладела сильная страсть душить кур, когда после первого убийства одной курицы он испытал наслаждение в ощупывании ее теплых внутренностей, каковое ощупывание доставило ему чрезвычайное удовлетворение его сладо-

²² Тут Ливий. XXXIX, cap. VIII.

²³ Цель вожделений своих сжимают в объятьях и, телу боль причиняя порой, впиваются в губы зубами Так, что немеют уста... Лукреций. О природе вещей. М., 1958. С. 156.

страстия. Один тонкий наблюдатель указал мне на то, что во Флоренции некоторые богатые развратники имеют обыкновение для возбуждения своей похотливости покупать кошек, которых выпускают на свободу из закрытых мешков, натравляя на них свирепых собак. История, впрочем, показывает нам, что всегда в случаях буйств и грабежей жестокость сочетается с самой необузданной похотливостью.

Извращенная или превратная любовь напоминает и объясняет нам лесбийские ужасы; возможно, что она ведет начало от того гермафродитизма, который Дарвин предполагает у наших отдаленных предков и который наблюдается в первые месяцы зародышевой жизни, а также, как верно указывает Гофман, от той аналогии обоих полов, которую я открыл у преступников.

Наконец, самые странные больные, одержимые тео-эротоманией, напоминают тех несчастных, которые всем сердцем отдаются церкви, когда им больше нечего ждать от мужчины.

Что касается преобладания половых и эротических отклонений у женщины, то это обстоятельство снова подтверждает большее влияние, оказываемое на нее любовью и половым аппаратом, в сравнении с мужчиной который, быть может, вследствие этого уже за много веков называл ее на языке семитов, а в Индостане *Kalatra, semen serbans*. Если, с одной стороны, и печально, что половая сфера у женщины служит для нее таким фатальным источником нервозности и психопатии, то, с другой стороны, даже психиатрической, это обстоятельство вознаграждается надеждой на ту терапию, которая впервые введена у нас Де-Кристофорисом и Франколини и которая излечивает некоторые психозы и наиболее упорные рефлекторные неврозы посредством удаления яичника²⁴.

²⁴ 23-летняя Бортолацци родители которой болеют пеллагрой, а бабушка болела нимфоманией, с 18-летнего возраста страдала конвульсиями, переходившими в неистовую манию после каждой регулы; по удалении профессором Франколини яичников, находившихся уже в состоянии коллоидного перерождения, наступило внезапное улучшение (Archiv. ital. per le malattie nervose. Milano, 1880. fasc. 6).

Прибавление

1. Серия новых форм любви у помешанных не была, как я это полагал, исчерпана описанными выше.

Недавно мне представился некто Карл Бор., 20 лет, из Турина; он был маленького роста (1,44), противен лицом, с черными волосами и беспокойным взглядом. Он жаловался на частые боли в межреберьях и позвоночнике, в местах, соответствующих поясничным позвонкам.

Но причина, вследствие которой он явился ко мне за советом, состояла в том, что он был подвержен постоянным эрекциям и чрезмерной возбудимости, которая доводила его до изнасилований, когда он видел пред собою какой-нибудь белый предмет, будь это даже стена; в особенности он приходил в возбужденное состояние при виде развешанного и развевающегося белья. Первое проявление этого странного ощущения он относит к самой ранней эпохе своего детства, когда, видя своих сверстников в белых передничках, испытывал возбуждение и живое удовольствие в прикосновении к ним; впоследствии шуршание белья доставляло ему наслаждение, равносильное сношению с женщиной.

Девяти-десяти лет он стал заниматься онанизмом, но извержение семени происходило лишь при виде накрахмаленного белья.

Это состояние было причиной нескольких изнасилований и постоянной потребности совокупления, для удовлетворения которой он стал воровать. Но, как я понял из его истории, склад его души был аналогичен складу души у рожденных преступников.

Не по летам развитой, он вначале любил учение, но на девятом году стал удаляться от школы; родители били его; он украл у них 22 лиры и отправился в Геную, затем в Неаполь, откуда власти отослали его обратно в Турин. Вернувшись сюда, он некоторое время оставался дома, но затем отправился в Беллинцону, а оттуда, 12 лет от роду, пошел пешком во Францию, где стал каменщиком.

Четырнадцать лет он стал иметь сношения с женщинами.

В Турине он в 16 лет был арестован за нанесение ран острым орудием, а в 18 лет обвинялся в убийстве из-за женщин и был осужден на год тюремного заключения.

Следует еще упомянуть, что Бор еще мальчиком получил тяжелое поранение головы, от которого долгое время страдал.

Как это обыкновенно в таких случаях бывает, он происходит от невропатов.

Отец Б. здоров, но мать страдает мигренью, сестра – истерией; бабушка умер от душевного расстройства, наступившего после финансовых потерь, бабушка случайно умерла от отравы; один кузен – полуидиот, один брат – заика.

Я вначале отнесся недоверчиво к его признаниям, потому что если он и был невропатом, что доказывалось различными невротами, притупленной чувствительностью, правосторонними парезами и наследственным предрасположением, то дело шло также о преступнике, который мог иметь свой интерес в симуляции, но когда я наткнулся на два случая Маньяна и Шарко, имеющих столько аналогии с моим случаем, то последний стал для меня вполне вероятным.

Вот история случая Шарко.

С., крестьянин 37 лет, отец которого алкоголик, дядя сумасшедший, мать и сестры нервны и меланхоличны, а брат помешан, сам кривоголовый. Пятнадцати лет он увидел сушившийся на солнце белый передник, взял его, обвязал вокруг тела и прикосновением к нему стал онанировать за забором. С того дня он не мог видеть передников, чтобы не завладевать ими для мастурбации, после которой бросал их прочь. Когда он видит кого-нибудь в переднике, то, невзирая на пол, чувствует потребность следовать за ним.

В 1861 году родители отдали его в морскую службу, чтобы положить конец этому состоянию, и действительно, не видя перед собою передников, он успокоился, но в 1864 году, вернувшись в отпуск, он снова проявил свою странную склонность и стал красть передники. И днем и ночью он только о них и думал, и его толкало красть только передники, а не что-нибудь другое. Если бы пред ним лежали тысячи франков и передники, он бы к деньгам даже не прикоснулся, а взял бы одни передники.

Два раза он был судим за такую кражу и приговорен к небольшим наказаниям.

В 1870 году он однажды увидел пред лавкой выставку из ряда очень чистых передников. Он простоял пред ними на страже целый день. Ночью он перелез через стену во двор, откуда можно было проникнуть в лавку и завладеть передниками. Он был арестован и осужден. Отбыв наказание, он, для избежания передников, определился на два года на трансатлантический пароход, затем поступил в монастырь, истязал себя и на некоторое время успокоился, но вскоре его страсть снова возникла, и уже в качестве служителя при гостиницах он стал красть или приобретать все новые передники. Он спал с ними. В 1880 году он ночью покушался на кражу передников, которые днем заметил в одном магазине. Он был арестован. При обыске у него нашли массу передников, запятнанных мужским семенем. На сей раз сумасшествие было распознано, и он был отправлен в дом умалишенных.

Еще оригинальнее другой случай. М. Х., у которого, между прочим, наблюдаются фимоз, удлиненная на несколько сантиметров крайняя плоть и припухший у основания penis, происходит от в высшей степени нервных, почти помешанных родителей; рано развившись, он трех лет от роду умел уже читать, но, физически очень слабый, он шести или семи лет стал проявлять странную наклонность – смотреть на ноги женщин, чтобы удостовериться, имеются ли гвозди в их ботинках, и вид этих гвоздей наполнял его существо каким-то необыкновенным удовольствием. Он овладел ботинками двух своих кузин, чтобы сосчитать количество штифтов в них, а ночью в постели только и думал о сапожнике, который их вбивал, о мучениях девушки, если эти гвозди ей врезаются в ноги, как у лошадей, или если ей совсем отрезают ноги, и в то же время онанировал, более для пополнения фантастичности истории (уверял он), чем для материального удовольствия, которое он при этом испытывал.

Отданный в школу, он, не видя пред собой женщин, казался менее возбужденным. Понимая, что дело, быть может, идет о печальной привычке, он старался пересилить себя. С горячей головой и тесно сжатыми кулаками, он употреблял все средства, чтобы успокоиться, но вместо успокоения получался лишь полнейший упадок сил. Очень часто, при мысли о ботинках, возбуждавших его эротические идеи, вращавшиеся вокруг одного и того же предмета, он выбрасывал семя, без всякого прикосновения к чему-нибудь и хотя это было ему противно, ибо прерывало нить его эротических представлений. Ухудшалось это состояние во время каникул, когда он находился вблизи своих кузин; одна из них, более сметливая, обыкновенно клала свою ногу на ногу двоюродного брата, хотя последний никогда с нею на этот счет не условливался, в особенности она любила это делать, когда бывала в новых ботинках, и тогда одного прикосновения к гвоздям бывало достаточно, чтобы он выбрасывал семя.

На 18-м году он стал испытывать сладострастную дрожь при звуке женских шагов на улице (а он в этом отношении приобрел необыкновенную тонкость), если по этому звуку мог догадаться, что ботинки были с гвоздями; то же самое он испытывал, когда проходил мимо сапожников и видел у них дамские ботинки. Некоторое успокоение доставила ему настоящая любовь к одной девушке и женитьба на ней, но вслед за этим дело пошло еще хуже прежнего. В 1868 году вид гвоздей не вызывал более эрекции, а странное чувство давления в мозге, переходившее на затылок и члены; при этом глотка стягивалась, лицо оживлялось и он испытывал сладострастное ощущение, которое не сопровождалось эрекцией.

Припадок этот бывал слаб, если, например, какой-нибудь сапожник говорил с ним вообще о дамской обуви; сильнее, если эта обувь принадлежала знакомой ему женщине; еще

сильнее, если он видел эту обувь на самой женщине и если при этом гвозди были большие; сильнее всего – если женщина, носившая обувь, была молода и красива.

Если он прикасается к этим гвоздям или слышит их звук, в особенности же если прикасается к ним *penis*’ом, то происходит эякуляция.

Эти мысли внезапно возникают в нем, когда он сильно о чем-нибудь думает. Борьба с ними кончается тем, что он начинает страдать галлюцинациями: ему кажется, что какой-то голос внутри его кричит ему, что всякое сопротивление напрасно. После каждого приступа он засыпает глубоким сном. Вообще же он плохо спит, испытывает тягостное ощущение в затылке и чувствует себя хуже всего летом.

В общем, это был весьма образованный молодой человек и хороший управляющий. Однажды его застали онанирующим пред магазином обуви и арестовали.

М. L., 37 лет, отец которого – оригинал, обжора и часто страдает галлюцинациями, а брат проявляет странные и дурные привычки, был прилежен, но ему все трудно давалось, так что он вынужден был переменить несколько занятий. Когда ему было пять лет, он, лежа со своим 30-летним родственником в постели, испытал эрекцию, когда тот надел свой ночной колпак; точно то же он испытывал, когда его горничная надевала чепчик. Он не онанировал с товарищами. Женившись впоследствии, он не мог иметь эрекций, если не думал о ночном чепце.

2. Преждевременное развитие любви. Мы видели, что все эти только что описанные случаи ненормальной любви возникали и зарождались в раннем детстве; в моем случае уже в трехлетнем возрасте.

Заметим, что вообще извращение полового чувства почти всегда развивается преждевременно, как это видно, кроме описанных случаев Шарко, еще из следующих.

R., упоминаемый Шарко, впервые стал испытывать удовольствие при виде обнаженных мужчин, когда ему было шесть лет, и с этого же времени стал пытаться надевать на себя женское платье.

Я лечу в настоящее время девушку, о матери которой можно сказать лишь одно хорошее, но бабушка которой – развратница, дедушка – пьяница и двоюродный брат – преступник; с трехлетнего возраста она стала заниматься онанизмом, не в состоянии будучи уступить ни упрекам, ни угрозам, ни врачебному лечению; она доходила до того, что онанировала тем самым инструментом, который употреблялся для впрыскивания ей лекарств.

Другая пациентка, происходящая от невропатической семьи, маленького роста, *dolichosefala*, интеллигентная, восьми лет стала онанировать, наученная тому одной подругой, и продолжала делать это и после замужества, в особенности когда бывала беременна. У нее было 12 детей; из них пятеро преждевременно умерли, четверо имели дурное строение черепа и выказывали порочные наклонности. Один из них, интеллигентный, с семилетнего возраста стал заниматься онанизмом, выказывая в этом необычайное упорство; точно так же и другой брат, умственно отставший, стал онанировать с четырехлетнего возраста, находя в каждом движении предлог к мастурбации.

Третья пациентка, четырехлетняя девочка, идиотка, с огромными ушами, почти не умеющая говорить и страдающая конвульсиями, также проявляет уже эту похотливую наклонность.

Zambaco²⁵ только что описал двух сестер, одержимых странной и преждевременно развившейся страстью к онанизму.

N. K., десяти лет, проявляет преждевременное развитие в выражении лица и в поведении; она тщеславна, горделива и предпочитает общество маленьких мальчиков, насильственные действия над которыми она заставляет прощать себе ласками и любезностями. С нею бывали припадки бешенства, во время которых она металась по земле. С пятилетнего возраста она стала проявлять наклонность к краже даже таких вещей, которые могла бы получить даром.

²⁵ Encephale, n. 1–2, 1882.

Обладая пылким воображением, она любила прекрасное, но осмеивала Бога. С 1879 года она стала страдать белями (у нее нашли *oxinris*), вследствие чего похудела. Семи лет она украдала какие-то туалетные вещи и лакомства; застигнутая врасплох, она упорно отрицала это. С тех пор стали замечать, что она старалась уединяться с мальчиками в одну хатку, будто бы для игры в орехи. Но вместо этого она предавалась с ними мастурбации.

В 1881 году она уличена была в новых кражах; в то же время у нее заметили припухлость *vulvae* вследствие постоянных раздражений. Обыкновенно она старалась так усаживаться на стуле, чтобы можно было вызывать эротическое возбуждение.

Кнут не помог; он только притупил ее, сделал коварной и злой; точно так же не помогли смирительная рубашка и холодная вода, которою она вначале старалась успокоить себя.

Верхняя часть тела очень исхудала, но зато тем лучше развилась нижняя. «Почему я стану лишать себя такого невинного удовольствия? – говорила она и затем прибавляла: – Я знаю, что это дурно, но я не могу поступать иначе».

Она припоминала, что, будучи еще совсем маленькою, она видела, как одна ее наставница делала то же самое в ее присутствии. Позднее другая наставница, запретив ей прикасаться к *genitalia*, возбудила ее любопытство. Вначале она стала трогать свои *genitalia* из одного любопытства, не испытывая при этом никакого удовольствия, но впоследствии желания стали являться в определенные часы.

Она испортила четырехлетнюю сестру, которая также стала испытывать удовольствие от мастурбации на восьмом году; позднее она предавалась порочным поступкам с мальчиками.

«Для меня нет ничего ужаснее, – говорила она, – как желать сделать это и не быть в состоянии: можно с ума сойти. В такие моменты я чувствую головокружение. Я ничего не вижу, ничего не боюсь, лишь бы я могла это сделать».

Когда я бывала огорчена, я это делала чаще и больше, точно так же когда меня уличали в краже. Я пользовалась круглыми телами. Иногда головными шпильками, вид которых внезапно пробуждал во мне желания, затем молитвенником.

Если мне препятствовали в этом удовольствии, я страшно злилась. Я призывала дьявола, который однажды ночью неожиданно явился. У него было страшное лицо. Я испугалась и на другой день исповедовалась, но затем опять стала призывать его и уговаривать убить моих родителей».

Женщина, преступница или проститутка

Любовь

I. Любовь у животных

У животных, стоящих на низших ступенях развития, у которых самка физически сильнее своего самца, любви, собственно, не существует. Самка прогоняет самца немедленно после своего оплодотворения, и здесь мы видим половой инстинкт всецело подчиненным материнству. Самки-пауки пожирают часто после совокупления своих самцов, если последние не успевают тотчас же убежать от них. Бесполое особи у муравьев и пчел исполняют роль матерей, не зная совершенно половых отправлений, а пчелы-самки ежегодно истребляют своих трутней.

Чувство любви начинает примешиваться у самки к материнскому только тогда, когда самец, будучи физически сильнее ее, подчиняет ее своему господству и начинает требовать от нее удовлетворения своей более пылкой чувственности. Если не считать насекомых (*Ublencus cicatricosus*), то о любви можно в собственном смысле говорить только у птиц, так как они являются в зоологической лестнице первыми, у которых наблюдается более или менее продолжительная жизнь парами. Но и здесь самец является более активным членом таких пар.

«В противоположность другим животным, – говорит Brehm, – большинство самцов-птиц проводит всю свою жизнь с одной самкой; полигамия и многократное парование, как это наблюдается у млекопитающих, у них встречается редко. Два супруга, вступив раз в союз, поддерживают таковой в течение всей своей жизни – и это исключительный случай, чтобы один из них нарушил его. Но так как у птиц число самцов превышает число самок, то и здесь имеются свои „холостяки“ и „вдовцы“, которые стараются овладеть чужими самками. Поэтому в период парования между самцами происходят часто отчаянные схватки, в которых одни из них защищают неприкосновенность своего супружеского ложа от других, пытающихся его осквернить.

Ревность, и порою самая сильная, также не редкость среди птиц. Часто можно видеть, что самки вместе со своим самцом сообща прогоняют слишком дерзко добивающегося взаимности любовника, но нередко бывает и так, что самка благосклонно относится к последнему, предпочитая его своему, так сказать, законному супругу. Наблюдали самок, которые, спустя полчаса после того как их самец был убит, отдавались другим.

Самцы, очевидно, более страдают, теряя своих самок, что, быть может, зависит от того, что им труднее найти новых»²⁶.

В общем самец во время парования всегда кажется более страстным и влюбленным в свою самку, последняя же держится довольно пассивно, занятая виением гнезда.

Певучий попугай-самец занят, кажется, исключительно своей самкой, когда она сидит на яйцах, и совершенно игнорирует всех других самок. Когда он не отправляется за кормом, то садится на край гнезда и поет своей подруге свои лучшие песни²⁷.

Самец-клект всячески ухаживает за своей клестовкой, когда она занята высиживанием яиц, точно он хочет этим вознаградить ее за тот труд, которого не может с ней разделить²⁸.

У коноплянок и зябликов ревность наблюдается только у самцов и никогда у самок²⁹.

²⁶ Brehm. Жизнь животных, т. III, с. 25.

²⁷ Там же, с. 102.

²⁸ Там же, с. 115.

²⁹ Там же, с. 103.

Среди хищных птиц благородный сокол-самец и кобчик кормят свою самку, когда она сидит на яйцах, и развлекают ее разнообразными воздушными эволюциями, за которыми она следит взором. Совы-самцы, по-видимому, очень влюблены и привязаны к своим самкам, которые являются страстными матерями³⁰.

Самец-козодой всегда очень нежен со своей самкой³¹.

Самец королевской птицы, в то время когда самка сидит на яйцах, всегда вертится около нее, перепархивает с одного места на другое, поет или машет крыльями³².

Об ибисе Brehm говорит следующее: «Супруги, особенно самец, отличаются большою верностью друг другу. Последний никогда не оставляет самку без того, чтобы ее не приласкать перед своим отпавлением и не спеть ей несколько песен своих. Он очень ревнив»³³.

Но в общем, повторяем, любовный инстинкт у самца развит сильнее, чем у самки, которая более, нежели он, располагает выбором³⁴.

Самка-дятел во время парования перелетает с места на место, окруженная целой стаей поклонников, которые наперебой забавляют ее самыми разнообразными играми в воздухе для того, чтобы понравиться ей. Немало проходит времени, пока она изберет себе из этой стаи одного. Одна дикая утка была приручена и вскормлена дома. В продолжение двух лет подряд она жила с одним и тем же самцом, но немедленно прогнала его от себя, как только в птичник был впущен другой самец.

Boitard и Carbie сообщают из жизни голубей следующее: «Когда какой-нибудь голубь антипатичен голубке, то что бы ни делали с ней для того, чтобы расположить ее к нему, ничто не помогает. Ей дают возбуждающий половой инстинкт корм, оставляют ее в одной клетке с этим самцом в продолжение шести месяцев, даже года, но она упорно продолжает отказывать ему в своих ласках. Ни его жесты, ни его заигрывания, ни, наконец, его нежное воркованье не могут ее тронуть и смягчить. Она мрачно и неподвижно сидит все время в одном из углов своей темницы, изредка только оставляя его для еды и питья, а также для того, чтобы с особенной яростью защищаться против любовных поползновений самца»³⁵.

Трудно сказать, что, собственно, руководит самкой при выборе ею самца: в некоторых случаях она, очевидно, предпочитает более сильного, хоть и старого самца более молодому, как это наблюдается, например, у глухарей.

Точно так же мы находим и у птиц, несмотря на явное господство у них самца над самкой, тот же антагонизм между половым и материнским инстинктами, который у низших представителей животного царства всецело сводится к преобладанию последнего.

Brehm рассказывает, что один самец из породы *Amadina* был очень требователен по отношению к своей самке, которую он заставлял уже начать вить новое гнездо, в то время как нововыведенные птенцы не имели еще и десяти дней от роду; самка же упорно топырилась и, видимо, не соглашалась³⁶.

Часто приходится наблюдать, что кенарь (самец) разбивает носиком собственные яйца, так как канарейка, всецело поглощенная высиживанием их, совершенно не отвечает на его любовные ласки.

Причина этого заключается в том, что у самцов половое влечение более интенсивно и они сильнее привязаны к своим самкам, нежели последние к ним. У самок же оно сказывается не

³⁰ Там же, с. 38.

³¹ Там же, с. 216.

³² Там же, с. 751, 824, 840.

³³ Там же, с. 15.

³⁴ Darwin. Origin of man. с. 386.

³⁵ Там же, с. 384.

³⁶ Brehm. Op. cit. с. 226.

так резко, так как у них слабее выражен половой инстинкт и, кроме того, материнство является могучим отвлечением для их эротических побуждений.

Полигамия у птиц. У некоторых более или менее редких пород птиц, как, например, у павлина, фазана, глухаря и у многих куриных пород³⁷, существует полигамия, но в таком случае роль обоих полов в выборе уже меняется. Так, павлины-самки, равно как и дикие индюшки, особенно очень старые, делают всегда сами первые шаги к выбору себе самцов. Самцы-глухари стоят совершенно спокойно и стараются обратить на себя внимание прыгающих вокруг них самок тем, что оттопыривают свои перья.

Двух самок из породы *Lophophorus*, которых Bartlett считает полигамами, нельзя поместить в одну клетку с самцом, ибо они начинают тотчас же драться из-за него. Исключением являются снегيري, у которых существует моногамия, но и у них самка выбирает самца, а не наоборот.

По мере того как самец окружает себя все большим и большим числом самок и как он в состоянии все шире и шире удовлетворять свой половой инстинкт, самки начинают все более и более терять для него свою цену. Между ними начинается тогда непрерывная борьба из-за обладания им, причем каждая из них старается понравиться ему более остальных.

Млекопитающие. Половая жизнь млекопитающих далеко не так разнообразна, как у птиц. Союзы их, большей частью полигамического характера, редко продолжаются долго. Обыкновенно они длятся до тех пор, пока у самки существует еще течка или пока на свет явится молодое потомство. Трудно сказать, в ком – в самце или самке – более интенсивно эротическое чувство.

Особенно сильно развита половая любовь у тех пород, которые живут более или менее долгое время вместе. Brehm рассказывает про африканских дикобразов, что они очень нежные супруги и днем сидят в своей норе неподвижно, тесно прижавшись один к другому, ночью же выходят из нее, ласкают и лижут друг друга, даже между иглами, которые каждый из них поочередно поднимает так, чтобы другой мог просунуть между ними свой язык. Когда же один из них отказывается от подобных ласк, то другой приходит в ярость. Однажды из-за этого один самец был насмерть укушен в голову своей самкой³⁸.

Морские свинки – самец и самка, – по-видимому, также очень любят друг друга. Они постоянно лижут и ласкают одна другую лапами. Если одна из них спит, то другая сторожит ее и будит ее языком и лапками, если сон длится чересчур долго³⁹.

Кролики живут парами в течение долгого времени, не оставляют обыкновенно ни на одну минуту один другого, и самцы очень заботливо ухаживают за своими самками. В свою очередь и последние также очень нежны с ними, будучи даже поглощены заботами о детенышах, они время от времени оставляют последних на короткое время, чтобы обменяться ласками со своими самцами.

И у млекопитающих бывают примеры, когда выбор делается самкой. Так, свинья часто отгоняет от себя упорно одного кабана и отдается немедленно же другому. Суки часто грызут всех бегающих за ними кобелей и случаются только с одним из них. В своем выборе они, по-видимому, руководствуются величиной, цветом шерсти, индивидуальным характером самцов и особенно – что еще важнее – степенью дружбы, в которой они до этого с ним находились. Самка северного оленя отдает всегда предпочтение самому сильному самцу.

Bleakiron утверждает, что он никогда не видел кобылу, которая не отдалась бы любому жеребцу; между тем такие случаи имели место в главной конюшне Wright'a. Hunter описывает ту хитрость, какую пришлось употребить, чтобы случить самку зебры с ослом; для этого

³⁷ Darwin. Op. cit. c. 195.

³⁸ Darwin. C. 242.

³⁹ Brehm. II. C. 252.

последнего выкрасили в белые поперечные полосы на манер того, как выглядит зебра. Зебра-самец не так разборчив, и с ним нет надобности принимать таких предосторожностей. Для зебры-самки высшая красота ее самца заключается, очевидно, в полосатости его.

Однако у млекопитающих выбор иногда принадлежит и самцу. Так, заводские жеребцы часто не хотят случаться с одной какой-нибудь кобылой, без всякой, по-видимому, причины, и охотно это делают с другой⁴⁰.

Но это есть, как и у птиц, следствие полигамии, которая чрезвычайно сильно распространена среди млекопитающих. У некоторых видов она постоянна, как, например, у лошадей, горилл, павианов, у других же, например у льва, дикого кабана, она – явление временное. Полигамия обычно встречается у большинства обезьян, например у павианов и ревунов, затем почти у всех животных и особенно у азиатских диких кабанов, индийских слонов, многих пород тюленей и у обыкновенных мышей. У всех же плотоядных, кроме льва, имеющего иногда по две, три и до пяти самок зараз, наблюдается обыкновенно моногамия⁴¹.

Вместе с полигамией начинается подчиненность самки самцу. Самки некоторых мозоленогих (ламы, гуанако) отличаются большой преданностью своему самцу. Если она видит его раненым, то спешит к нему на помощь, не обращая никакого внимания на выстрелы охотников. Наоборот, если подобная печальная участь постигает одну из самок, то самец преспокойно убегает с прочими самками, совершенно не заботясь о раненой.

Brehm рассказывает об одной полигамической семье горилл, состоявшей из нескольких самок под предводительством одного самца. Самки были, по-видимому, очень привязаны к своему очень ревнивому самцу, потому что всячески старались возбудить к себе его внимание, то ласкаясь к нему, то глядя его по ногам, что доставляет, как известно, обезьянам величайшее удовольствие.

II. Любовь у человека

У женщины мы наблюдаем в общем то же самое, что мы видели в зачаточной форме в царстве животных.

Уже при изучении чувствительности у обоих полов мы убедились, что она во всех своих видах у женщины слабее развита, чем у мужчины. То же самое мы можем, в частности, сказать про половую чувствительность, благодаря чему женщине свойственно и менее интенсивное половое влечение. Подобный взгляд Sergi подтверждается, между прочим, чрезвычайно удачным выражением Tenneyson'a, что «страсть мужчины относится к страсти женщины, как солнечный свет к лунному сиянию».

Одно католическое духовное лицо передавало Александру Dumas-сыну, что из ста молодых женщин восемьдесят признавались ему на исповеди, спустя месяц после выхода замуж, что они очень разочарованы браком.

Многие женщины, очень рано вступившие на путь проституции, признавались потом, что они пали не из-за склонности к разврату, а исключительно от нечего делать или из желания понравиться мужчине, которого они предпочитали другим.

Встречаются замужние женщины, оставшиеся тем не менее девственными.

Одна дама, переписывавшаяся с очень многими молодыми девушками, рассказывала Simmel'ю⁴², что все те из них, которые имели в своей жизни какой-нибудь несчастный любовный роман, второй раз его уже не повторяли. Отсюда видно, что любовное влечение не есть для женщины настолько непреодолимое чувство, которого она не могла бы побороть в себе.

⁴⁰ Darwin. О происхождении человека. С. 487.

⁴¹ Darwin. Origin of man. С. 193.

⁴² Zur Psychologie der Frau in d. Zeitschr. für Völker – Psychologie und Sprachwissenschaft. Berlin, 1890.

По этому поводу Paul de Kock пишет: «Любовь женщины пропорционально увеличивается с жертвой, которую она приносит своему любовнику: чем более она ему уступает, тем сильнее она к нему привязывается. Что касается мужчины, то его, напротив, страсть утомляет, а частое удовлетворение ее даже надоедает ему; одним словом: неудовлетворенное желание возбуждает его, удовлетворенное охлаждает, а полное пресыщение даже разрушает те узы, которые налагает любовь».

Факт этот находится, по-видимому, в явном противоречии, с одной стороны, с тем, что у женщины первичные и вторичные половые органы (матка, влагалище, яичники, грудные железы) и многочисленнее и сложнее, чем у мужчины, а с другой – с той распространенной азбучной истиной, будто в жизни женщины любовь играет более главную роль, чем в жизни мужчины. «Любовь, – пишет г-жа de Staël, – для мужчины – один только эпизод, а для женщины – все». Действительно, каждому известно, что важнейший жизненный вопрос всякой молодой девушки всегда сводится к жениху и выходу замуж. Эти два противоречия примиряются, если мы вспомним, что у женщины потребность в сохранении потомства, в материнстве преобладает над ее индивидуальным желанием. Именно эта потребность и влечет женщину к мужчине. Любовный инстинкт ее всецело подчинен материнству. Мы уже раньше сказали, что женские половые органы более сложны и многочисленны, чем мужские, но они служат не только для половых отправок, но и целям материнства, именно для питания и выращивания новорожденного.

Так, например, грудные железы являются органами, возбуждающими половую страсть только у цивилизованного человека, а у дикаря они никогда такого назначения не имеют. Высказанная только что мысль находит свое оправдание уже в том, что те половые органы, которые мы вообще считаем вторичными по самому происхождению своему, суть собственно настоящие органы материнства. Сюда относятся, кроме грудных желез, задняя подушка у готтентотов, функция которой чисто материнская, хотя она нам кажется вторичным половым органом, так как дикари всегда предпочитают тех женщин, у которых орган этот более развит.

Грудные железы имеют, стало быть, в глазах дикарей так мало значения как орган эротический и, наоборот, так исключительно ограничены своей ролью в деле материнства. При этом не следует упускать из виду продолжительность периода кормления грудью младенцев, которая длится:

- у русских и персов – до 2 лет;
- у австралийцев, тодов, китайцев и японцев – 2–3;
- у grenландцев, монголов, кабилов – 3–4;
- у самоедов – 5–6;
- у новокаледонцев – 4–5;
- у эскимосов – 5–6;
- у жителей Каролинских островов – 9–10;
- у племен, населяющих землю короля Вильгельма, – 14–15.

Вессаг⁴³ видел младенцев, которые вынимали изо рта трубку для того, чтобы пососать материнскую грудь.

Итак, нельзя признать эротическое значение за органом, который в течение столь долгого времени служит для вскармливания потомства, совершенно при этом деформируясь.

Но это еще не все. Подобно грудным железам и губы, служащие для выражения самых нежных оттенков нашей любви, были вначале также вторичным органом материнства, позднее изменившимся в эротический.

Поцелуй по своему происхождению не атавистичен и не врожден у ребенка, потому что он научается ему только со временем, он – повторение сосательного акта, как думает Darwin.

⁴³ Путешествие его, 1880 г.

Почти у всех диких народов, даже у полудициализованных, как японцы, поцелуй как символ любви совершенно неизвестен. То же следует сказать про новозеландцев, сомали, эскимосов и др. Lewin сообщает, что у племен, живущих на высотах Читаганг, не существует выражения «поцелуйте меня», а вместо этого они говорят «понюхайте меня».

Очень может быть, что поцелуй постепенно развился из существовавшего в глубокой древности обычая кормить своих детей таким же образом, как это делают птицы. Многие матери в Европе таким образом и теперь еще кормят своих детей. Кроме того, известно, что так обыкновенно поступают женщины из племени фегениев, желая дать напиток своим грудным младенцам.

У этого народа нет никаких сосудов для жидкостей и питья. Взрослые утоляют свою жажду прямо из рек при помощи небольших камышовых трубочек, через которые втягивают в рот воду. Мать поит ребенка, набирая воды сперва себе в рот и затем понемногу вливая ее прямо в рот дитяти⁴⁴.

Очень возможно, что из этого приема, который впервые наблюдался у птиц, а затем перешел к нашим прародителям, и выработался первый поцелуй, бывший вначале, несомненно, больше материнским, чем любовным.

В этом, по-нашему, заключается новое доказательство того, что в природе материнский инстинкт всегда торжествует над половым.

В подтверждение высказанного нами мы можем сослаться также на Гомера и Гесиода, в поэмах которых одно и то же выражение для обозначения губ, женской груди и поцелуя употребляется при описании материнской, но никак не эротической любви.

У греков, в более позднее время, для понятия «поцеловать» встречаются термины, обозначающие выражение любви (страсти) при помощи губ (рта).

У Гомера понятие о страстном отцовском поцелуе включает просьбу и мольбу. Но Гектор в сцене прощания с Андромахой не целует ее, а только ласкает рукой. Точно так же о поцелуе нигде не упоминается при описании сцен между Венерой и Марсом, Одиссеем и Калипсо, Одиссеем и Цирцеей, Парисом и Еленой⁴⁵, ни, наконец, при воспевании любовной истории Геры и Зевса в XIV песне Илиады.

Во всей «Илиаде» нет ни одного эпитета при описании губ и груди Елены, Андромахи, Бризеиды, Калипсо или Цирцеи. Упоминается только раз⁴⁶ напитанная благоуханиями грудь Андромахи, которая берет из рук Гектора своего сына.

Если Гомер ничего не говорит о губах, груди и поцелуях Елены и Бризеиды в «Илиаде» и Пенелопы и Калипсо в «Одиссее», то это потому, что в то время эти органы не имели никакого отношения к эротической любви, а поцелуй был выражением только родительского чувства. Равным образом в Древнем Египте из пяти иероглифических слов для начертания понятия о ласке четыре (Sexer, Hерet, Hyhe, Cheron) представляют собою изображения двух рук и только одно (Hyhe), да и то сомнительно, – рта и зубов.

В санскритском языке слово kusyâmi, обозначающее «целовать и ласкать», служит корнем для немецкого слова kuss, относительно целомудренного смысла которого мы уже раньше говорили.

В древних индийских поэмах («Mahabharatha» – «Ramayana») никогда не упоминается об эротическом поцелуе, а только о материнском, между тем как в индусских поэмах новейшего происхождения находят описание целых двенадцати видов поцелуев.

Это указывает на то, что в древности в Индии и в Греции поцелуя как выражения эротической ласки не знали, как не знают его еще и теперь дикие племена или дети.

⁴⁴ Revue scientifique, декабрь 1892.

⁴⁵ «Илиада», п. III.

⁴⁶ «Илиада», VI, 483.

Что касается атавизма в любовной мимике, то о нем мы должны заметить следующее: некоторые дикари, как мы уже говорили, приветствуют друг друга при встречах словами: «Понюхайте меня», а читальтонги здороваются, прикладывая нос к щекам друг друга и сильно втягивая в себя воздух: «поцеловать», *odorari*, означает у них понюхать, т. е. поцеловать носом⁴⁷.

Новозеландцы покрывают друг друга при встречах покрывалами, затем трут себя взаимно носами, издавая при этом нечто вроде хрюканья и сильно втягивая в себя воздух⁴⁸.

Туземцы на острове Санта-Мария при встречах обнюхивают друг друга; поцеловать у них значит стать носом друг к другу, т. е. потереться взаимно носами.

Папуасы, тасманийцы и жители Фуги, здороваясь, всегда держат около носа или над головой какой-нибудь приятно пахнущий предмет.

На острове Сокотра при приветствиях целуют друг друга в плечо.

На островах Дружбы при встрече с другом берут его руку и сильно трут себя ею по носу и по рту.

На Королевских островах приветствие заключается в том, что здоровающиеся плотно прикладываются друг к другу носами и затем энергично трут их один о другой.

У бирман приветствие называется *nomtschi*, что, собственно, означает «вдыхание запаха» (*nom* – запах, *tschi* – вдыхание). Китайцы дружески здороваются, касаясь носами друг друга, как в Японии, или же проводя ими по щекам один у другого вроде того, как при встрече наши дамы делают вид, будто они целуются.

Если мы примем во внимание фразу дикарей «Понюхайте меня» с жестом их, не имеющим, собственно, никакого смысла (ибо в щеках нет ничего такого, что могло бы давать ощущение обонятельному органу), то легко поймем, что поцелуй является остатком, рудиментом того обычного обнюхивания, которому подвергают друг друга при всякой встрече ослы и собаки и которое у них связано с таким сильным возбуждением того или другого чувства.

Из всех наблюдений следует, что у первобытной женщины вторичные половые органы никакого эротического значения не имели; целям любви – если так можно назвать ее тогдашнее грубое чувство – служили, как и у животных, одни лишь первичные половые органы.

В первобытные, дикие времена человек не имел времени любить; он должен был постоянно бороться за свое существование, и любовь его была чисто животная, заключааясь, как и у животных, в удовлетворении одних грубых половых инстинктов. На языке дикарей ореама нет выражений, соответствующих понятиям «милая», «дорогая», «любить», а у древних ценились, как известно, одни только физические качества женщин («Дафнис и Хлоя», «Песнь Песней»).

Цивилизация породила стыд, заставивший прикрывать наготу тела, а забота о чистоте его уничтожила всякий запах его, который в первобытные времена и привлекал мужчину к женщине. Вследствие этого части женского организма, назначенные для целей материнства, которые привлекали зрение и осязание мужчины (губы и грудные железы), должны были превратиться в эротические органы. Женщина начала целыми столетиями позже мужчины сперва татуироваться, а потом и наряжаться; кокетство же ее дополнило остальное. Наконец, на чувство любви мужчины, на его страсть начала влиять исключительно красота женщины, сделавшаяся, таким образом, одним из двигателей человеческого совершенствования.

Когда, наконец, женщина восторжествовала над самкой, любовь ее начинает отодвигать на задний план ее материнский инстинкт, но последний продолжает все-таки сказываться в ней здесь и там, ставя ее чувство выше простого удовлетворения половых потребностей.

В общем женщина, как мы это выше заметили относительно птиц и перепончатокрылых насекомых, всегда более мать, нежели жена. Мы видели у многих насекомых и некоторых мле-

⁴⁷ *Andrée*. *Antropologische Parallelen*.

⁴⁸ *Cook* – Путешествия его.

копитающих, что самка способна жертвовать собою скорее для детенышей, чем для своего самца.

В подтверждение высказанного нами взгляда мы можем сослаться на народную мудрость, которая в поговорках часто осмеивает непостоянство вдовьего горя, и на многих писателей, которые вполне согласны с нею в этом отношении. *Dolor di vedova, dolor di cubito* – гласит одна известная поговорка. Algarotti⁴⁹ говорит, что вдова, как бы сражена и убита горем она ни была, не плачет без задней мысли: она сильно рисуется своим несчастьем с целью вызвать чужое сострадание. Ricard замечает при этом, что самая неутешная вдова, если только она молода, всегда находит какого-нибудь утешителя. На это же намекает Данте в своем знаменитом стихе, который мы привели выше: *Si comprende etc...* Боккаччо описывает в одном из своих рассказов в «Декамероне» близкую к отчаянию вдову на могиле своего мужа, которая кончает тем, что принимает ухаживания нечаянно подвернувшегося поклонника и для того, чтобы ему понравиться, доходит даже до того, что заменяет труп одного повешенного преступника трупом своего многооплаканного мужа. Шекспир рисует в «Ричарде III» вдову, выходящую очень скоро замуж за убийцу своего мужа, убийцу, которого она незадолго перед этим ненавидела и проклинала. В «Бессмертном» A. Daudet есть одна сцена, в которой неутешная вдова отдается новому любовнику на могиле своего мужа. La Fontaine был, стало быть, совершенно прав, говоря:

La perte d'un époux ne va point sans soupirs
On fait beaucoup de bruit, – et puis – on se console⁵⁰.

Но зато ни писатели, ни поговорки народные никогда не осмеивали истинности и правдивости материнского горя; жена редко оплакивает своего мужа спустя два или три года после его смерти, но зато как часто мать льет слезы о своем дитяти в течение десяти и даже двадцати лет!

Тацит писал про германскую женщину: «Так как у нее только одно тело и одна душа, то она имеет поэтому только одного мужа. Ее мысли, ее желания никогда не расходятся с мыслями и желаниями того, с кем она связана; она любит, так сказать, не своего мужа, но супружество, в котором она с ним состоит»⁵¹.

В «Princesse de Bagdad» Dumas рисует жену, готовую уже убежать со своим любовником из-под супружеского крова, но ее удерживает ребенок, который хочет поцеловать ее. Нетерпеливый любовник грубо отталкивает его – и этого достаточно, чтобы в этой женщине моментально проснулось материнское чувство. Она прогоняет того, с кем хотела убежать, со словами: «Ah! j'étais folle!.. j'étais folle!.. Mais quand cet homme a porté la main sur mon enfant!..»⁵².

Это господство материнского чувства над другими в женщине находится в связи с той важной ролью, какую оно играет в ее жизни. Мы уже раньше убедились, что оно обуславливает даже развитие новых органов. Теперь мы видим, что оно же ослабляет и даже совсем заглушает в женщине чисто чувственную сторону любви ее, которая так свойственна мужчине.

Этим объясняется, почему женщина не всегда ищет в своем муже красоту или молодость и отчего ее выходом замуж часто руководит не любовь, а какой-нибудь другой мотив, как, например, страсть к богатству или тщеславие, как об этом свидетельствуют Stendhal, Champfort и г-жа de Rieux.

⁴⁹ Ricard. L'amour des femmes. 1877.

⁵⁰ Потеря супруга не обходится, конечно, без слез; В начале очень много шумят, но потом... утешаются (фр.).

⁵¹ Тацит. Germania. С. 19.

⁵² О! Я была безумна!.. я была безумна!. Но когда этот мужчина поднял руку на моего ребенка!.. (фр.)

Брак у цивилизованных народов есть вид эмансипации женщины, которая, выходя замуж, становится более свободной; брак – это, так сказать, общественный диплом ее. Понятно поэтому, что цивилизованная женщина стремится к замужеству, даже не испытывая никакой любви, и что у тех народов, где брак является синонимом рабства, он есть вместе с тем, как, например, в Австралии, источник горя и слез.

Постараемся теперь указать на другую причину антагонизма, которая существует между половым и материнским инстинктами.

Самки некоторых птиц (вьюрков) гонят от себя самцов после вывода птенцов. Самки жвачных животных и суки не допускают к себе самцов, если они беременны⁵³.

По словам Icard'a, у многих женщин также пропадает всякое половое влечение, как только они забеременеют⁵⁴.

С другой стороны, половое возбуждение в период течки делает злыми тех самок, которые обыкновенно отличаются кротостью. Так, например, коровы и кошки отгоняют от себя в это время своих телят и котят, которых незадолго до этого ласкали.

Однако, несмотря на этот антагонизм между половым и материнским инстинктами, последний в основании своем все-таки чувственного характера. Многие женщины во время кормления очень часто испытывают эротическое раздражение. Есть даже такие, которые соглашались забеременеть только для того, чтобы испытывать удовольствие кормления грудью ребенка⁵⁵.

Подобное раздражение является, вероятно, следствием той связи, которая существует между ветвями симпатического нерва матки и грудных желез.

Это явление, по-видимому, несколько аналогично с тем фактом, который сообщил Cabanis, а именно: «Если у петуха раздражать чем-нибудь заднепроходное отверстие, то, чтобы успокоить свое возбуждение, он садится на яйца и кончает тем, что приучается высиживать их так же хорошо, как и курица».

Можно сказать с положительностью, что любовь женщины к мужчине не имеет в своем основании чувственной подкладки, а является известного рода связью, которая устанавливается обыкновенно между низшим и высшим существами.

Доказательство этому мы находим в письмах Элоизы, этой женщины, привязанность которой к своему возлюбленному доходила до экзальтации, граничившей с безумием. «Видит Бог, – пишет она в одном письме к нему, – что я не искала в тебе ничего, кроме тебя самого, – такова была моя мечта. Я не думала ни о каких выгодах и заботилась – ты это хорошо знаешь – об удовлетворении не своих желаний и страстей, а только твоих. Быть может, имя супруги более священно, но я находила более нежным имя любовницы и даже (не сердись на меня!) наложницы и содержанки. Чем более я унижала себя для тебя, тем более я надеялась овладеть твоим сердцем. Если бы император предложил мне сделаться его супругой, я бы в тысячу раз скорее предпочла стать твоей любовницей, чем его женой и императрицей!»⁵⁶.

В другом письме она следующим образом объясняет свой отказ выйти за него замуж: «Это было бы недостойно и гадко, если бы одна женщина завладела тем, кто создан для всех. Какой ум, занятый философскими размышлениями или научными изысканиями, мог бы продолжать свою работу в суматохе, поднимаемой детьми, при болтовне мамок и среди того беспорядка, который производят в доме слуги и служанки?».

Капитан Stodmann был болен тяжелой болезнью, от которой был спасен благодаря заботливому уходу за ним молодой негритянки из Surinam'a. В награду за это он хотел жениться

⁵³ Joveau de Courmelle. Les facultés mentales des animaux. Париж, 1891.

⁵⁴ Icard. La femme pendant la période menstruelle. Париж, 1883.

⁵⁵ Icard. Op. cit. С. 17.

⁵⁶ Heloisae epistola I.

на ней и сделать ее свободной, но она отказалась выйти за него замуж, говоря: «Господин, я создана для рабства, и брак этот только повредит тебе в глазах твоих товарищей; позволь мне лучше последовать за тобой в качестве рабыни и остаться при тебе столько, сколько я заслужу этого своей любовью и привязанностью к тебе»⁵⁷.

Одна таитянка была влюблена в одного французского флотского офицера. Последний однажды заметил ей, что у нее очень красивая рука. Тогда таитянка сказала: «Она тебе нравится? Отрежь ее и возьми с собой во Францию!».

Wood рассказывает, что одна молодая кафская девушка, увидя однажды одного начальника танцующим, до того влюбилась в него, что, потеряв всякий стыд, отправилась к нему в крааль, желая объясниться ему в своей любви. Чтобы отделаться от нее, вождь этот обратился к ее брату, который увел ее силой. Но немного спустя она вернулась к нему в крааль. Ее жестоко наказали и вторично отправили домой. Но через неделю она опять явилась к любимому ею человеку и добивалась любви его с таким упорством, что брат ее просил его взять ее себе в жены (Mantegazza).

Adamoli знал в Магадоре одну женщину, муж которой убил ее любовника. Даже во время самых мучительных пыток она повторяла, что любовь ее прекратится только с ее жизнью. В другой раз ему пришлось видеть в Затме одну знатную девушку, которая влюбилась в одного генуэзца и оставила родительский дом для того, чтобы убежать с ним. Ее схватили и жестоко наказали. Во время наказания она не переставала повторять, что ни на минуту не перестанет любить христианина.

Г-жа Carlyle, жена знаменитого английского писателя, отличалась вообще независимым характером. Когда она была молодой девушкой, любимым занятием ее было лазить на стены и драться со своими школьными подругами. Выйдя замуж, она стала самой кроткой и послушной слугой своего странного и жестокого мужа. В это время последний был еще беден и неизвестен, и она отдала ему все свое небольшое состояние для того, чтобы он мог свободно работать, не заботясь о средствах к существованию. Из угождения к нему она поселилась в Kraighnputtock, в местности, климат которой был очень вреден для ее здоровья. В награду за такую жертву муж запретил ей заходить к нему в рабочий кабинет и все время заставлял ее починять ему платье и обувь и готовить его любимые блюда. В продолжение целых месяцев он не говорил с ней ни слова, словно не замечая ее вовсе, даже тогда, когда она была больна. Нередко он нарочно в ее присутствии начинал ухаживать за дамами высшего английского общества. Но никогда эта женщина не выразила своих страданий ни малейшей жалобой. «Прошу вас, – писала она ему, – быть немного добрее и снисходительнее к вашей Gooda (ее насмешливое прозвище), потому что она вас очень любит и всегда готова исполнить ваше малейшее желание; если вы ей прикажете, она полезет и на луну... Но если господин мой не найдет для меня ни одного слова, ни одного взгляда, то что же мне остается, кроме отчаяния? Я замкнусь в себе самой и сделаюсь несносной для всех...»

Сам Carlyle, мучимый угрызениями совести, говорил после смерти ее, что в годы лишения и неизвестности она была для него оплотом против его несчастий: «У нее всегда находилось сказать мне что-нибудь приятное, сообщить какую-нибудь милую историю на свой оригинальный манер... Никогда я не слышал от нее ни единого слова, которое могло бы опечалить меня или быть мне неприятным даже в самые тяжелые, мрачные дни. Она скрывала от меня все грустное и неприятное, заботливо пряча это для себя одной»⁵⁸.

В «Путешествии по Австрии» Cadet-Gassicourt'a, которое цитирует Stendhal, мы читаем следующее: «На свете нет более угодливого и кроткого существа, чем австрийская женщина... Одна венка была любовницей некоего французского офицера. Любовник не только обманывал

⁵⁷ Mantegazza. Gli amori degli uorli, 1888.

⁵⁸ Arvéde Barine. Portraits de femmes. Париж, 1886.

ее, но даже знакомил с подробностями своих грязных походов; она же, несмотря на это, ухаживала за ним с полной самоотверженностью и удвоила свои заботы, когда он заболел, но он тем не менее не переменял после всего этого своего обращения с ней и любил ее не больше прежнего».

«Любовь, – пишет Georges Sand, – это добровольное рабство, к которому стремится натура женщины». Жалуясь на то, что ее покинул Alfred de Musset, она говорит: «Я должна страдать для кого-то, должна исчерпать тот излишек энергии и чувства, который есть во мне. Мне необходимо, наконец, питать эту материнскую заботу, с которой я привыкла бодрствовать у изголовья страдающего и изнеможенного существа»⁵⁹.

Приведенные строки бросают истинный свет на ту психологическую задачу, изучением которой мы заняты в настоящую минуту. Именно женщина, поставленная у всех народов в условия рабства, вполне зависящая всюду от произвола мужчины, существо слабое и не способное к энергичному сопротивлению, несомненно, всегда и везде старалась действовать на лучшие чувства мужчины, чтобы добиться его расположения кротостью и привязанностью. Поэтому она всегда стремилась окружить его возможно большею нежностью, довольствуясь сама лишь ничтожными частицами ее.

К подобному приему прибегают и животные. Так, например, собака увивается у ног своего господина, прыгая от радости и желая обратить на себя его внимание, чтобы добиться от него какой-нибудь ласки.

Элоиза, во время одного из страстных порывов, освещающих душу человека до ее глубины, подтверждает своими словами только что сказанное. «Чем больше, – пишет она, – я себя унижала, тем более я надеялась овладеть твоим сердцем». Подобная нравственная черта – унижать себя с целью скорее добиться взаимности любимого человека – до того укрепились с течением времени в женском характере, что в настоящее время женщина поступает нередко так же бессознательно даже в тех случаях, когда она несколько не надеется на благополучное осуществление своих желаний, что и есть истинная причина ее самоотверженности.

Итак, любовь женщины выражается главным образом в сильной привязанности к любимому человеку и в преданности ему, т. е. именно теми чертами, которые развиваются сплошь да рядом в слабых или более низкой организации существах, живущих совместно с более сильными и высшими. Так, например, домашняя собака, бывшая некогда, по мнению Grani Allen'a, независимым, диким и хищным животным, в настоящее время, после тысячелетней дрессировки, отличается, живя рядом с человеком, такой верностью и привязанностью к нему, что уже давно вошла в поговорку. Собака часто так предана своему господину, что если последний умирает, то она нередко также издыхает, оправдывая таким образом известную поговорку, цитируемую Darwin'ом: «Собака – единственное существо на земле, которое любит нас больше, чем самое себя».

Характер любви женщины, хотя и косвенным образом, указывает нам на то, что она стоит ниже мужчины, так как подобные чувства могли развиться в ней только благодаря ничтожной переменчивости ее личного «я». Сильные желания и страсти были бы несовместимы с этой склонностью ее сливать свою личность с личностью другого, с этой почти полной утратой ею всякой воли, которая обыкновенно наблюдается только в некоторых болезненных состояниях, равно как и при гипнотизме.

Поэтому женщина действительно испытывает сексуальное наслаждение от любви только в том случае, если она всецело отдается любимому мужчине. При этом она счастлива все-таки не столько вследствие физического удовлетворения своего чувства, сколько благодаря сознанию, что она осчастливила своею любовью того, кого любит. Таким образом, становится понятным отвращение, питаемое к браку столькими молодыми женщинами, выходя-

⁵⁹ Там же, с. 72.

щими замуж по коммерческому расчету за людей, которых они мало или даже совершенно не знают.

Это бросает свет на целую массу вторичных явлений и объясняет нам, почему, например, женщина избирает себе предмет любви, руководствуясь не столько удовлетворением своего полового чувства, сколько сознанием того счастья, какое она доставляет другому. Мужчина при выборе себе жены обращает внимание на многое: на красоту лица, сложение, свежесть, цвет лица и тонкость кожи, приятность голоса, грациозность манер, между тем как женщина придает значение только характеру мужчины; что же касается его наружности, то к ней она относится безразлично, лишь бы она не была слишком отталкивающей. Таким образом, красота имеет различное значение у обоих полов.

«Женщины, – говорит г-жа Scudéry, – больше ценят в мужчине мужество и часто поступают положительно несправедливо, предпочитая храброго мужчину другим, более и богаче его одаренным различными достоинствами».

Г-жа Coisy того мнения, что «женщине более всего нравится военный народ: их наряд, манеры и осанка».

По мнению Schopenhauer'a, «женщины не придают никакого значения красоте лица и единственное, что их увлекает, – это физическая сила и мужество. Интеллектуальные качества мужчины также не производят на них никакого прямого впечатления, глупость в их глазах не есть порок; напротив, гораздо опаснее для желающего иметь у них успех, если он одарен недюжинными или особенно гениальными способностями».

«Коренной инстинкт женщины, – пишет Max Nordau⁶⁰, – влечет ее неудержимо к обыкновенному, среднему мужчине, который не слишком глуп и не слишком умен, сообразуется во всем с требованиями моды, говорит о хорошей и дурной погоде, преклоняется пред идеалами элементарной школы, придерживается взглядов и привычек зажиточного буржуа и доказывает фасоном и цветом своего галстука, что он стоит на высоте своего времени. Таким шедевром природы неудержимо увлекутся 99 женщин из ста и предпочтут его всякому иному, более его одаренному мужчине».

Действительно, в истории мы находим достаточно примеров несчастной семейной жизни гениальных мужчин, из числа которых не один Сократ нашел уже – по выражению Schopenhauer'a – свою Ксантиппу.

Как мы только что заметили, причина того, что женщина так мало ценит мужскую красоту, кроется в ее притупленной половой чувствительности. Мужчина же, более чувственный, нежели она, наслаждаясь любовью с женщиной, пускает в ход и зрение, и обоняние, и особенно осязание; поэтому степень женской красоты, которая должна удовлетворять всем этим чувствам, должна быть более сложной.

Что касается того предпочтения, какое женщина оказывает физической силе, то оно зависит от того, что она всегда ищет в мужчине защиту и опору.

«Поклонение силе, – пишет Spencer⁶¹, – имеет своим основанием закон, по которому женщина тем вероятнее производит на свет потомство, чем крепче мужчина, которому она принадлежит. Вот почему женщины постоянно ищут и выбирают себе в мужа сильных и, пожалуй, даже грубых мужчин, предпочитая их слабым, хотя последние обращаются с ними лучше».

Ввиду того что половая чувствительность женщины, будучи слабой, является ничтожным возбудителем ее, становится понятным, почему так влияют на ее личное расположение такие мотивы, как богатство, тщеславие и пр.

⁶⁰ Paradoxen, 1886.

⁶¹ Введение в социологию. 1886.

«Если женщина, – говорит Stendhal, – по любовному капризу отдается мужчине, то она в первые минуты больше придает значения тому, что в этом человеке нашли другие женщины, нежели она сама. Этим объясняется тот успех, который имеют у дам высокопоставленные лица и служители Марса»⁶².

«Если вы хотите иметь успех у женщины, – пишет г-жа de Rieux, – то вы непременно должны затронуть ее самолюбие».

В этом кроется также секрет того успеха у женщин, который выпадает на долю ораторов, певцов, артистов и вообще всех людей, так или иначе достигших известности. Известно, что самые красивые женщины двора Людовика XIV всегда бредили им, даже в то время, когда он был уже довольно стар.

Stendhal сообщает про одного шестидесятилетнего мужчину, влюбившего в себя молодую женщину только благодаря тому, что ему удалось задеть самолюбие одновременно у нее и у другой девушки.

«Что касается любви оперных артистов, – продолжает Stendhal, – то стоит иной раз только устранить соперницу, и страсть их, грозившая окончиться самоубийством, моментально испаряется».

Г-жа Staël-Delaunay рассказывает, что однажды, когда она прогуливалась со своей подругой, к ним на улице пристал какой-то молодой человек. Им очень захотелось узнать, кто из них причина такого внимания. Каждая из них держала пари, что молодой человек имеет в виду не ее, а подругу, и рассказчица сознается, что была очень огорчена, убедившись, что предмет ухаживаний была не она, а именно... ее подруга⁶³.

С другой стороны, если молодая женщина выходит замуж за старика, то это не делает такого скандала, как обратный случай. Точно так же объясняется и то обаяние, которое производят на женщин развратники, что подмечено многими психологами.

«Женщинам часто тем больше нравится какой-нибудь мужчина, чем большим успехом он пользуется в свете»⁶⁴.

«Позволяя ухаживать за собою какому-нибудь донжуану, честная женщина, – говорит Bourget, – с гордостью думает о той победе, которую она одерживает таким образом над многочисленными соперницами своими, несмотря на то что они при ее неиспорченности должны ей казаться чудовищами».

Закключение. Женская любовь есть в сущности только особый вид материнского чувства; многие органы, служащие собственно целям последнего, сделались половыми только впоследствии; наконец, любовное чувство, питаемое женщиной по отношению к мужчине, есть следствие не полового влечения к нему, а той преданности и подчинения ему, которые развились в ней путем постепенного применения к жизни.

⁶² О любви.

⁶³ Mémoires. Paris, 1892.

⁶⁴ Rochebrune.

История проституции

I. Стыд и проституция у диких народов

Точно так же, как и преступление, проституция была нормальным явлением в жизни цивилизованных народов на заре их развития, какою она является и в настоящее время в жизни дикарей.

1. Стыд. Первобытный человек не знал никакой одежды.

У племени уаатуа (Cameron, Экваториальная Африка, 1870) женщины носят, как и мужчины на Ново-Гебридских островах, передники, которые не закрывают их половых органов. Эскимосы в своих юртах укладываются спать совершенно голыми, без различия пола, тесно прижавшись друг к другу⁶⁵.

В Австралии негры мужчины и женщины ходят совершенно голыми. Когда миссионеры раздали платья туземцам, многие из них прикрыли ими свои плечи⁶⁶.

Полуевропеизированные дамы с Сандвичевых островов приплывали к европейским судам голыми, держа на голове свои платья, обувь и зонтики, чтобы потом одеться на корабле.

Женщины на острове Фернандо не носят никакой одежды, кроме шляп на голове.

Женщины племени ивилина (Экваториальная Африка) на просьбу Compiègne'a уступить ему те куски материй, которые они носили вокруг пояса, немедленно тут же преспокойно сняли их, желая поскорее получить обещанные им в обмен зеркальца.

Королева из Балонда явилась к Ливингстону совершенно голая. В общем почти все женщины этой местности носят кое-какие куски тканей, но скорее как украшения, чем с целью прикрыть свою наготу. Мужчины, напротив, более или менее здесь одеты.

Женщины аскиров в Африке одеваются только лишь после выхода замуж, но пояс, который они при этом носят, служит им скорее украшением, чем одеждой. Кисамасы ходят обыкновенно без всякой одежды.

В Новой Бретани ни мужчины, ни женщины никогда не прикрывают своих половых частей. В Новом Ганновере все женщины, совершеннолетние и несовершеннолетние, ходят обыкновенно нагими.

Cook однажды видел на одном из островов Таити взрослого мужчину, имевшего coitus с девочкой 11 лет в присутствии королевы, которая давала ему необходимые для этого наставления. Любимой формой времяпрепровождения обоих полов был, по его сообщению, половой акт⁶⁷.

Акт совокупления не имел в себе, по понятиям многих древних народов, ничего, что могло бы оскорбить чувство общественной благопристойности. Многие народы Кавказа, Африки и индусы совокуплялись в присутствии посторонних, подобно животным⁶⁸. Точно так же поступали иногда этруски во время некоторых своих празднеств⁶⁹. Женщины их во многих случаях являлись пред народом совершенно голыми.

Равным образом известно, как легко были одеты древние греки и как охотно они расставались со своей одеждой при всяком удобном случае⁷⁰. Самое слово «гимнастика» происходит

⁶⁵ Bove.

⁶⁶ Rudesindo Salvado.

⁶⁷ Первое путешествие, т. V.

⁶⁸ Herodot. I, 305; III, 301.

⁶⁹ Athenaeus. Deipnosoph, XII, 255.

⁷⁰ Taine. Philosophie de l'Art.

от греческого слова «гимнос» (голый), что указывает на бывший в употреблении обычай раздеваться голыми для того, чтобы упражняться в известных гимнастических приемах, в которых у некоторых народов (Спарта) принимали одинаковое участие и женщины.

2. Гражданская проституция. В глубокой древности брак не существовал и проституция была нормальным явлением.

У каледонцев жены были общими и дети их принадлежали всему племени.

Наеры живут в беспорядочном половом сожитии.

Бушмены, как утверждает Lubbock, не имеют никакого представления о браке.

В языке дикарей, населяющих Калифорнию, нет слова, выражающего собой понятие «брак»; ревность проявляется у них только тогда, когда женщина отдается мужчине другого племени, как в Парагвае.

У массагетов каждый мужчина брал себе жену, которой потом пользовались все. Если кто-нибудь из них желал обладать какой-нибудь женщиной, то он привязывал свой колчан к повозке и тут же удовлетворял свое желание⁷¹.

У назмонов и агатирзов общая принадлежность женщин являлась вполне определенным положением. Они строго придерживались ее, чтобы иметь право называться всем братьями и чтобы среди них не было ни неудовольствия, ни взаимной зависти. С этой же целью тирренцы воспитывали своих детей вместе, причем отец ребенка оставался обыкновенно неизвестным. Озы также сообща владели женщинами. Когда у них ребенок достигал трехмесячного возраста, мужчины осматривали его, и он считался сыном того, на кого он более всего походил⁷².

У андаманов (и у некоторых других племен Калифорнии) женщины принадлежали одинаково всем мужчинам и у них считалось тяжким преступлением, если какая-нибудь из них не соглашалась отдаться кому-нибудь из мужчин. У них наблюдаются уже временные союзы между отдельными парами, особенно если женщина забеременела, но эти союзы почти всегда прекращаются, как только женщина разрешится от бремени. Таково происхождение брака, который из проституции и полового насилия развился так же, как право из преступления.

У тех диких народов, у которых существует брак, он, вместо того чтобы препятствовать проституции, напротив, благоприятствует развитию ее. Так, она часто обменивается во время оргий своими женами, которых они принуждают отдаваться также их родственникам⁷³.

Macleay утверждает, что у кафров нет слова для выражения понятия о девственности. Когда девушка у них достигает совершеннолетия, об этом возвещается публичным праздником, и отныне всякий, кто захочет, может ею обладать.

В Дарфуре принято давать каждой девушке, достигшей совершеннолетнего возраста, отдельную хижину, куда всякий мужчина может заходить, чтобы провести с ней ночь.

В Австралии существует обычай, по которому место отсутствующего мужа заступает на супружеском ложе другой мужчина из того же племени⁷⁴. Девушки, начиная с десятилетнего возраста, могут вступать в связь с мужчинами, к чему возбуждают их нарочно устраиваемые с этой целью известные празднества.

У эскимосов женщина во время отсутствия своего мужа может отдаться кому ей угодно⁷⁵. «В любви, – сказали они одному русскому миссионеру, – мы поступаем так же, как и морские выдры»⁷⁶.

⁷¹ Геродот. I, 216; IV, 172; III, 191; I, 93.

⁷² Геродот.

⁷³ Hartmann.

⁷⁴ Eyre. Discoveries in Central Australia, II, 320.

⁷⁵ Parry.

⁷⁶ Langsdorff.

Женщины генданов в Африке носили на ногах столько кожаных браслетов, со сколькими мужчинами они вступали в связь⁷⁷.

Sextus Empiricus рассказывает подобное же о египетских женщинах, которые гордились числом своих любовников⁷⁸.

В Тибете девушки носят на шее кольца, подарки своих любовников. Значение их далеко не безразлично: чем больше их у девушки, тем с большей торжественностью празднуется ее свадьба.

На островах Дружбы туземные девушки являлись на европейские корабли и отдавались на них матросам. Уходя, они говорили: «Mitzi, bongni mitzi», т. е. «Мы сегодня любили, завтра повторим это».

Почти у всех индейских племен, живущих на севере Америки, как, например, у апачей, девушка до выхода замуж и после него одинаково свободна и может отдаваться кому захочет.

У некоторых племен на Панамском перешейке самые знатные женщины считают недостойным для себя поступком отказать в своих любовных ласках кому бы то ни было, кто бы ни просил их об этом.

Подобное половое смешение, как и течка у животных, повторяется здесь периодически, преимущественно в жаркое время года, изобилующее всевозможными плодами⁷⁹.

В Никарагуа существовал ежегодный праздник, во время которого женщины имели право отдаваться всякому, кто им нравился⁸⁰.

3. Гостеприимная проституция. Все изложенное достаточно объясняет, каким образом могла развиваться гостеприимная проституция. Обычай предлагать жен своим гостям распространен на о. Цейлоне, в Гренландии, на Канарских островах, на островах Таити, и отказаться от предлагаемой женщины считается здесь большой обидой для хозяина. «Я не могу допустить, – говорил один туземный начальник одному священнику, – чтобы какая-нибудь религия могла запретить подобное невинное удовольствие, которое есть в то же время услуга для страны, так как увеличивается ее население новым существом»⁸¹.

Когда миссионер Harris отказался в Нукагиве от подобного почетного предложения, туземные женщины ночью пробрались к нему, желая убедиться, мужчина ли он⁸².

Bousquet'у, путешествовавшему по Японии, один отец предлагал свою дочь в присутствии мужа последней.

Marco Polo жил в Тибете у одного туземца, который нарочно уходил из дома, для того чтобы он мог свободнее наслаждаться обществом его жен.

На Марианских и Филиппинских островах туземцы предлагали спутникам Коцебу своих дочерей. Туземки из Манн отдавались солдатам гарнизона, расположенного в Перузии.

У ассанов женщина может в третий день каждой недели отдаваться иностранцу⁸³.

У арабского племени гассиниэ женщина также свободна в половом отношении раз в четыре дня.

У негров ассини глава семейства, желая почтить гостя, предлагает ему обыкновенно свою дочь⁸⁴.

⁷⁷ Геродот. IV, с. 176.

⁷⁸ Нур. Pyrrh., I, 14.

⁷⁹ Lombroso. Uomo bianco e uomo di colore, 1870.

⁸⁰ Bancroft.

⁸¹ Radiquet. I.

⁸² Poulding.

⁸³ Hartmann.

⁸⁴ Op. cit.

У племени надовесси славилась женщина, если после известного праздника была в состоянии отдаться 40 военачальникам⁸⁵.

Нередко случается, что муж продает свою жену. Так, в Дарфуре мужья уступают иностранцам своих жен за известное вознаграждение⁸⁶.

В Кохинхине отец может продать за ничтожную плату свою дочь гостю или даже чужеземцу без того, чтобы это дурно повлияло на ее будущность⁸⁷.

Итак, из этих примеров мы видим, что брак, в простейших формах своих, не только не искореняет проституцию, но даже, напротив, поддерживает ее.

Это беспорядочное половое сожитие служит причиной явления, находящегося, по-видимому, в противоречии с тем презрением, на которое всегда и везде осуждена женщина. Мы говорим о матриархате, т. е. о родительской власти, принадлежавшей в первобытные времена матери или брату ее. Следы его мы наблюдаем в Австралии, в Конго, в Луанго, у туарегов, у древних египтян и у этрусков, у наеров и у многих американских племен⁸⁸. Согласно матриархату, положение и имущество обыкновенно наследуются от матери, а отец часто смешивается с дядей.

Это же беспорядочное половое сожитие породило странный обычай, распространенный в Америке, в Азии, у басков и пр., который заключается в том, что после рождения женою ребенка муж ее ложится в постель, как бы симулируя роды. Обычай этот имеет, по-видимому, целью навести на мысль о том, что предполагаемый отец имеет свою долю участия в рождении детей, а следовательно, он должен иметь и известную власть над ними⁸⁹.

4. Полиандрия. Человек перешел от смешанного (беспорядочного) полового сожития к моногамии не прямо, а через некоторые формы, рассматриваемые нами в настоящее время как преступления, а именно: полиандрию, кровосмешение, насильствование и насильственное похищение женщин.

У древних кочевников, точно так же как и у некоторых арабских племен, женщины принадлежали одинаково всем мужским членам семейства.

В Тибете старший брат избирает себе жену, которой затем пользуются все его братья. Последние все переселяются на жительство в дом к новобрачной. Дети могут наследовать лишь от матери, так как только по отношению к ней родство не может быть оспариваемо⁹⁰.

У тодов жена старшего сына становится постепенно женой всех младших братьев мужа по мере того, как они подрастают, а эти, в свою очередь, становятся мужьями ее сестер⁹¹.

У наиров женщина обыкновенно имеет 5–6 мужей. Но число их может доходить до 10, причем она с каждым из своих мужей живет по очереди 10 дней. Что полиандрия есть, в сущности, только переходная ступень от смешанного полового сожития к простейшей форме брака, доказывается тем, что при ней допускается для женщины одновременное половое сожитие с несколькими мужчинами только в том случае, если все они принадлежат к одному и тому же племени, в некоторых случаях даже к одной и той же касте⁹².

У сингалезов только братья имеют общих жен, так что половое смешение имеет здесь место в пределах одной семьи.

⁸⁵ Carver. Travels in North America. P. 142.

⁸⁶ Letourneau.

⁸⁷ Letourneau.

⁸⁸ Carver. Op. cit. P. 258.

⁸⁹ Tylor. Op. cit.

⁹⁰ Turner. Historié des voyages. XXX. P. 437.

⁹¹ Short. Op. cit. P. 240.

⁹² Spencer. Sociology, 11.

В Полинезии всякий мужчина имеет право пользоваться женой своего интимного друга (Fayo)⁹³.

Таким образом, начало половой нравственности кроется в желании делить свое супружеское ложе лучше с членами одной и той же семьи, чем с целым племенем.

5. Религиозная проституция. Даже после упрочения брака остатки смешанного полового сожития еще долго наблюдались в некоторых свадебных обрядах, как, например, у санталов, у которых браку женщины предшествовало беспорядочное обладание ею кем угодно в течение шести дней. Точно так же на Балеарских островах новобрачная отдавалась на первую ночь всем присутствовавшим гостям, как и во время феодализма в средних веках она принадлежала в течение этой ночи своему феодальному властелину.

Гераклидес Понтикус (364 до Р. Х.) рассказывает, что в отдаленные времена тиран острова Кефалонии лишал невинности всех девушек, которые готовились выйти замуж.

В Талмуде мы читаем, что девушка до выхода своего замуж должна была провести одну ночь с Тафеаром. Геродот рассказывает, что у адирмахидов все девушки, готовившиеся выйти замуж, приводились к царю, растлевавшему тех из них, которые наиболее отличались красотой.

В Камбодже в XIV столетии ни одна девушка не выходила замуж, не быв предварительно лишена невинности бонзами (жрецами), которые получали определенную плату за свой труд (thing-thang)⁹⁴.

Все это остатки древней проституции, по которой женщина, прежде чем сделаться собственностью одного, отдавалась на растление многим или же самому могущественному политическому или духовному члену своего племени.

У китайцев остатком полигамии является обычай покупать несколько «маленьких жен», подчиненных законной «великой жене», которая и считается матерью всех родившихся детей. Что же касается полиандрии, то следы ее являются законоположения в кодексе Ману, на основании которых деверю предоставляется право оплодотворять свою бесплодную невестку вместо мужа.

6. Юридическая проституция. Другая ветвь первобытной проституции есть тот вид ее, который можно было бы назвать юридической проституцией. Сюда принадлежит левират (ужичество), т. е. обязанность младшего брата жениться на вдове старшего брата в случае смерти его. Обычай этот, существующий у евреев, мексиканцев, афганцев и чипперейев, имеет основание во взгляде на женщину как на слабое существо, считающееся собственностью всего семейства.

Другой источник подобной проституции заключается в том уважении, которым пользовались у некоторых народов проститутки. Оставляя свое позорное ремесло, они выходили замуж и становились нередко предметами особенного почитания. Существует предание, что даже сам Будда, прибыв в индийский город Везали, был принят великой начальницей куртизанок⁹⁵. В Абиссинии публичные женщины занимали порою очень высокое положение при дворе и нередко становились правительницами городов и даже целых провинций⁹⁶.

Наконец, остатком этого рода проституции, служащим переходною ступенью к нормальному браку, является у многих народов полная свобода в половом отношении девушек, прекращающаяся вместе с выходом их замуж.

У шинуков в Америке девушки ведут развратный образ жизни, а замужние женщины, напротив, отличаются чистотой своих нравов. Тиапы также придают очень мало значения нрав-

⁹³ Letourneau.

⁹⁴ N. Rémusat. *Mélanges Asiatiques*. P. 118.

⁹⁵ Spier. *Life in Ancient India*, XXVIII.

⁹⁶ Combe et Tamisier. *Voyage en Abyssinie*, II, 116.

ственному поведению девушек до выхода их замуж, хотя и женятся охотно на девушках, уже потерявших свою девственность.

В Кохинхине на супружескую верность мужа смотрят как на его обязанность; между тем родители нередко торгуют своими дочерьми, что, впрочем, не мешает последним выходить замуж.

У киунгта и у некоторых горных племен ассама, равно как на Марианских и Каролинских островах, девушки развратничают самым ужасным образом, но после выхода замуж начинают вести самый примерный образ жизни⁹⁷.

Итак, мы видим, что среди диких народов весьма распространено половое сожитие, подобно тому как оно существует в царстве животных.

II. Проституция у исторических народов

98

У цивилизованных народов мы находим в первобытные времена те же самые явления, которые мы в настоящее время наблюдаем у дикарей, т. е. проституцию всех видов, как то: религиозную, гражданскую, гостеприимную и юридическую, и притом в таком распространении, которое как нельзя более доказывает, что стыд и самый брак суть продукты только более позднего развития.

1. Восток. Религиозная проституция. Геродот повествует, что в Вавилоне все женщины, в нем родившиеся, должны были по крайней мере хоть один раз в своей жизни явиться в храм Мелитты, чтобы там отдаться какому-нибудь чужеземцу. Они должны были оставаться в этом храме до тех пор, пока кто-нибудь из этих чужеземцев не бросал им на колени известную сумму денег и приглашал их к coitus'у. Деньги, полученные таким путем, считались священными⁹⁹.

В Армении богиней проституции почитали Анаис, храм которой напоминал собой храм Мелитты в Вавилоне.

Вокруг этого храма находились обширные поля, окруженные высокими стенами, за которыми жили женщины, посвятившие себя этой богине. Вход сюда разрешался одним только чужестранцам. Жрецы и жрицы этого храма избирались из представителей и представительниц самых благородных и знатных фамилий страны, причем продолжительность служения их богине определялась всегда их родными. Уходя оттуда, женщины эти оставляли в пользу храма все, что они заработали, и с успехом выходили замуж, причем женихи их спрашивали в храме об их поведении. Девушка, которую посетило наибольшее число иностранцев, считалась самой желанной невестой¹⁰⁰.

У финикийцев также существовала гостеприимная и религиозная проституция. По словам Евсевия, у них был обычай отдавать на растление чужеземцам своих дочерей единственно во славу традиций гостеприимства. Храмы, посвященные богине Астарте и находившиеся в Тире, Сидоне и в главных городах Финикии, были местами, где проституция практиковалась в самых широких размахах. Это продолжалось до IV столетия, именно до царствования Константина Великого, который разрушил храмы Астарты и на их местах построил христианские церкви.

В финикийских колониях религиозная проституция получила торговый характер, который вообще был свойствен этому народу. При въезде в город Карфаген находились так называемые «Benoth Sukkoth» (палатки девушек), т. е. публичные дома, в которых молодые девушки,

⁹⁷ Lewin.

⁹⁸ См. Dufour. Historié de la Prostitution.

⁹⁹ Геродот. I, 199.

¹⁰⁰ Страбон.

торгуя своим телом, отдавались за деньги чужестранцам с целью заработать таким путем приданое, выйти замуж и сделаться очень почтенными, целомудренными женами, пользовавшимися большим уважением своих мужей. Они стекались сюда со всех сторон в таком огромном количестве, что многие из них в силу конкуренции не могли вернуться на родину так скоро, как желали бы, чтобы там выйти замуж.

На острове Кипре было также много храмов, где культ Афродиты сопровождался такими же религиозными обрядами. В Киликии, в Тамазисе, в Афродизиуме и в Италии священная проституция исходила из тех же мотивов и выражалась в тех же формах.

В Сузе, Экбатане и у парфян существовали скалы проститутток.

По словам Геродота, девушки в Лидии зарабатывали себе приданое путем проституции и продолжали заниматься ею вплоть до выхода замуж. Приданое давало им возможность выбирать себе по своему вкусу мужей, которые не всегда имели право отказаться от чести подобного предложения.

Они вместе с купцами и ремесленниками Лидии участвовали в расходах по сооружению памятника на могиле Алиатта, отца Креза. Надписи, сделанные в память этого, указывают, какую именно долю дала для этого каждая из участвующих сторон. Оказывается, что куртизанки понесли гораздо большие расходы, нежели ремесленники и купцы.

Геродот следующим образом описывает нам праздники, совершавшиеся в городе Бубасте в Египте, в честь богини Изис: «Мужчины и женщины путешествуют по реке все вместе, без всякого различия пола. Пока длится это путешествие, некоторые женщины бьют в кастаньеты, мужчины играют на флейтах, прочие же поют и бьют в ладоши. Когда приближаются к какому-нибудь городу, лодки причаливают к берегу; одни женщины продолжают бить в кастаньеты, другие перебраниваются с женщинами, находящимися на берегу, а третьи танцуют, бесстыдно поднимая свои платья кверху». В храме богини Изис собирались одновременно сотни тысяч пилигримов, которые предавались здесь самому дикому разврату.

Непристойности культа богини Изис становились особенно грандиозными, когда церемонии совершались в подземельях при посвящении какого-нибудь новичка в таинства его после целого ряда искусов и очищений. Геродот, посвященный во все тайны этого культа египетскими жрецами, говорит об этом довольно много, несмотря на всю свою сдержанность.

Хеопс воздвиг свою колоссальную пирамиду, постройка которой длилась двадцать лет и поглотила бездну денег, на средства, добытые его дочерью проституцией. Но последняя все еще была недовольна исполнением взятой на себя задачи и просила каждого посетителя дать ей еще на один камень для возведения особого строения по ее плану. «Из этих камней, по словам одного жреца, – говорит Геродот, – и была выстроена между тремя возвышающимися пирамидами четвертая».

У евреев, до окончательного издания Таблиц Законов, всякий отец имел право продать свою дочь в наложницы на известный срок, означенный в продажном контракте. Деньги, полученные при этой продаже, поступали всецело в его пользу, и девушка при этом ничего не получала, кроме тех случаев, когда господин ее выдавал ее замуж за своего собственного сына, а сам брал себе другую наложницу. Этой торговле дочерьми положил конец только Моисей: «Не продавай своих дочерей для того, чтобы земля не покрылась пятном и нечистью»¹⁰¹.

Богу Молоху, который изображался в виде человека с телячьей головой и с протянутыми вперед руками, приносили в жертву плоды, муку, диких голубей, ягнят, баранов, быков и даже детей. Все эти жертвы бросались в одно из семи отверстий, зиявших на животе этого бронзового идола, внутри которого помещалась огромная печь, где они сжигались. Чтобы заглушить крики их, жрецы Молоха во время жертвоприношений поднимали страшный шум игрою на

¹⁰¹ Кн. Левит. XIX.

систрах и барабанным боем. Под этот-то шум поклонники его и совершали самые грубые и непристойные обряды.

Приверженность к подобным обрядам так глубоко укоренилась среди еврейского народа, что некоторые секты пытались ввести их в культ единобожия, чем осквернили свои храмы.

Поклонение Ваал-Феору, или Вельфеору, любимому божеству мидианитян, распространилось среди евреев так сильно, что оно часто заменяло собою служение Богу Авраама.

По Selden'у, Вельфеор изображался в виде огромного истукана с приподнятым и свернутым на голове платьем, как бы для того, чтобы показать свои половые органы. Что касается пола его, то Mignot думает, что он был гермафродит, в то время как Dulaure того мнения, что истукан этот имел мужские половые органы. В храме, посвященном Вельфеору, жило множество женщин, которые продавались, и вырученные таким путем деньги клали на его алтарь. Во время известных религиозных обрядов в честь этого бога, совершавшихся ночью в глубине священных лесов, жрецы и поклонники его наносили друг другу ножами неглубокие раны и, разгоряченные вином и возбужденные музыкой, плясали до тех пор, пока тут же не падали без сознания в лужи собственной крови.

Несмотря на запрещение Торы, проституция эта, указания на которую мы находим даже во времена Маккавеев, продолжала существовать еще долгое время. Сюда относятся также фаллические празднества, которые совершались сообща евреями и моабитскими девушками, устраивавшими у Бет-Эскимота палатки, где они торговали драгоценностями и своим телом¹⁰².

Можно сказать, что через всю историю еврейского народа проходит непрерывная борьба законодателей и пророков с проституцией и половой разнузданностью народа. Подобно тому как в настоящее время каждый думает о куске насущного хлеба и некоторых удобствах, так точно некогда всякий заботился о свободе своей половой жизни.

Проституция гражданская. Наряду с религиозной проституцией развивалась и гражданская проституция.

Пророк Варух говорит: «Вдоль улиц сидят женщины, опоясанные веревками, и сожигают благовония. Та из них, которая приглашена для совокупления с прохожим, хвастает потом перед своей соседкой, не видевшей, как он развязал свой пояс»¹⁰³.

В истории Тамары описываются уличные блудницы, скрытые под покрывалами, сидящие на краю дорог и следующие за всяким, кто может им заплатить. В Библии они изображаются то неподвижно сидящими на перекрестках дорог, скрытыми под покрывалами, то неприлично одетыми, сжигающими благовония и распеваящими песни. Но эти блудницы, по крайней мере большинство их, не были еврейками. Они называются просто чужеземками и были родом из Сирии, Египта и Вавилона.

2. Греция. Религиозная проституция. В Греции также была распространена в глубокой древности религиозная проституция.

Солон на доходы учрежденных им в Афинах диктериад (публичных домов) построил храм в честь богини проституции против ее статуи, у подножия которой собирались процессии верных прозелитов этой богини. Афинские гетеры принимали деятельное участие в празднествах в ее честь, которые совершались в четвертый день каждого месяца и во время которых они занимались своим ремеслом в пользу этого храма.

Другие такие же храмы находились в Фивах, в Беотии и в Мегалополисе, в Аркадии.

Култ Афродиты был не что иное, как култ проституции, как это доказывают различные названия, данные этой богине.

Так, она называлась «Pandemos» (всенародной), «Hetaira» или «Porne» (гетера, представительница грубой чувственности), «Peribasia», по-латыни «Divaricatrix» – слово, содержащее

¹⁰² Кн. Моисея IV, гл. XXV.

¹⁰³ Варух, VI.

намек на похотливый акт. Затем ее называли «Melanis», то есть черной, или богиней любовной ночи, потому что храм ее был окружен непроницаемым для дневного света лесом, где влюбленные бродили ощупью. Она носила еще названия «Mucheia» (богиня тайных мест), «Castnia» (богиня бесстыдных совокуплений), «Scotia» (богиня мрака), «Darcetos» (богиня праздной лени), «Kallipygos» (богиня с красивыми ягодицами), наконец «Mechanitis» (механическая богиня), так как изображения ее из дерева с мраморными ногами и лицом, будучи приведены в движение при помощи скрытых пружин, передавали самые циничные и грязные позы и движения.

Роль жриц этой богини часто исполняли куртизанки и способствовали таким образом увеличению доходов ее храмов. Страбон уверяет, что в храме Афродиты в Коринфе жило более тысячи гетер, посвященных его посетителям.

В Древней Греции был распространен обычай посвящать Афродите для умиловления ее известное число совсем молодых девушек. Так, мы знаем, что Ксенофонт из Коринфа, отправляясь на Олимпийские игры, обещал посвятить ей пятьдесят гетер, если она дарует ему свободу. «О, владычица Кипра, – восклицает поэт Пиндар в оде, составленной в честь его победы, – Ксенофонт приведет в твой обширный лес целую вереницу в пятьдесят красавиц!.. А вы, молодые красавицы, – обращается он затем к этим последним, – вы, которые даете у себя приют и гостеприимство всем чужеземцам, вы, жрицы богини Пито в богатом Коринфе, возжгите благоухания перед изображением Афродиты и, призывая мать любви, умолите ее не отказать нам в ее небесной милости и дать нам то блаженство, которым мы наслаждаемся, срывая нежный цвет вашей красоты».

На одной древнегреческой вазе из знаменитой коллекции Durand'a изображен храм Афродиты, в котором куртизанка при посредстве рабыни принимает предложение одного чужестранца, увенчанного миртовым венком и держащего в руке кошелек с деньгами.

Празднества в честь Адониса были не обыкновенные оргии. Гетеры посвящали храмам его значительную долю заработков, полученных путем проституции. Они обыкновенно пользовались празднествами в честь его, на которые отовсюду стекалась масса чужестранцев, для того чтобы предаваться в это время самому широкому разврату якобы во славу и под защитой этого бога.

Проституция гражданская. Прочное распространение религиозной проституции и натолкнуло, вероятно, Солон на признание и регламентацию гражданской проституции. При нем она впервые является официальной в государстве, которое получает от нее известный доход.

Солон имел в виду доставить государству те доходы от проституции, какие получали от нее до сих пор храмы, и для этого он устроил в Афинах публичный дом, служивший для удовольствий афинской молодежи и для ограждения личности и покоя честных женщин. Дом этот, куда всякий имел доступ, назывался «диктериадой» (dicterion), и в нем жили купленные и содержимые за счет государства рабыни.

«О, Солон, – восклицает поэт Филемон в одной из своих комедий, – ты сделался благодетелем народа: в этом учреждении ты усмотрел его благо и спокойствие! Ты устроил дома, в которых поместил для общественных нужд женщин, купленных тобою и служащих для того, чтобы отдавать свои ласки всякому, кто за это заплатит. Этим ты предусмотрел и предупредил большой вред и неизбежное зло!»

Входная плата в диктериады, одинаковая для всех посетителей, была очень умеренная. По словам Филемона, она во времена Солон не превышала одного обола, что на наши деньги равняется приблизительно 10–12 коп.

Ксенарх в своем «Penthale» и Евбулид в «Parenchis» дают нам описание женщин, живущих в этих притонах разврата. Они носили платья из прозрачных тканей, чрез которые взор

мог видеть все. Некоторые из них одевались с еще более тонким цинизмом, прикрывая лица вуалью и грудь тонкими нежными тканями и оставляя прочие части тела неприкрытыми.

Диктериады, к какому бы разряду они ни принадлежали, пользовались привилегией полной неприкосновенности: они считались убежищами, где каждый гражданин находился под защитой общественного гостеприимства, и туда никто не имел права проникнуть с целью совершения какого бы то ни было насилия.

Ни для одного гражданина, каково бы ни было его общественное положение, не считалось позорным посещать эти дома терпимости. Напротив, по мнению одного юмористического римского писателя, осмеивавшего нравы афинян, их даже должен был посещать всякий молодой человек, чтобы там заканчивать свое воспитание: *non est flagitium scortari hominem adolescentulum*.

Проституция эстетическая. Проституция была различных категорий. В числе их выделяется эстетическая, или просвещенная, проституция, которая впоследствии наблюдалась в 1500 году в Италии и в 1700 году во Франции. Проститутки, принадлежащие к этому классу, славилась как искусные певицы, музыкантши и флейтистки. Они вели совершенно свободный образ жизни и занимались своим искусством особенно во время различных религиозных празднеств. Гетеры эти не отдавались за деньги, подобно обыкновенным проституткам диктериад, первому встречному, но следовали в этом отношении своим симпатиям и антипатиям. Они часто по своему уму, образованию и изяществу манер становились достойными подружками самых выдающихся людей Греции.

Их можно разделить на две различные категории, которые обе и составляют аристократию этого рода проституции: на гетер-наперсниц и гетер-философов. Представительницы второй категории, находясь постоянно в обществе мудрецов и поэтов, научились от них искусству трактовать о философии и других науках и бывали посвящены во все современные вопросы, между тем как гетеры-наперсницы, менее образованные, чем эти, отличались умением веселиться, оживленностью и умом, благодаря которому им удавалось подчинить себе выдающихся людей своими утонченными ласками, и репутацией. Так, например, в Египте с Птолемеем Филадельфом совершенно разделяла власть его гетера Агатоклея.

Но к какому бы классу проститутки ни принадлежали, положение их в Древней Греции было официально, и находились они всегда в зависимости от народа. Они, например, не имели права самовольно оставлять пределы республики, не испросив на то предварительного разрешения архонтов, которые давали его только в тех случаях, когда были уверены, что уезжавшие вернутся назад на свое место жительства.

Гетеры занимались своим ремеслом совершенно свободно, публично, и это доказывает, насколько нормальным явлением считалась во все времена проституция. Если молодому афинянину нравилась какая-нибудь гетера, он, по словам Люциана, Алкифрона и Аристофана, писал ее имя на стенах храма, прибавляя к нему несколько лестных или шуточных эпитетов.

Утром каждая куртизанка посылала свою рабыню читать на стенах храма надписи, и если в числе их находилось и ее имя, то она в знак согласия отправлялась в храм и там ожидала своего поклонника у своей надписи.

Эсхил прямо говорит, что «гетеры торгуют собою у ворот храма».

Люциан выражается более точно, говоря, что «большой рынок гетер находится в конце двора храма, направо, около ворот *Dipylon*». Нередко любовный торг совершался и у подножия той или другой статуи, воздвигнутой в честь какого-нибудь знаменитого гражданина, павшего в бою.

Значение проституции в жизни греков было так велико, что она породила даже особую, специальную литературу. Так, например, Киллистрат написал «Историю гетер», а Макон собрал наиболее остроумные изречения всех знаменитых куртизанок.

Аристофан Византийский, Апполодор и Горгий собрали сведения о жизни ста тридцати пяти гетер, которые прославились у афинян и славные подвиги которых были достойны того, чтобы о них узнало потомство. Те из них, клиентами которых были военачальники, правители городов, жрецы и философы, подчинялись одному только ареопагу, между тем как все прочие проститутки зависели обыкновенно от низших судебно-административных учреждений.

3. Рим. Проституция религиозная. Проституция имела также и в Риме свой культ. Одним из самых древних храмов в нем был храм Венеры Слюасинае, около которого по вечерам собирались куртизанки в поисках поклонников и часть заработанных ими денег посвящали этой богине.

В Риме и вообще в Италии рядом с проститутками принимали участие в циничных приапических празднествах также и замужние женщины, матроны, которые отличались от куртизанок только тем, что носили покрывала.

Очень часто при таких церемониях золотые венки и гирлянды цветов вешались не только на голову чтимого божества, но и на его половые органы. «Cingemus tibi mentulam coronis», – говорит один из стихов Приапси.

Точно так же совершались празднества в честь бога Мутинуса, Мутунуса или Тутинуса, который отличался от изображения бога Приапа тем, что изображался сидящим на троне, а не стоящим, как последний. Культ этого божества представляет собой древнейшую форму религиозной проституции в Риме. Вышедшая замуж девушка, прежде чем отправиться в дом к своему жениху, приводилась к статуе этого божества и садилась к нему на колени в знак того, что она как бы приносит ему в жертву свою девственность.

«In celebratione nuptiarum, – говорит св. Августин, – supra Priapi scapum nova nupta sedere jubebatur». Лактанциус делает намеки на то, что девушки нередко не удовлетворялись одним сидением на коленях этого бога. «Et mutinus, – говорит он, – in cujus sinu pudendae nubentes praesident, ut illarum pubicitiam prior deus delibasse videatur». Стало быть, приношение в жертву девственности бывало иногда реальным актом.

Замужние женщины в случае своего бесплодия обращались также к этому божеству и снова садились на его колени, чтобы сделаться плодовитыми.

По словам св. Августина, в постели новобрачных часто клали изображение богини Пертунды, или Претонды, чтобы помочь супругу в его трудном деле дефлорации. Арнобий на этот счет говорит: «Pertunda in cubiculis praesto est virginialem scrobem effondientibus maritis».

В этом также видно указание на некогда существовавшую религиозную проституцию.

Культ богини Изис даже в более цивилизованные времена был не более как особый вид проституции. Храм ее и посвященные ей рощи служили местом свидания для пар, расторгнувших свои брачные узы, и влюбленных. Посредницами между последними являлись жрицы, занимавшиеся устройством свиданий, передачей писем и всякими иными делами, имевшими целью помочь обольстителю увлечь свою жертву.

Проституция гражданская. Обширное распространение в Риме гражданской проституции доказывается богатством синонимов на латинском языке для обозначения разного рода проституток, что заставляет думать, будто они делились на множество каст, чего, однако, на самом деле не было.

Так, «Alicariae», или булочницы, держались вблизи булочников и продавали лепешки, приготовленные из крупитчатой муки без соли и дрожжей, назначенные для приношений Венере, Изис, Приапу и другим богам и богиням. Лепешки эти, называвшиеся «coli phia» и «siligines», имели обыкновенно форму мужских и женских половых органов.

«Bustuariae» назывались те проститутки, которые по ночам бродили около могил (busta) и костров и часто исполняли роль плакальщиц во время погребальных обрядов. Далее «Casalides» (или casoridas, casoritae), жили в отдельных небольших домиках (casae), откуда они и получили свое прозвание. «Сорae», или «taverniae», жили в трактирах и гостиницах,

а «diobalares», или «diobalae», было название старых, изношенных женщин, которые требовали от поклонников за свою любовь только два обола. Плавт говорит в своем *Pennulus*, что к услугам последнего рода проституток обращались исключительно негодные рабы и самые низкие люди (*servulorum sordidulorum scorta diobolaria*). «Forariae», или «приезжими», назывались девушки, являвшиеся из деревень в город, чтобы в нем заниматься проституцией, а «Famosae» – патрицианки, матери семейств и матроны, не стыдившиеся развратничать в публичных домах, чтобы удовлетворить свою ненасытную похотливость и позором заработать деньги, а потом пожертвовать их на храмы и на алтари чтимых богов. «Junicae», или «vitellae», обязаны были своим названием исключительно своей тучности, а «noctilucae», или «noctuvigiles», – тому, что они бродили по улицам только ночью, как ночные сторожа.

Публичные женщины носили еще и другие названия, именно: «mulieres», или женщины «pallacae» – в воспоминание о вакханках, которые носили туники из тигровых шкур, «prosedae» – так как они, сидя, ожидали, чтобы их кто-нибудь пригласил для *coitus'a*. Кроме того, они особенно часто назывались, как и в Библии, «peregrinae», или чужестранками, так как в большинстве случаев они являлись из чужих стран в Рим, чтобы здесь торговать своим телом. Наконец, они носили также название «putae» («puti», «putilli»), корень которого перешел почти во все романские языки. Затем «Vagae», или «circulatrices», назывались бродячие проститутки, «ambulatrices» – те, которые гуляли на наиболее многолюдных улицах, а «scorta» – самые низкие из них, каковое название на простонародном языке можно передать словом «шкуры». «Scorta dévia» назывались те проститутки, которые принимали своих поклонников у себя дома, но для этого постоянно находились у окон своего жилища, чтобы обратить на себя внимание прохожих. Для всех проституток было одинаково оскорбительно, когда их называли «scrantiae», «scraptae» или «scratiae» – очень бранные слова, приблизительно означающие «ночной горшок» или «стульчак» – выражения, которым соответствует в современном миланском наречии слово «seggiona». Низший класс проституток назывался в Риме еще «Suburrae», что, собственно, значит «жительницы предместья», потому что Suburra – одно из предместий Рима, находившееся около Via Sacra, было заселено исключительно ворами и проститутками. Название «Schaenicalae» носили те женщины, которые продавались солдатам и рабам и носили тростниковые или соломенные пояса как знак своего постыдного ремесла. Наконец, «paniae» назывались карлицы или маленькие девочки, которые начинали проституировать с шестилетнего возраста.

В Риме проституция процветала всюду: в храмах, на улицах и даже в театрах.

Salvian выражается следующим образом про тогдашние оргии: «Минерве воздают почести в гимназиях, а Венере – в театрах».

В другом месте он говорит: «В театрах творятся самые непристойные вещи, а в гимнастических залах имеют место самые безобразные сцены». Исидор из Севильи идет в своих «*Etymologiae*» еще дальше. Он говорит, что театры были синонимами публичных домов, так как в них куртизанки по окончании представления публично предавались разврату.

В Риме существовал также особый род проституции, которая совершенно не подчинялась надзору эдилов и которую можно было бы назвать эстетической, или изящной, соответственно тому, как в латинском языке она называлась словом «bona». Куртизанки, принадлежавшие к этому классу, назывались «bonae meretrices», что указывало на их более высокое совершенство в их ремесле. В действительности они не имели никакого отношения к обыкновенным несчастным жертвам проституции. У всех у них были свои привилегированные любовники, «amasii» или «amici», и они совершенно напоминали собою греческих гетер. Как и последние, они имели большое влияние на моду, на искусства, литературу и вообще на все патрицианское общество.

Этих куртизанок можно было встретить повсюду: на улицах, в цирках, в театрах, окруженных целой толпой поклонников. Часто они гуляли по городу, развалившись в носилках,

несомых неграми, полуодетые, с серебряным зеркалом в руках, покрытые браслетами, драгоценными камнями, с сережками в ушах и с золотыми диадемами на головах. Находившиеся около них рабы освежали воздух громадными веерами из павлиньих перьев. Впереди и позади таких носилок шла обыкновенно толпа евнухов, мальчишек, шутов-карликов и музыкантов, игравших на флейтах. Менее богатые из этих гетер или же менее тщеславные и наглые прогуливались пешком, одетые во всевозможные пестрые ткани. Они появлялись на улицах с зонтиками в руках, с зеркалами и веерами, в сопровождении нескольких рабов или по меньшей мере одной рабыни.

4. Средние века. Религиозная проституция. В Средние века религиозная проституция существовала среди некоторых сект, проповедовавших общность жен.

Николаиты проповедовали отсутствие всякого стыда в половых отправлениях и учили, что все страсти, даже самые грубые и низкие, полезны и святы. Они вместе с так называемыми гностиками слились в несколько союзов, называвшихся фибионитами, стратиотиками, леви-тами и барборитами, в основу учения которых легли их взгляды.

Св. Епифаний описывает в IV столетии распространенный между ними разврат, не знавший никаких пределов. Секты эти просуществовали тайно до XII столетия, сделав еще одну попытку привиться к жизни.

Карпократ основал секту, которая учила, что стыд должен быть приносим в жертву Богу. Сын его, Епифан, развил учение своего отца, установив общность жен, по которой ни одна из них не должна была отказать в своих ласках кому бы то ни было из мужчин, если он потребует их на основании своего естественного права.

Секта адамитов была основана неким Продонусом, который был сторонником учения карпократов и ввел публичное отправление половых потребностей днем, говоря, что то, что хорошо ночью в темноте, не может считаться дурным при дневном свете.

Пикардистами назывались последователи Пикарда, главы другой эротической секты. Когда кто-нибудь из них желал обзавестись подругой, он являлся с ней к главе секты и говорил: «Мой дух воспламенен ею», на что последний обыкновенно отвечал словами Библии: «Идите, плодитесь и размножайтесь». Пикардисты, во время преследований их, укрылись в Богемии у гуситов, но последние истребили их всех до одного, не пощадив даже их жен, которые были почти все беременные и которые в темнице упорно отказывались от одежд и разрешались от бремени, смеясь и распевая непристойные песни¹⁰⁴.

Пикардисты воскресли во Франции в 1373 году под именем «скоморохов» (Turlupins), которые не только не признавали никакой одежды и ходили голыми, но даже, по примеру греческих циников, совокуплялись публично днем, в присутствии посторонних. Вот слова Beyle'a, который цитирует одно место из речи канцлера Gerson'a, направленной против них: «Cynicorum philosophorum more omnia verenda publicitatis nudata gestabant et in publice velut jumenta coibant instar canum in nuditate et exercitio membrorum pudendorum degentes».

То же самое было в долинах Базиликаты, в Аbruццких горах и в одном капище в Ороне в Пьемонте.

Имя св. Prix'a, у французов Prey'a и Priet'a, очевидно, произошло из древнего Priapus.

Проституция гостеприимная. Обычаем гостеприимства, напоминавшим нравы диких, было так называемое «украшение ложа» рыцаря, являвшегося гостем в каком-нибудь замке. По поводу этого дикого обычая Lacorne de Saint-Palaye цитирует одну очень любопытную новеллу¹⁰⁵, где говорится об одной хозяйке замка, у которой гостил некий рыцарь и которая не хотела лечь спать до тех пор, пока не послала ему одну из своих дам разделить с ним ложе.

¹⁰⁴ Beyle. Diction. historique et critique, статья «Picards»

¹⁰⁵ Manuscript du roi № 7615, лист 210.

Проституция гражданская. Епископ, аббат, барон и ленный владетель могли содержать у себя нечто вроде гарема на счет своих вассалов.

Подобно тому как в настоящее время в кафешантанах, так прежде свидания с проститутками имели место около колодцев во дворах чудес («Cours de miracles»), где они жили, или на улицах, где выставляли себя напоказ. Около такого колодца, служившего, впрочем, для всеобщего употребления, собиралось по вечерам много женщин с целью потолковать о своих любовных делах.

Можно сосчитать все колодцы, игравшие роль в истории проституции, и в каждом городе можно было найти один колодец, на котором было бы легко доказать, что Putagium Средних веков (франц. «puits», итал. «pozzo») было неразрывно связано с забытыми в настоящее время общественными колодцами. Не требуется дальнейших доказательств того, что слова «putagium», «puteum» и «putaria» указывают на места сборищ проституток. Слово «putaria» употребляется в этом смысле в латинском языке итальянцев, на что указывает устав города Asti: «Si uxor alicujus civis Astensis olim aufugit pro putario cum aliquo». «Puteum» же более употреблялось в латинской поэзии, смешивавшей его с «putagium». Слово «borde» употреблялось для обозначения отдельной хижины или ночного убежища, находившегося где-нибудь при дороге или у реки, вдали от города, в предместье его или даже в чистом поле. В таких «bordes'ax» и ютилась вначале проституция, подальше от надзора городской полиции и в безопасности от шумных скандалов.

Jacques de Vitry следующим образом описывает проституцию в Университетском квартале Парижа около конца XII столетия. «В одном и том же доме, — пишет он, — живут в верхнем этаже профессора школ, а в нижнем — публичные женщины, торгующие своим телом. Ссоры между ними и их любовниками прерываются по временам учеными спорами и аргументами мужей науки».

Людовик IX был очень добродетельный монарх, но в то же время и очень наивный, потому что он мечтал искоренить в своем государстве проституцию. Закон его, изданный в 1254 году об изгнании всех распутных женщин из пределов Франции, не мог быть приведен в исполнение по той простой причине, что он противоречил природе вещей.

Вскоре стало ясно, что официальная, регламентированная законом проституция была менее вредна, нежели тайная, и явилось убеждение, что искоренить проституцию невозможно, что все репрессивные меры меняют только ее название и форму, служа в то же время для нее новым возбуждательным средством.

В течение того недолгого времени, когда проституция принуждена была существовать тайно, все таверны превратились в дома терпимости, и, наоборот, последние сделались трактирами, когда они снова были восстановлены приказом того самого короля, который раньше их запретил. По мнению Delamare'a, именно во время этого, так сказать, междуцарствия признанной законом проституции публичные женщины стали называться различными позорными именами, указывавшими на их постыдное занятие.

В царствование Филиппа Августа получило распространение в народе слово «gibaud» (от «gibaldo» — «gibaldus») в смысле «безнравственный», «развратный». Этим именем вначале обозначали без различия пола ту толпу, которая вращалась около королевской свиты и жила главным образом развратом, грабежом, игрой и милостыней.

Эта толпа разрослась до чудовищных размеров во время крестовых походов, и нередко число обозных служителей или придворных слуг какого-нибудь отряда далеко превосходило число солдат в нем. Среди них находилась также масса женщин, скрывавших свое постыдное занятие проституцией под видом служения королю и его вассалам.

Филипп Август решил воспользоваться для своих выгод этой толпой бездельников, и, вместо того чтобы стараться избавиться от нее путем угроз и наказаний, он придал ей извест-

ную организацию и постоянный порядок. Впоследствии из нее он сделал даже свою лейб-гвардию.

Одним из постановлений общины в Камбре следующим образом определены привилегии этого «roi des ribauds» этой шайки («le roi des ribauds»): «Вышеназванный „roi des ribauds“ король получает от каждой женщины, совокупившейся с мужчиной, по пяти су за каждый раз, безразлично, живет ли она в городе или нет. Равным образом всякая женщина, которая поселится в городе и в первый раз подчиняется настоящим правилам, платит в его пользу два турецких су. Затем каждая женщина, которая переменит квартиру или вовсе оставит город, обязана уплатить ему двенадцать денье» и т. д.

В каждом публичном доме имелся такой «roi des ribauds», заботившийся о соблюдении в нем порядка и бывший карикатурой придворного «roi des ribauds».

5. Новые времена. Придворная проституция. Если верить Brantôme'у, Франциск I хотел уничтожить банду развратных и опасных женщин, которые под наблюдением и руководством так называемого «roi des ribauds» всюду сопровождали его предшественников. При нем этот «roi» был заменен одной из придворных дам, и следы этой щекотливой должности мы находим еще в царствование Карла IX.

Вот что рассказывало Brantôme'у одно высокопоставленное лицо, которое не скрывало от себя губительных последствий этой деморализации современной аристократии: «Если бы разврат существовал только среди придворных дам, зло было бы ограничено; но он распространяется также среди остальных французских женщин, которые заимствуют у придворных куртизанок их моды и образ жизни и, стараясь подражать им также в развратности, говорят: „При дворе одеваются так-то, танцуют и веселятся таким-то образом; мы сделаем то же самое“».

Франциск I превратил свой двор в гарем, в котором его придворные делили с ним ласки дам. Король служил для всех примером необузданности в разврате, не стыдясь открыто поддерживать свои незаконные связи. «В его время, – говорит Sauval, – на придворного, не имевшего любовницы, смотрели при дворе косо, и король постоянно осведомлялся у каждого из окружавших его царедворцев об именах их дам сердца».

Во дворце Лувра жила масса дам, преимущественно жен всякого рода чиновников, и «король, – повествует дальше Sauval, – имел у себя ключи от всех их комнат, куда он забирался ночью без всякого шума. Если некоторые дамы отказывались от подобных помещений, которые король предлагал им в Лувре, в Турнелле, в Медоне и других местах, то жизни мужей их, в случае если они состояли на государственной службе, грозила серьезная опасность при первом обвинении их в лихоимстве или в каком-нибудь ничтожном преступлении, если только их жены не соглашались искупить их жизнь ценою своего позора».

Mézeray рисует в своей «Historié de France» поразительные картины этой испорченности нравов. «Началась она, – говорит он, – в царствование Франциска I, получила всеобщее распространение во время Генриха II и достигла, наконец, крайних степеней своего развития при королях Карле IX и Генрихе III».

Одна высокопоставленная дама из Шотландии, по имени Hamier, желавшая иметь незаконнорожденного ребенка от Генриха II, выражалась, как свидетельствует Brantôme, следующим образом: «Я сделала все, что могла, и в настоящее время я забеременела от короля: это для меня большая честь и счастье. Когда я думаю о том, что в королевской крови есть нечто особенное, такое, чего нет в крови простых смертных, я чувствую себя очень довольной, помимо даже тех прекрасных подарков, которые я при этом получаю». Brantôme при этом добавляет: «Эта дама, как и другие, с которыми мне приходилось беседовать, придерживается того мнения, что находиться в связи с королем нисколько не предосудительно и что непотребными женщинами следует называть только тех, которые отдаются за небольшие деньги людям незнатного происхождения, а не любовниц короля и высокопоставленных царедворцев его».

Brantôme приводит далее мнение одной знатной дамы, которая стремилась одарить всех придворных своими ласками, подобно тому как «солнце озаряет всех одинаково своими лучами». Такой свободой могли, по ее мнению, пользоваться только знатные особы, «мещанки же должны отличаться стойкостью и неприступностью, и если они не придерживаются строгости нравов, то их следует наказывать и презирать так же, как непотребных женщин домов терпимости».

После всего этого нечего удивляться тому, что одна придворная дама завидовала свободе венецианских куртизанок. Brantôme, сообщая этот факт, восклицает: «Вот поистине приятное и милое желание!».

Мемуары Brantôme'а содержат богатый материал по описанию тогдашних нравов, испорченность которых достигла своих крайних пределов.

Следовало бы целиком перепечатать его книгу «Femmes galantes».

Sauval, который приводит цитаты из нее, стараясь быть как можно более сдержанным, рассказывает следующее: «Вдовы и замужние женщины занимались исключительно всевозможными любовными похождениями, а молодые девушки во всем им подражали: некоторые из них делали это совершенно открыто, без всякого стеснения, другие же, менее смелые, старались выйти замуж за первого встречного, чтобы потом вволю предаваться подобным любовным развлечениям».

Но все это было ничто в сравнении с кровосмешением, бывшим в аристократических семействах настолько частым явлением, что дочь, – по словам Sauval'я, – редко выходила замуж, не будучи раньше обещана своим собственным отцом.

«Мне часто, – говорил он, – приходилось слышать спокойные рассказы отцов о связи их с собственными дочерьми, особенно одного очень высокопоставленного лица: господа эти, очевидно, не думали больше о петухе в известной басне Эзопа».

После всего этого не может показаться даже невинной одна «благородная девица», которая утешала своего слугу следующими словами: «Обожди, пока я выйду замуж, и ты увидишь, как мы под покровом брака, который скрывает все, будем весело проводить с тобою время».

«Бесстыдство некоторых девиц, – замечает в другом месте Sauval, – доходило до того, что они удовлетворяли своим развратным наклонностям даже в присутствии своих гувернанток и матерей, которые, однако, ничего не замечали».

В замке Фонтенбло, по словам его, все комнаты, залы и галереи были переполнены такой массой картин эротического содержания на сумму более ста тысяч экю, что регентша Анна Австрийская приказала (в 1643 г.) сжечь их.

Испорченность и извращенность нравов дошла до того, что многие мужчины вступали в связь с мужчинами, а женщины – с женщинами. Одна известная принцесса, например, будучи гермафродитом, жила с одной из приближенных. В Париже и даже при дворе было много женщин, занимавшихся лесбийской любовью, чем были даже довольны их мужья, не имевшие в таком случае никакого повода ревновать их.

«Некоторые женщины, – читаем мы в „Amours de rois de France“ (с. 115, 12 изд., 1739 г.), – никогда не отдавались мужчинам. Они имели у себя подруг, с которыми и делили свою любовь, и не только сами не выходили замуж, но и не позволяли этого своим подругам».

Маргарита Валуа была в кровосмесительной связи со своим братом Карлом IX и с другими своими младшими братьями, из которых один, Франциск, герцог Алансонский, поддерживал с нею эту связь в течение всей своей жизни. Это не вызывало в тогдашнем обществе никакого скандала, а послужило разве материалом для нескольких эпиграмм и шуточных песен («Chansons»). Карл IX слишком хорошо знал свою сестрицу Марго, чтобы судить о ней иначе, чем было сказано в «Divorce satirique»: «Для этой женщины нет ничего священного, когда дело идет об удовлетворении ее похоти: она не обращает внимания ни на возраст, ни на положение

в свете, ни на происхождение того, кто возбудил ее сладострастное желание; начиная с двенадцатилетнего возраста она еще не отказала в своих ласках ни одному мужчине».

Екатерина Медичи не отличалась большой строгостью нравов. Об этом достаточно можно судить по тому банкету, который она задала королю в 1577 году в саду замка Шенонсеах, где самые красивые и благородные придворные дамы, полураздетые, с распущенными, как у новобрачных, волосами, должны были прислуживать за столом королю и его приближенным¹⁰⁶.

Поэтому несколько не удивительно, что самые знатные дамы были в своей интимной жизни в сто раз более циничны и развратны, чем простые женщины.

Проституция политическая. Разврат и распущенность придворных и высших классов населения не замедлили распространиться в народ. Кроме того, придворные куртизанки приобрели большое влияние на политику государства.

«Некогда, – говорит Mézeray в своем „Précis chronologique de l'histoire de France“, – мужчины увлекали женщин в разврат словом и примером, но с тех пор как любовные интриги начали играть такую выдающуюся роль в событиях государственной важности, женщины далеко превзошли мужчин».

Екатерина Медичи для достижения своих политических планов пользовалась массой придворных дам и молодых девушек, которые были очень искусны в любовной стратегии. Женщины эти назывались «летучим отрядом королевы».

Отряд этот состоял из 200–300 женщин, которые постоянно жили вместе, связанные друг с другом самым тесным образом.

Далее, во главе шаяк Фронды находились также женщины, отличавшиеся ловкостью и красотой. Они достигали своих целей, соблазняя офицеров и даже солдат.

Герцогиня Bouillon действовала в Париже, а принцесса Condé, племянница Richelieu, сделавшись супругой и матерью по приказанию своего дяди, призывала к оружию народ в Бордо.

Далее, г-жа Montbazon рекрутировала солдат среди военных и чиновников, жены парламентских секретарей орудовали среди судейских, лавочницы – среди торговых людей, женщины из простолюдин – среди этого последнего. И все они шли к намеченной цели одним и тем же путем разврата: богатые развратничали в своих роскошных салонах, мещанки – в своих скромных домиках, а женщины из простолюдин – на перекрестках и в трактирах.

Проституция эстетическая. В XV столетии в Италии была распространена эстетическая проституция, которая, по свидетельству Graf'a¹⁰⁷, представляла собою возрождение проституции Древней Греции. Проститутки этого класса, в отличие от обыкновенных, назывались «Meretrices honestae». Они отличались в общем высоким образованием и вращались в высших сферах общества: среди артистов, сановников, принцев и т. п.

У Graf'a мы находим следующее описание некоторых из них: знаменитая Imperia изучила искусство сочинять стихи у Nicolo Compono, прозванного «Lo Strascino», и владела латинским языком. Лукреция, прозванная «Madrema non voule», могла служить образцом корректного и изящного языка, и Aretin говорит о ней устами известного прожигателя жизни Ludovico в одном из своих Ragionamenti следующее: «Ее можно было бы назвать Цицероном: она знает на память всего Петрарку и Боккаччо и массу стихов из Вергилия, Горация, Овидия и многих других авторов». Лукрецию Squarcia, родом венецианку, о которой говорится в известной Tariffa, можно было часто видеть на гуляньях с сочинениями Петрарки, Вергилия и Гомера в руках:

Recando spesso il Petrachetto in mano,

¹⁰⁶ Journal de L'Estoile.

¹⁰⁷ Attraverso il Cinquecento, 1888.

Di Virgilio le carte ed or d'Omero.

Она считалась в свое время большим знатоком чистого итальянского языка.

Имена Туллии d'Aragona и Вероники Франко известны в истории литературы, а Камилла Pisana написала книгу, которую редактировал Франциск del Nero. Дошедшие до нас письма ее отличаются немного вычурным слогом, но не лишены изящества; в них встречается множество латинизмов и даже целых латинских выражений.

Говоря о знаменитой Isabella de Luna, испанке, которая объездила полсвета, Bandello замечает, что она считалась самой умной и ловкой женщиной в Риме.

Аристократы и писатели не только не скрывали своих связей с наиболее известными куртизанками, но даже хвастали ими, и каждый стремился добиться у них большего внимания, чем его соперники. Знаменитый полководец Giovanni Medici приказал увести насильно Лукрецию («Madrema non voule») от Giovanni del Stufa, который давал в честь ее праздник в Resanati.

В 1531 году шесть рыцарей вызывали во Флоренции на поединок всякого, кто не хотел бы признать Туллию d'Aragona самой почтенной и достойной удивления женщиной в свете. Когда такая Аспазия меняла место своего жительства, то о ней говорили столько же, сколько о приезде и отъезде королевы. Посланники извещали даже об этом свои дворы.

Заключение. Из всего изложенного мы можем сделать следующее заключение. У народов на заре их развития стыд был совершенно неизвестен; в половых сношениях существовала самая полная свобода; даже там, где не было беспорядочного полового сожития, брак являлся не тормозом, а скорее двигателем проституции: особенно в странах, где муж торговал своей женой, отдавал ее временно другому в пользование и т. д.

За этим периодом существования проституции в качестве нормального явления следует другой, в котором она, претерпев множество перемен, является уже более или менее отжившей, устаревшей. Она выражается тогда различно: то женщина должна принадлежать одинаково всем членам данной общины, то только политическому или духовному главе ее (Jus primae noctis в Средних веках и религиозное растление девушек в Камбодже). Дальнейшей формой ее является проституция в храмах, причем женщина принадлежит безразлично всем или во всякое время, или же только в известные периоды, при религиозных празднествах. По временам наблюдается как бы ослабление проституции: замужние женщины, например, должны быть целомудренны, а девушки могут пользоваться полной свободой в своем поведении, или же первые обязаны в известное время нарушать свою обычную супружескую верность и возвращаться к первоначальному беспорядочному половому общению. В некоторых случаях проституция находится в связи с долгом гостеприимства, и брак, принимающий моногамическую форму, допускает, тем не менее, право гостя на жену своего друга. В других случаях первобытное беспорядочное половое сожитие оживает вновь, но уже в виде наказания женщины за нарушение ее долга супружеской верности. Часто проституцию санкционирует и религия, стремящаяся всегда сохранить все прошлое, призывая ее опять в известных случаях к жизни, как и иногда каннибализм, когда он уже давно исчез из народных обычаев.

В третьем периоде проституция опять исчезает из области традиций и представляется явлением болезненности и отсталости лишь известного класса лиц. Но в этом переходе от здорового к болезненному состоянию в виде блестящего исключения является эстетическая проституция, играющая роль оживляющего, плодотворного начала. Так, мы видим, что в Японии и в Индии известный класс гениальных проституток заботливо хранит и культивирует искусство пения и танцев и образует на основании этого особую привилегированную касту. Точно так же и в Греции некогда цвет гениальных мужей группировался около гетер и нашел в них могучий двигатель духовного и политического развития. Явление это повторилось в Италии в XV столетии и имело огромное влияние на духовный прогресс этой эпохи, который у отдельных индивидов, как и у целых народов, всегда так тесно связан с их половой жизнью.

Graf доказал, что известные условия, благоприятствовавшие появлению на свет эстетической проституции, повторялись в XV столетии в Италии и потому сопровождались и здесь одинаковыми последствиями. «Современники Перикла и Алкивиада, – говорит он, – были окружены всепроникающей атмосферой красоты. Женская красота могла достигнуть своего идеального воплощения, по мнению древних, только в лице гетеры. Поэтому Аспазии, античной красоте которой угрожает беременность, вменяется в обязанность предотвратить эту опасность при помощи предохранительного выкидыша».

Итальянцы XV столетия также жили, окруженные красотой; век этот оставил нам многочисленные произведения, в которых женская красота описана, анализирована и самым тщательным образом исследована в своих причинах и законах.

В Греции во времена Перикла исчезает уважение к браку; точно так же в Италии в XV столетии он подвергается всеобщему презрению и осмеянию, так что тогдашние писатели почти все разделяют взгляд Aretin'a, по которому «жена – такая тяжесть, для которой нужны плечи Атланта».

«Если холостая жизнь, – замечает Graf, – вообще поддерживает и даже создает проституцию, то безбрачие образованных людей, писателей и артистов призывает к жизни гетеру и куртизанку».

Врожденные проститутки

Мы уже видели при изучении половой чувствительности проституток, что она у них большею частью понижена, что в известном отношении противоречит их обыкновенной преждевременной физической зрелости. Таким образом, мы встречаемся здесь, собственно говоря, с двойным противоречием: с одной стороны, ремеслом, основанным исключительно на чувственности, занимаются женщины, у которых чувственность почти совершенно притуплена, а с другой – женщины эти вступают на путь порока преждевременно созревшими, большею частью в возрасте, который еще не способен к правильной половой жизни.

1. Нравственное помешательство (*moral insanity*). Семейные чувства. Уже Тарновская указала на аналогию, существующую между нравственно помешанными и проститутками, а более точное исследование многих индивидуальных случаев привело к заключению, что нравственное помешательство настолько частое явление среди последних, что обуславливает даже между ними преобладающий тип. Доказательством этого является, с одной стороны, отсутствие у врожденных проституток самых естественных чувств, как, например, привязанности к родителям и сестрам, а с другой – их преждевременная испорченность, ревность и беспощадная мстительность.

Carlier говорит, что «проститутки обыкновенно не знают и не хотят знать, что случилось с их родителями». «При расспросах проституток насчет их семейств начинаешь сомневаться, – пишет Maxime du Camp, – имеешь ли дело с человеческими существами». Вот, например, их обычные ответы на подобные вопросы:

- Ваш отец жив еще?
- Мой отец? Должно быть, жив, хотя наверное я этого не знаю.
- А ваша мать?
- Моя мать, вероятно, умерла, но я опять-таки наверное не могу вам этого сказать.

F., которую цитирует Laurent, происходила из порядочной, даже известной семьи, но отличалась с раннего детства лживостью, испорченностью и непослушностью. На своих двух старших сестер она смотрела как на источники доходов. Убежав из дома, она начала вести самый развратный образ жизни, но потом вернулась, была принята своими и прощена. В благодарность за это она стала еще требовательнее и начала вести себя еще хуже, чем прежде, дойдя, наконец, до того, что зазывала мужчин для разврата даже в почтенный дом своих родителей. Legrain сообщает об одной проститутке, которая в детстве отличалась такой испорченностью, что ее не могла исправить ни одна школа. Будучи ребенком, она находила, между прочим, удовольствие в том, что подбрасывала в суп своим подругам булавки. Lescouг передает следующие слова одной проститутки: «Я принадлежу, как и сестра моя, тому, кто мне платит; отец захотел исправить нас, но ничего не мог поделать с нами и умер с горя». Класс проституток, описанный Тарновской под названием «*impudiques*», особенно отличается отсутствием всяких нравственных чувств вообще и неуважением к чужой собственности в частности.

Типичный случай нравственного идиотизма из мира проституток описан опять-таки Legrain'ом. Девушка, о которой идет речь, отличалась с раннего детства ленью, злопамятностью, жестокостью в обращении со своими сестрами и тому подобными чертами характера. На двадцатом году она вышла замуж и в 23 года имела уже двух детей. Но, начиная с этого времени, она начала небрежно относиться к ним и часто посещать балы. Вскоре она вступила в связь с одним молодым человеком, длившуюся 18 месяцев, и прижила с ним дочь, но затем примирилась с мужем и снова вернулась к нему. Через некоторое время она опять сделалась любовницей одного виноторговца, который обращался с ней очень дурно и часто заставлял ее напиваться пьяной. С этим виноторговцем она также прижила ребенка и после него имела целую серию других любовников, с которыми поддерживала переписку при помощи своих

детей. Нуждаясь постоянно, благодаря своей расточительности и кутежам, в деньгах, она обманывала всяческими способами разные общества вспомоществования бедным, вымогая у них под видом нуждающейся деньги, брала в долг, где только можно, ценные вещи, закладывала их или же продавала за полцены. Отдаляясь все более и более от своей семьи, она падала все ниже и дошла до того, что постоянно пьянствовала в кабаках, в обществе пьяниц и разного рода негодяев, к числу которых принадлежали, например, знаменитые супруги Fenaugou. В 36 лет у нее уже было шестеро детей, и жизнь ее стала еще более беспорядочной. Она проводила все ночи вне дома, не заботясь даже о том, чтобы придумывать мужу отговорки подобного поведения своего, постоянно угрожала и бранила его, возбуждая против него детей, и пыталась даже обвинить его в кровосмесительной связи с собственными дочерьми. Несколько лет спустя, прижив от разных любовников еще двух детей, она оставила супружеский дом и с двумя маленькими дочерьми своими отправилась кутить; напившись пьяной, она отдала их на растление своим собутыльникам. У нее была сестра, которая в 16 лет была уже проституткой самого низкого пошиба и грозой своих товарок, благодаря необыкновенной испорченности и злости.

Другой случай подобного же нравственного идиотизма касается одной великосветской кокотки, которая объездила почти все цивилизованные страны и во время своих путешествий дважды вышла замуж: один раз в Лондоне, другой в Бордо, несмотря на то что первый муж ее был жив. Преступления эти совершила она или с целью удовлетворить своим мимолетным капризам, или – что вероятнее – из желания явиться героиней такого пикантного происшествия, как двумужество. Сделавшись после этого любовницей одного очень богатого магната, она получала от него огромные суммы денег, из которых выплачивала пенсию своим двум мужьям. Когда же ее бордоский супруг сделался очень требовательным, она донесла на него, обвиняя вместе с тем и себя в двумужестве, и начала хлопотать о расторжении этого брака. Она дала себя арестовать в твердой уверенности, что ее оправдают, чем действительно и окончилось ее дело. Таким образом, мы видим, что в данном случае безнравственность служит не только для удовлетворения низменных инстинктов, но является также предметом очень тонкой спекуляции.

Знаменитую маркизу Pompadour бр. Goncourts называют «un rare exemple de laideur morale»¹⁰⁸. По их словам, это была женщина, не знавшая снисхождения и сострадания к другим, непоколебимая в своей ненависти и мести, глухая к стонам узников Бастилии, начальников которой она сама назначала, любовница, которой «caresses et amitiés n'étaient que des chatteries». Известно, что, будучи уже старой, она старалась сохранить к себе внимание короля тем, что подыскивала и доставляла ему самых молодых и красивых девушек.

De Tournelle, другая любовница Людовика XV, писала одному своему другу про придворные новости и между прочим сообщала: «Королева опасно больна: говорят, что у нее развивается чахотка; это единственная хорошая новость, которой я могу с вами поделиться». Благодаря придворным интригам она временно впала в немилость короля, но потом, вернув себе его расположение, потребовала смертной казни всех тех, кто был виновен в ее временном изгнании.

Другое доказательство нравственного помешательства врожденных проституток мы находим в полном отсутствии в их взаимных отношениях всяких альтруистических чувств и какой бы то ни было дружбы. Carlier говорит по этому поводу следующее: «В глубине души они (проститутки) ненавидят одна другую. Ни от одной из них мне никогда не приходилось слышать дружественного воспоминания о ком-нибудь из ее многочисленных товарок, с которыми она сталкивалась на своем печальном поприще. Они постоянно враждуют друг с другом». Точно так же и Parent-Duchatelet того мнения, что «во многих отношениях проститутки большие дети, чем 12-летние мальчики, так как больше всего боятся прослыть трусами и счи-

¹⁰⁸ Редкий экземпляр морального уродства (фр.).

тают делом чести никогда не оставлять неотомщенной ни одной обиды со стороны кого-нибудь из своих товарок».

В подтверждение всего выказанного нами мы можем сослаться также на статистику, которая убеждает нас, что только поразительно малый процент женщин решается на проституцию из-за более или менее благородных побуждений. Так, Parent-Duchatelet из 5144 проституток нашел только 89, которые избрали себе это печальное ремесло с целью поддержать своих старых и больных родителей или же чтобы дать средства к существованию своей многочисленной семье; все же другие вступали на путь разврата благодаря нищете, измене любовников или же, наконец, тому, что были детьми покинуты и заброшены своими родителями. Конечно, для многих бедность и отсутствие родительского надзора являются лишь случайными поводами к проституции; истинная же причина ее кроется в отсутствии у них чувства стыдливости и в нравственном идиотизме, благодаря чему девушка сперва падает, а затем постепенно доходит до дома терпимости. Особенно это относится к тем несчастным, которые лишены родительского надзора. Женщина со страстным темпераментом, сделавшая из-за любви неправильный шаг и затем покинутая своим вероломным любовником, скорее наложит на себя руки, чем станет проституткой. Как бы велика ни была нищета, в которой она находится, она не вступит на путь разврата, если у нее не развито от природы слишком слабо чувство стыдливости или если у нее нет особенной склонности к грубым наслаждениям и роскошной жизни. «Можно быть уверенным, – говорит Faucher, – что из 100 английских девушек с нормальной нравственной организацией 99 предпочтут умереть от голода в борьбе за существование, чем согласятся вести жизнь проституток».

Материнская любовь. Другим признаком нравственного помешательства врожденных проституток, до сих пор еще не получившим своей надлежащей оценки, является полное отсутствие у них материнских чувств, что низводит их на одну линию с врожденными преступниками.

Мы только что привели случай, сообщенный Legrain'ом, где мать, типичная проститутка, оставляла своих детей на произвол судьбы для того, чтобы принимать участие в оргиях и подыскивать себе любовников. Между всеми известными случаями дурного обращения и даже убийства матерями своих собственных детей проститутки занимают всегда первое место. Так, A. Porte убила своего сына и сохраняла у себя в спальне труп его запертым в сундуке в течение многих месяцев. Lacroix и Larue обе убили своих детей: первая – из боязни быть покинутой своим любовником, а вторая – чтобы быть свободной в своих любовных похождениях. Stakelburg, Nys, Eschevin и Davoust, судившиеся за истязание своих детей, точно так же были проститутками, хотя и занимали различное общественное положение.

Это говорит о том, что кокетки, в общем, самые дурные матери. Одна из них, которую мы изучили ближе других, обращалась со своей дочерью как с рабой, взваливала на нее самую тяжелую работу, одевала ее в лохмотья, в то время как сама тратила на свои наряды целое состояние, и клала ее спать даже в холодные зимние ночи на голую скамью. «Чувства кротости и взаимной привязанности, – говорит Carlier, – расцветающие на лоне семьи, очень редки у проституток. Большинство из них наделено очень дурными склонностями, не знает и не хочет знать ничего про своих родителей, живы ли они или нет, и если говорит о них, то в самой неблагопристойной форме. Недоступные для материнской любви, они ни за что не хотят иметь детей и в случае беременности употребляют все средства, чтобы сделать себе выкидыш и избавиться таким образом от угрожающего им, как выражаются они, несчастья; очень часто они прибегают к презервативным средствам, как, например, к губке и другим, чтобы предупредить зачатие».

По Carlier, проститутки-трибады испытывают настоящий ужас перед беременностью и у них наблюдается полное отсутствие всяких материнских чувств. Лучшим доказательством этого является редкость (34 %) детей у них, и те старания, которые употребляют они, осо-

бенно кокетки высшего полета, чтобы не сделаться матерями. Конечно, к этому побуждает их несчастное ремесло, так как материнство очень стесняет их, но для всякой женщины стать матерью есть физиологическая потребность; оставаясь неудовлетворенной, она ведет к разного рода расстройств в области физической и психической сфер. Поэтому если проститутка настолько занята своей красотой, что для сохранения ее жертвует даже своим материнским инстинктом, то это только доказывает, как слабо выражен в ней последний. Такие женщины бросают на произвол судьбы своих детей или дурно обращаются с ними даже в том случае, когда они богаты, когда, следовательно, сохранение красоты для них не имеет уже почти никакого значения.

Тарновская, говоря о проститутках, которых она называет «*impudiques*» и которые соответствуют нашим врожденным проституткам, замечает: «Материнская любовь часто им совершенно неизвестна. Они, не стесняясь, сознаются, что дети – это бремя и что Бог должен был бы призвать к себе всех этих малюток, которые им в тягость. Во время беременности они делают невозможное, чтобы вытравить плод». Одна из проституток, находящаяся под наблюдением Тарновской, не знала, что случилось с ее маленьким сыном, и относилась к участи его совершенно индифферентно. Очень характерно обстоятельство, что достигшие пожилого возраста проститутки обыкновенно торгуют своими дочерьми и не понимают, что, собственно, дурного в этом. Так, одна кокетка, арестованная на месте преступления в ту минуту, когда она готовилась продать свою дочь, обратилась, крайне изумленная, к агенту полиции со следующим наивным вопросом: «За что вы меня арестуете? Какое преступление я совершила?».

«Чтобы удовлетворить ненасытным желаниям своих клиентов и клиенток, многие из этих недостойных матерей доходят до того, что обучают своих юных дочерей самым гнусным приемам софизма»¹⁰⁹. Такими матерями являются почти исключительно старые проститутки.

Характерно поведение одной любовницы Людовика XV, которая таскала с собою всюду, куда ни являлась, прижитого от него ребенка с единственной целью показать всем, что она находилась в любовной связи с королем. Однажды какие-то придворные затеяли между собой ссору в присутствии ее, и она гордо крикнула им: «Прошу не забываться в присутствии королевского сына».

Однако Parent-Duchatelet иного мнения насчет проституток. По словам этого лучшего знатока их, на каждом шагу приходится наблюдать, что беременная проститутка становится предметом заботливого ухода для ее товаров, внимательное отношение которых еще удваивается, когда она разрешается от своего бремени. Между ними происходят вечные споры то из-за белья для новорожденного, то из-за различных мелочей для родильницы, которой каждая старается наперебой в чем-нибудь услужить. Когда мать держит при себе ребенка, товарки ее постоянно так вмешиваются в заботы ее о нем, что она должна нередко только из-за этого отдавать его в чужие руки. Carlier также свидетельствует о том высоком уважении, каким пользуется у проституток мать. Но большая, конечно, разница – поиграть с чужим ребенком час-другой или любить собственное дитя и исполнять с любовью и самоотвержением тяжелые бесчисленные материнские обязанности. Даже самый испорченный человек, даже самая безнравственная женщина могут минутами нежно привязываться к ребенку за его миловидность и беспомощность, особенно женщина, в которой – как бы она ни была испорчена нравственно – всегда еще тлеет искра материнства; но усматривать в подобных порывах материнскую любовь значило бы низвести ее с пьедестала величайшего альтруистического чувства на степень эгоистической забавы в праздную минуту. Отдавать себя всецело ребенку, заботиться и охранять его – это нечто совсем другое, чем временами забавляться его миловидностью. Необходимо также принять во внимание, что Parent-Duchatelet наблюдал проституток, не делая между ними никакого различия, и что в числе их было, вероятно, немало и случайно ставших проститут-

¹⁰⁹ *Taxil*.

ками девушек, которые могут, конечно, быть превосходными матерями. В тех редких примерах, которые мы наблюдали, дело шло о проститутках, ставших матерями, которые отличались общей и болевой чувствительностью, соответствовавшей норме или даже превосходившей ее. Они ближе подходили к случайным проституткам, и на них оправдывается выведенное относительно последних правило.

3. Преступность. Подобно нравственному помешательству, с проституцией тесно связана и преступность, которая в сущности есть только, так сказать, видоизменение и квинтэссенция *moral insanity*. Чаще всего между проститутками распространено воровство и соучастие в нем. Faucher говорит по этому поводу следующее: «Между домами терпимости самого низшего пошиба в Лондоне, Манчестере, Ливерпуле и Глазго нет ни одного, который не был бы в то же время притоном воров и разбойников. В Лондоне связи проституток с ворами – общее правило за весьма немногими исключениями. Их можно всегда видеть вместе целыми толпами в кабаках и харчевнях. Женщины эти посвящены во все воровские предприятия своих приятелей мужчин и нередко принимают участие в кражах их, имея всегда свою часть в добыче». В XIV столетии проститутки в Париже имели право селиться только в двух кварталах города, которые переполнялись вследствие этого притонами воров и разбойников. Полицейским приказом от 20 вендемира XIII г. (12 октября 1804 г.) предписывалось чинам полиции иметь особенно тщательный надзор за известным классом проституток «*baccanaleuses*», которые открыто действовали сообща с ворами. По Lescou'у, проститутки нередко совершают карманные кражи у своих посетителей, а Carlier полагает, что преступления этого рода распространены только среди проституток известной категории, именно тех, которые не имеют собственных квартир, а шлются по самым низким кабакам и ночлежным домам. По исследованиям Vintras'a¹¹⁰, из 91 157 домов терпимости в 57 больших городах Англии и Валлиса в 3628 жили проститутки и вору, а в графствах из 13 462 таких же домов 6370 оказались убежищами для разного рода преступников. По Guerry, 8 % лондонских проституток становятся воровками в 30 лет, а 7 % – в более пожилом возрасте.

Связь между проститутками и сутенерами чаще всего основывается на совместных преступлениях. О. Z., автор «Берлинских трущоб», говорит по этому поводу следующее: «Женихи (Brautigam – немецкое название сутенера) видят в проститутках своих достойных помощниц, преданных им душой и телом. Во время приведения в исполнение какого-нибудь преступления женщина стоит обыкновенно на страже, собирает предварительные сведения и высматривает удобный случай, что для нее легко возможно, благодаря ее печальной профессии; наконец, на долю ее еще выпадает прятать у себя украденные вещи или скрывать в своей комнате под кроватью или в шкафу какого-нибудь преступника, которого деятельно разыскивает полиция».

Очень частым преступлением проституток является, по Lescou'у, шантаж, к которому прибегают они особенно в пожилом возрасте. Нередко в нем принимают также участие и сутенеры, причем дело обыкновенно происходит так: проститутка привлекает к себе «гостя», а в самый критический момент на сцену является ее сутенер, разыгрывающий роль мужа или брата, и требует за поруганную честь деньги, которые жертва должна платить, если хочет избежать скандала. По словам Carlier, у парижских кокоток, особенно не первой молодости, шантаж развит в настоящую профессию. Они сохраняют письма, которые получали от богатых посетителей своих, и, узнав, что последние готовятся жениться, предлагают им выкупить за большие деньги эти письма, грозя в противном случае показать их невесте или ее родителям. Нередко шантаж этот повторяется по несколько раз, причем каждый раз отыскиваются для этого все новые и новые письма.

Проститутки, благодаря своей несдержанности в гневе, нередко совершают преступления против телесной неприкосновенности. «Они часто, – пишет Parent-Duchatelet, – приходят в

¹¹⁰ On the repressive measures adopted in Paris, compared with the incontrolled prostitution of London and New-York, 1867. P. 34.

сильную ярость и проявляют в это время удивительную силу и решимость, причем обдают друг друга в спорах потоками слов, оригинальностью своих выражений далеко превосходящих столь известное красноречие базарных торговек. При этом они нередко нападают и наносят друг другу тяжелые раны. В течение 20 лет в парижских тюрьмах наблюдался 12 раз смертельный исход от подобных ран. При этих драках обыкновенно пускаются в ход кулаки и ноги, нередко и ножи, но особенно часто прибегают к головным гребешкам».

Тарновская описала особый класс воровок под именем «*voleuses-prostituées*», у которых наблюдается полное смешение черт, свойственных проституткам и воровкам, и которые являются характерной патологической переходной формой от одних к другим.

«Существенные черты проституток и воровок, – говорит она, – своеобразным образом совмещаются в этих женщинах, которые составляют особую разновидность воровок-рецидивисток. Проститутки-воровки выказывают, например, больше осторожности в своих поступках, чем обыкновенные проститутки, не так легко поддаются влиянию минуты, умеют хорошо обдумывать свое намерение и сопротивляться моментальному импульсу, какие черты редко наблюдаются у обыкновенных проституток. Но зато они отличаются большей жестокостью и цинизмом, чем эти последние, у которых сказываются порою проблески доброты сердечной, и обнаруживают меньше склонности к употреблению спиртных напитков. Они понимают, что при своем, вдвойне опасном, образе жизни им нужно быть особенно осмотрительными и осторожными, что несовместимо с пьянством».

В общем, это наиболее частые и в то же время самые маловажные преступления проституток.

4. Алкоголизм. Проституткам свойственна такая же страсть к спиртным напиткам, как и преступникам, и соответственно этому у них наблюдается очень часто ослабление и даже полное отсутствие сухожильных рефлексов как следствие алкоголизма. Из 9 исследованных Марро¹¹¹ проституток 7 были пьяницами, причем две из них, происходившие от алкоголиков-родителей, привыкли напиваться чуть ли не с колыбели, а одна, не будучи еще совершеннолетней, выпивала уже по 7 литров водки в неделю. Из 60 проституток, находившихся под наблюдением Gurrieri и Fornasari, 12 происходили от родителей-пьяниц, 11 были сами алкоголичками и курили табак. Тарновская из 29 проституток, называемых ею «*impudiques*», родители которых были алкоголиками в 68 %, наблюдала пьяниц в 62 %, а из тех, которых она называет «*hystériques*», оказывалось подверженных алкоголизму 66 %, так что невольно является вопрос: не зависят ли наблюдавшиеся у них нервные расстройства скорее от алкоголизма, чем от истерии.

5. Жадность. У проституток наблюдаются, как мы выше видели, только самые легкие формы преступности; некоторые преступные страсти их, коренящиеся в глубине женской натуры, почти никогда не служат у них мотивами преступлений только лишь потому, что могут быть легко удовлетворены, и преступление становится поэтому совершенно излишним. Сюда принадлежит, например, ненасытная жадность, наблюдаемая обыкновенно у наиболее интеллигентных врожденных проституток. Parent-Duchatelet нашел среди 600 проституток, отбывавших тюремное наказание, 12 ростовщиц «высшего» и 20 – «низшего порядка». Они одолжали своим товаркам по заключению деньги и за каждый франк брали в две недели по 1½ франка процентов, а у тех, кто не мог заплатить своего долга, отнимали вещи и платья, оставляя их чуть ли не голыми. Проститутки смотрят всегда на своих гостей как на известные суммы денег, и Массе неоднократно слышал, как они говорили про иных: «вот идет мой талер» или «вот мой луидор». Некая преступница Perino, которую нам пришлось наблюдать, была с детства воровкой, но перестала воровать, как только сделалась проституткой. Жадность древних греческих гетер вошла даже в поговорку. Мы находим у Алкифрона очень характерное письмо одного

¹¹¹ Marro. I caratteri dei delinquenti. P. 438.

сельского хозяина, разорившегося на одну из этих гетер, которая потом, когда он обеднел, не хотела больше знать его. «Разве ты забыла, – сказано в этом письме, – корзины с финиками, свежие сыры и прекрасных куриц, которых я тебе посылал? Разве все добро, которым ты теперь пользуешься, принадлежит не мне? Теперь мне остается только позор и нищета!» Анаксил, которого цитирует Атений, дает следующее описание куртизанок своего времени: «Да, все эти гетеры суть сфинксы, не говорящие прямо, а выражающие свои желания в форме загадок. Они ласкают вас, шепчут вам, положим, о своей любви и минувших наслаждениях, но на самом деле это значит: мой милый, мне нужна скамеечка для ног, треножник, стол или рабыня». Кто понимает подобные приемы, спасается, подобно Эдипу, от таких загадок и может считать себя поистине счастливым, если ему удалось избежать в этом деле крушения; кто же рассчитывает быть вознагражденным за свою уступчивость ласками истинной страсти, тот падает жертвой чудовища. «Взгляните на Плангону, ведь она настоящая Химера, сожигающая иностранцев своим огнем! А Пинопа? Разве она не стоголовая гидра? А чем отличается Наннио от имеющей три пасти Сциллы? Разве не ищет она третьего любовника, после того как двух уже задавила?» Знаменитая гетера Летала писала Ламалиону, своему сентиментальному, но скупому любовнику: «Мне нужны золото, драгоценности, платья и рабыни. Ты мне надоел своим вечным хныканьем, клянусь Венерой! Ты говоришь, что боготворишь меня, не можешь жить без меня и что я должна стать твоею. Хорошо. Но разве у тебя нет золотых кубков? Разве ты не можешь похитить у отца немного золота или у матери части ее сбережений?». Анаксил совершенно прав, сказав в одной комедии своей: «Из всех хищных зверей самый опасный – гетера».

Известно, какие громадные богатства скопили фаворитки французских королей благодаря подаркам, пенсиям, рентам и привилегиям, которыми последние их дарили. О маркизе Pompadour, например, Goncourt сообщает следующее: «Под наружностью великосветской дамы в ней скрывалась алчная кокотка, старавшаяся захватить в свои руки как можно больше поместий и замков. Ни одна из прежних королевских метресс не владела столькими имениями и домами, как она». Состояние ее простиралось до 25 миллионов франков, каковая сумма и в настоящее время громадна, а в то время, когда финансы Франции находились в таком плачевном состоянии, была прямо чудовищна.

6. Чувство стыдливости. Отсутствие чувства стыдливости является одной из самых характерных черт врожденных проституток. Некоторые авторы, в том числе Parent-Duchatelet, отрицают или по крайней мере уменьшают значение этого факта, указывая на то, что проститутки, принимая у себя гостя, завешивают обыкновенно иконы и никогда не отдаются мужчинам в присутствии посторонних. Но, по нашему мнению, здесь дело сводится к распространному среди них суеверию или к симуляции. Если принять во внимание, что между ними встречаются матери, которые имеют сношения в присутствии собственных дочерей со своими любовниками или отдают их последним, если вспомнить, что многие из этих женщин показывают себя за деньги в «живых картинах» трибадов и содомистов¹¹², то станет ясным, что нежелание отдаваться мужчинам в присутствии посторонних есть не более как симуляция с их стороны. Нам лично пришлось однажды слышать жалобы одной проститутки, негодовавшей и удивлявшейся, что ее арестовали за оскорбление общественной благопристойности, когда она ровно ничего такого не сделала, если не считать, что отдалась в публичном месте десяти солдатам последовательно одному после другого и каждый раз в присутствии всех остальных.

7. Нравственное помешательство (*moral insanity*) и врожденная склонность к проституции. Врожденная проститутка не способна к материнской любви и привязанности к родным; она думает только об удовлетворении своих низменных инстинктов; это преступница, хотя преступления ее принадлежат обыкновенно к разряду легких, и в ней типично выражены черты так называемого нравственного помешательства (*moral insanity*). Самым патогномонистиче-

¹¹² Parent-Duchatelet. Op. cit.

ским признаком его служит отсутствие у нее стыдливости. Вся сила этического развития женщины была всегда направлена, стало быть, к тому, чтобы создать и укрепить в ней это чувство: поэтому крайняя степень нравственного вырождения, «moral insanity», должна выражаться именно потерей стыдливости, подобно тому как у мужчин она сказывается утратой чувства, наиболее культивированного цивилизацией, как, например, уважения к чужой жизни. Следствием и венцом подобного отсутствия стыдливости является та легкость, с какою женщины соглашались взяться за профессию, приносящую им одно только всеобщее презрение и отвращение.

Подобный взгляд на причину проституции примиряет противоречие, очевидно существующее между ремеслом проститутки, с одной стороны, и ее половой нечувствительностью, с другой. Сильная чувственность не делает еще женщину проституткой: благодаря ей она будет слишком надоедать своими ласками мужу, заведет себе любовника, отдастся, наконец, в минуту сильнейшего полового возбуждения почти первому встречному мужчине, но не станет проституткой: в ней живо чувство стыда, хотя от времени до времени грубые инстинкты и берут над ним верх. Там, где женщина, несмотря на свою пониженную чувствительность, все-таки делается проституткой, причина этого, очевидно, кроется не в ее похотливости, а в отсутствии у нее нравственного чувства. Женщины, не стыдящиеся и не сознающие всего позора своего порока, имеющие особенную болезненную склонность ко всему запрещенному, недозволенному, вступают на путь разврата потому, что он дает им возможность беззаботно жить, ничего не делая; их половая нечувствительность является даже при этом преимуществом, приспособлением в том смысле, что легко и сильно возбудимая женщина не могла бы вести долго жизнь проститутки и очень скоро была бы ею надломлена. Для проститутки сношение с мужчиной – совершенно безразличный в психическом и физическом отношении акт, и она торгуется собою потому, что профессия эта хорошо оплачивается. Необыкновенно ранняя нравственная испорченность, идущая рука об руку с проституцией, точно так же доказывает, что корень последней кроется не в чувственности, а в нравственном слабоумии, что она есть лишь особый вид рано сказывающегося тяготения ко всему дурному, какой-то наклонности делать все то, что запрещено, – наклонности, столь характерной для нравственно помешанных субъектов. «С малых лет, – говорит Schule, – подобные индивиды обнаруживают особую страсть ко всему дурному и запрещенному, и с течением времени, по мере того как они развиваются, страсть эта растет и крепнет. Никакие старания воспитателей не могут отучить их от лжи и лицемерия, к которым они постоянно дерзко прибегают. Они относятся совершенно равнодушно к радости или горю своих родителей, то и другое возбуждает в них только мимолетные чувства. Если при исправлении их обращаются к энергичным, крутым мерам, то это только больше ожесточает их и они упорно повторяют свои бесстыдные поступки. Необыкновенно раннее пробуждение в них самых дурных инстинктов, наклонности к воровству, черствости и даже жестокости в отношении своих товарищей просто поразительны».

Появляющиеся у проституток уже в детском возрасте дурные наклонности тем более обращают на себя внимание, что могут выражаться поступками, которым не препятствует даже самый юный возраст. Так, например, чтобы совершить убийство или воровство, еще недостаточно той нравственной извращенности, которую мы можем найти подчас у ребенка: для этого нужна еще известная физическая и психическая сила; между тем как к попыткам иметь сношение годна даже самая маленькая испорченная девочка.

Дальнейшее доказательство того, что врожденная проституция есть патологическое явление не полового, а нравственного характера, заключается в том, что девушки могут быть очень рано проституированы в нравственном отношении, сохранив при этом абсолютную девственность. Примером могут служить некоторые любовницы французских королей, которые уже в детстве мечтали о том, чтобы достигнуть власти при помощи королевского ложа. Между бумагами маркизы Pompadour была найдена записка с указанием на пенсию, которую она ежегодно

выплачивала некоему Lebon'у за то, что он предсказал ей, когда ей было девять лет, что она сделается любовницей короля. Фелиция de Nestlé, будучи еще маленькой девочкой и воспитанницей пансиона, замышляла вытеснить свою сестру из должности королевской метрессы и самой занять ее. К этой завидной и в то же время позорной карьере влекла ее аномалия в ее нравственной сфере уже в том нежном возрасте, когда половое влечение по молодости лет не могло еще быть в ней развито.

Итак, происхождение врожденной проституции кроется в нравственном помешательстве, и все прочие вторичные черты нравственного облика проститутки еще более подтверждают эту идентичность ее с нравственно-слабоумной.

8. Добрые порывы. Подобно преступницам, проститутки проявляют порою сердечную доброту, которая так мало гармонирует с их обычным эгоизмом. «Своеобразной чертой проституток, – говорит Parent-Duchatelet, – является то, что в несчастьях они деятельно утешают и помогают друг другу. Если одна из них заболит, то все ее товарки принимают в ней самое горячее участие: заботятся о ней, перемещают ее в больницу и навещают там. В тюрьме они очень часто собирают между собою деньги, чтобы купить платье или обувь для кого-нибудь из них, кто готовится выйти на волю; при этом они часто жертвуют самым необходимым для них даже в том случае, когда заранее знают, что будут обмануты или отблагодарены черной неблагодарностью». Лесонг часто наблюдал, что заключенные в тюрьме проститутки делали между собою складчину, чтобы дать возможность кому-нибудь из товаровок уехать на родину на собственный, а не на казенный счет. Carlier говорит, что «обыкновенно проститутки ненавидят друг друга, но тяжелая болезнь или какое-нибудь иное несчастье мигом уничтожают между ними всякую вражду: они в таком случае взаимно поддерживают друг друга, платят врачу за лечение, собирают для больных и навещают их поочередно, а в случае смерти заболевшей принимают на себя заботы об устройстве более или менее приличных похорон ее».

Нередко у них можно наблюдать черты того сострадания к слабым и страждущим, которое так характерно для женского пола. Толстой сообщает, что во время переписи населения Москвы он был немало удивлен, натолкнувшись однажды на проститутку, которая совершенно отказалась на время от своей профессии для того, чтобы ухаживать за новорожденным ребенком своей соседки. Parent-Duchatelet знал многих проституток, которые посылали еженедельно и даже ежедневно по одному хлебу своим больным и бедным соседям.

9. Умственное развитие. Среди проституток встречаются субъекты всякого умственного развития, начиная почти с идиотской тупости и кончая одаренностью, близкой к гениальности. Многие из них остаются на всю жизнь с детским недоразвитием и производят впечатление слабоумных субъектов, ничем не интересующихся, поражающихся обыденными вещами, теряющихся и не могущих ответить на самые обыкновенные вопросы. Их можно было бы назвать «детьми-проститутками». Maxime du Camp описывает этот тип публичных женщин в следующих выражениях: «Многие девушки, занимающиеся проституцией с 14–15-летнего возраста, буквально не могут ни о чем говорить, но не вследствие какого-нибудь расстройства речи, а потому, что обладают слишком малым запасом слов для выражения даже простейших мыслей своих. На все предлагаемые им вопросы они отвечают с резким движением испуганного зверя: „Не знаю“... При виде пролетевшей мимо мухи их разбирает внезапный смех; некоторые смотрят широко раскрытыми глазами на горящие в камине дрова, точно они никогда в жизни не видели ничего подобного». Legrain, Laurent и Ottolenghi наблюдали такие же типы среди проституток, подвергнутых ими исследованию. Parent-Duchatelet опубликовал статистические данные о грамотности проституток, подтверждающие вышеизложенные наблюдения. Он нашел именно, что из 4470 проституток, родившихся и выросших в Париже, 2332 совсем не могли подписать своего имени, 1780 подписывали его, но очень скверно, 110 хорошо, а некоторые даже очень красиво, между тем как 248 не захотели дать никаких сведений на этот счет. Parent совершенно справедливо сомневается, чтобы такой громадный процент (70 %) безграмотных

обуславливался исключительно отсутствием родительского надзора или нищетой, так как уже в его время народное образование в Париже было всеобщим и бесплатным. Недостаточность подобного объяснения видна еще из того обстоятельства, что среди проституток, являющихся в город из глухой провинции, для которой образование, стало быть, менее доступно, чем для горожанок, наблюдается точно такое же, а не большее число грамотных. Отсюда следует, что эта почти поголовная безграмотность проституток совершенно не зависит от социальных факторов. Недавно при исследовании в этом отношении 39 проституток было найдено, что 25 из них не могли подписать своего имени, а 12 были грамотны, хотя и мало, между тем как из 264 женщин той же профессии, родившихся и выросших в деревнях, 146 были совершенно неграмотны, 74 малограмотны, а 44 отказались от дачи сведений. В действительности многие будущие проститутки оказываются решительно неспособными чему-нибудь научиться в детстве: они невнимательны, непослушны и ленивы; никакое учение не идет им впрок и ни одна школа не может держать их более или менее долго в своих стенах. Мы лично усматриваем в этом новое доказательство в пользу частоты *moral insanity* между проститутками. Равным образом и Schule пришел к заключению, что известная часть нравственно помешанных больных обладает очень дурными умственными способностями, не удовлетворяющими самым слабым школьным требованиям, так что умственное развитие их так же невозможно, как и нравственное воспитание. Parent-Duchatelet заметил, что большинство из наблюдавшихся им проституток было совершенно неспособно следить за течением самой обыкновенной мысли; они очень скоро уставали и становились рассеянными. De Sanctis при своих исследованиях 28 проституток нашел у трех из них очень плохие умственные способности, у семи – плохие, у 13 – посредственные и только у четырех – довольно хорошие. Итак, мы видим, что у проституток значительно преобладают способности ниже средних. Fiaux также находил у них постоянно «детскую психологию, невнимательность, неспособность сосредоточиваться, как у молодых дикарей, и пустоту доисторического мозга, сильно напоминающего еще животных». И без того совершенно ясно, что проститутки не давали бы себя в домах терпимости так глупо эксплуатировать, если бы они не были так ограничены в умственном отношении. Picot и Bridel при своих исследованиях этого вопроса в Женеве пришли к заключению, что «женщины, раз попавшие в дом терпимости, становятся обыкновенно неспособными к какой бы то ни было реакции: одни, без всякой связи с родными, на чужбине, запутанные в долгах, они мало-помалу проникаются сознанием, что тот образ жизни, который ведут они, совершенно нормален, чувствуют себя до известной степени обязанными своим эксплуататорам, так что и не думают возмущаться теми чудовищными контрактами, которыми те их связывают». Fiaux наблюдал случаи, что девушки, оставлявшие в пылу гнева дома терпимости, добровольно возвращались в них спустя несколько дней, чтобы с прежней индифферентностью продолжать обогащать своих эксплуататоров.

Подобно тому как между нравственно слабоумными рядом с очень ограниченными в умственном отношении индивидами встречаются люди с блестящим, хотя и односторонне развитым умом, точно так же и среди проституток попадаются порою очень умные от природы женщины, ум которых, однако, остался неразвитым. Цитируемая Laurent'ом, например, Andrée была очень интеллигентная девушка и в школе очень скоро нагнала в успехах своих подруг. Она охотно и много читала и, несмотря на вульгарность своих выражений, была очень остроумна в беседе. Parent-Duchatelet сообщает, что одна проститутка придумала очень остроумную систему возможно более удобной и прибыльной практики, связанной с наименьшим риском для нее заразиться и заболеть. Особа эта составила нечто вроде союза из 40 женатых людей, с которыми она только исключительно и жила. Вступление нового члена в этот союз совершалось не иначе, как с общего согласия остальных членов его и после соответствующего медицинского осмотра; член же, жена которого умирала, *ipso facto*, исключался из состава общества. Таким образом, проститутка эта была гарантирована относительно своего и посетителей ее здоровья

и имела отличный доход, совершенно не изнуряя себя. Нельзя отрицать, что создание и приведение в исполнение такого простого плана свидетельствует об известной умственной одаренности этой женщины.

П. Тарновская выделила особую группу, почти в 15 %, так называемую «*semi-hystériques*», – проституток, получивших школьное образование, склонных к лирическому сентиментализму (как мы это наблюдаем у воров) и отличающихся любовью к цветам, птицам и поэзии; проститутки этой группы охотно трактуют о добре и зле и вообще рисуются своим добрым сердцем.

Среди аристократок проституции, гетер, известны крупные умы, сумевшие привлечь к себе даже гениальных мужчин. Не одна женщина, даже самого низменного происхождения, составила себе блестящую карьеру на этом поприще исключительно благодаря своему уму. Такие гетеры, как Аспазия и Леена, отличались, должно быть, далеко не дюжинными умственными способностями, если могли приобрести такое огромное влияние на политическую и эстетическую жизнь своей родины. Известно, что, когда Ксеркс задумал завоевать Грецию, он послал знаменитую гетеру Таргелию из Милета с тонким дипломатическим поручением склонить на его сторону путем своих ласк начальников греческих городов. Она действительно увлекла 14 из них, но не могла склонить их на сторону персидского царя. Впоследствии она перестала быть гетерой, вышла замуж за фессалийского царя в Лариссе и отдалась всецело изучению наук. Аспазия, происходившая также из Милета, до того как сделаться любовницей Перикла, была обыкновенной проституткой в одном доме терпимости в Мегаре. Прибыв в Афины во главе целой толпы молодых, красивых и образованных женщин, она сделалась преподавательницей риторики, и в короткое время ее слушателями стали самые знатные и образованные граждане. Перикл, сойдясь с ней, ввел в ее дом все, что было более или менее выдающегося в Афинах, и сумел даже побороть предрассудки жены и дочерей, которые точно так же начали бывать у Аспазии. «Они отправлялись в ее дом, – замечает по этому поводу Плутарх, – чтобы слушать ее красноречие». В короткое время Аспазия сделалась в Афинах законодательницей не только мод, но языка, вопросов дня и обычаев. Многие афинские девушки, увлеченные ее блестящей карьерой, также сделались куртизанками.

Другая гетера, Никарета, происходившая из благородной фамилии и замечательно образованная, отличалась особенной страстью к математике. Она никогда не отказывала в своих ласках мужчине, если только могла чему-нибудь научиться у него. Сделавшись последовательницей философской школы стоиков, она оказала школе этой много существенных услуг, подобно тому как Филена и Леонтия явились ревностными поборницами учения эпикурийцев. Первая из них, ученица и подруга Эпикура, написала большое сочинение по физике и трактат об атомах.

Маркиза Pompadour была, несомненно, женщина выдающегося ума: как ни вредны были для Франции ее политические планы, но они отличались смелостью и оригинальностью. Братья Goncourts подробно описывают, с каким тонким умением она боролась против интриг своих врагов при дворе; они рисуют ее покровительницей искусств и наук в эту великую эпоху зарождения духовного могущества Франции, поклонницей всего нового, прогрессивного, а эти качества могут быть свойственны только недюжинному уму.

Замечательная, блестящая карьера многих кокотов, даже вовсе не отличавшихся красотой, свидетельствует о большей или меньшей степени их интеллигентности, об их знании людей, умении общаться с ними и влиять на них. С другой стороны, и тот факт, что содержательницы публичных домов, выходящие обыкновенно из рядов проституток, сплошь да рядом наживают огромные состояния, также служит доказательством того, что особы эти в большинстве случаев далеко не глупы и сплошь да рядом сообразительны и расчетливы.

10. Письмо. Мы раньше говорили о том, что татуировка встречается у одних только проституток. Среди разного рода слов, выражений и фраз, которыми они любят украшать свое

тело, попадаются некоторые очень остроумные и удачные, хотя большею частью и очень циничные. Напротив, надписи, которые делают обыкновенно преступницы на стенах, мебели и т. п., в большинстве случаев совершенно незначащи по своему содержанию, иногда сентиментальны, иногда религиозны и очень редко эротического характера (см. гл. «Случайные преступницы»).

Гораздо более часты и остроумны подобные произведения проституток-преступниц, хотя в них нет той меткости и ядовитости, которая свойственна обыкновенно проституткам. Иногда попадаются между ними образчики истинной поэзии.

В моем Archivio di Psichiatria, т. XII, напечатано огромное стихотворное произведение некоей 16-летней проститутки, которая остроумно и с замечательным юмором описала в нем все, что она видела и пережила во время своего пребывания в Туринской больнице для венерических больных.

Pitre собрал и опубликовал множество народных стихотворений, между которыми есть несколько песенок, сочиненных, по-видимому, проститутками. Они наводят на мысль, что эти несчастные создания отличаются в общем более развитым эстетическим чутьем, нежели преступницы и даже нормальные женщины.

11. Жаргон проституток. Проститутки повсюду имеют свой специальный жаргон. В Париже у них первый встречный «гость» называется «Machinkoff» или «Père Douillard», «Bobinskoff» – тот, кто содержит любовницу; «Béquinskoff» означает предмет мимолетной страсти; «Bon» – полицейский агент; «Brème» – желтый билет проститутки, игральные карты, надзор полиции; «Panuche» – мещанка, «Pisteur» – мужчина, который на улице шляется за кокотками. «Miche» – это всякий «гость» вообще, «Cougnotte» – проститутка, занимающаяся трибადией, и т. д.

У итальянских проституток «Civetta» называется всякая некрасивая женщина. «Rail» – высший полицейский чиновник. «Guardie di morti» (стражи мертвецов) – полицейские чины, наблюдающие за публичными домами. Для обозначения masturbatio labialis существует у них выражение «Punta di penna», для masturbatio manualis «Zampa di ragno»; заниматься педерастией называется у них «Sfogliar la rosa» (лишать розу листьев), а проститутки-трибады, которые участвуют в публичных сафистических представлениях, носят название «Pulci lavoratrici» (дрессированные блохи) и т. д. и т. п.¹¹³

12. Религиозность. Проститутки очень религиозны, подобно многим преступницам и большинству дегенератов. Уже гетеры и обыкновенные проститутки Древней Греции отличались особенной ревностью в соблюдении религиозных обрядов и необыкновенным усердием в жертвоприношениях. Они клали на алтари чтимых ими божеств чаще всего золотые, серебряные и перламутровые вещицы, изображавшие мужской половой член, драгоценные камни, серебряные зеркала, пояса, гребни, пинцеты для удаления волос, головные булавки и всевозможные другие золотые и серебряные предметы. Храм Венеры на острове Самосе сильно обогатился приношениями гетер, которые во главе с Аспазией следовали за армией Перикла во время войны с этим островом.

По словам бр. de Goncourts, знаменитые французские куртизанки и королевские метрессы XVIII столетия отличались религиозностью, смешанной с суеверием. Среди них крепко держался обычай тайно служить по субботам обедни Пресв. Богородице даже в то время, когда кругом царствовало полнейшее безверие и безграничный скептицизм.

Laurent сообщает, что одна проститутка, сделавшаяся на старости лет сводницей, усердно молилась каждый раз Мадонне о щедрости «купцов», которым она готовилась продать ту или иную жертву свою. Кто хоть немного знаком с Неаполем и посещал бедные кварталы его, где живет простонародье, тот, вероятно, заметил, что там в каждом публичном доме находится икона Богоматери с постоянно теплящейся перед ней лампадой. Когда туда входит «гость»,

¹¹³ Taxil.

икону тотчас же покрывают платком, чтобы «Мадонна ничего не видела». Parent-Duchatelet говорит по этому поводу следующее: «В обществе мужчин или даже перед своими товарками проститутки бравируют своим издевательством над религией и набожностью, но в тиши, будучи одни, они относятся к ней совершенно иначе. Если наблюдать их улицах и дорогах, когда они думают, что они совершенно одни, можно видеть, как они крестятся при встрече с каждой похоронной процессией. Во время Пасхи вы найдете в комнате каждой из них по масличной ветке. В одном публичном доме, – рассказывает далее этот автор, – тяжело заболела одна проститутка. Бросившиеся за священником три товарки ее принесли ей ответ, что в этом доме священник навестить ее не может. Тогда по настоянию заболевшей ее немедленно перенесли в другое помещение, причем хозяйка дома и прочие девушки сложились, чтобы собрать необходимую сумму денег для уплаты священнику за требу. Одной проститутке было назначено однажды свидание в церкви, но она отклонила его, говоря, что недостойна посещать храм Божий и что она не переступала порога его с тех пор, как стала торговать собой. Не было еще случая, чтобы умирающая проститутка отказалась от напутствия священника, к чему относятся обыкновенно с одобрением все товарки ее. Если принуждают проститутку посещать церковь, то они сопротивляются этому; с другой стороны, они часто без всякого постороннего принуждения бывают в ней, если только там поют на понятном им языке. Одна проститутка ежедневно приходила в церковь и горячо молилась все время, пока длилась болезнь ее сына. Во время прохождения по улицам религиозных процессий проститутки часто делают складчину и на собранные таким путем деньги украшают соответственным образом свои окна».

13. Привязанность к животным. Проститутки, как и нравственно помешанные, отличаются особенной привязанностью к животным, которая так резко противоречит их обычному равнодушию к окружающим людям. Maxime du Camp говорит, что данное содержащимся в St.-Lazar'ской больнице проституткам разрешение держать около себя животных пришлось отменить потому, что они грозили превратить больницу в зверинец. Известно, что маркиза Rompadour имела у себя в доме целую коллекцию собак, обезьян, попугаев и редких птиц и, умирая, завещала в своем духовном завещании одну собаку и попугая Buffon'у. Она платила огромные деньги знаменитым художникам и ваятелям за изображения любимых животных. Привязанность к животным является у подобных женщин вполне эгоистическим чувством, так как животные подчинены всецело воле человека и им не нужно приносить никаких жертв, между тем как любовь к человеку – это эго-альтруистическое чувство, которое требует бесчисленных жертв для любимого существа и полного подчинения своих личных эгоистических интересов его желаниям.

14. Любовь. Любовниками проститутки являются обыкновенно их сутенеры, к которым влечет их особенная страсть. Сутенер – это почти всегда субъект со зверским характером, с склонностью к насилиям, становящийся паразитом своей любовницы, которую он в благодарность за ее любовь немилосердно колотит. Сутенеры, особенно проститутки низшего пошиба, находятся постоянно в тесных сношениях с ворами и другими негодяями. О сутенерах говорит уже Restif de la Bretonne в своем «Pornographe» (1760) следующее: «Проститутки не могут обходиться без защитников; в своих выборах они обыкновенно останавливаются на самых испорченных, но сильных мужчинах, которых все боятся и в которых они видят опору и защиту против всякого нападения на них. Проститутка, раз выбравшая себе подобного защитника, не может уже развязаться с ним в течение всей своей жизни: она должна доставлять ему средства, дающие ему возможность жить, ничего не делая, проводить все время в кутежах и играх.

Многие из этих мужчин имеют по несколько любовниц одновременно. Если проститутка, не будучи в состоянии долее переносить жестокое обращение своего тирана, хочет избавиться от него, она должна найти себе другого, более сильного и потому еще более деспотического любовника. Когда проститутка появляется на улице, где ей это запрещено полицией, то любовник сторожит ее и предупреждает о приближении полицейских агентов».

Таково же положение дела и в наши дни. Parent-Duchatelet говорит по этому поводу следующее: «Иго, которое переносят проститутки от своих сутенеров, превращается порою в самую страшную тиранию, какую только можно себе вообразить. Негодяи эти не только живут и одеваются за счет своих рабынь, но постоянно стерегут их, заставляют их посещать с ними кабаки и харчевни, где они должны за все платить, если хотят избавиться от побоев». «Никогда, – пишет Lescouq, – ни один негр не страдал столько под плетью своего надсмотрщика и ни один узник столько от своего тюремщика, сколько проститутки от своих сутенеров, которых они содержат как своих защитников».

Однако, несмотря на все это, эти падшие создания обыкновенно очень сильно и нежно привязаны к своим мучителям. «Я видел, – пишет Parent, – несчастных девушек, которых доставляли в больницу с выбитыми глазами, с окровавленными лицами, с бесчисленным множеством ран и кровоподтеков на теле и которые, выздоровев, возвращались обратно к своим мучителям. Одна из них издала следовала за своим пьяным сутенером, наблюдая за ним, и когда он падал, она подбегала к нему, помогала ему встать на ноги и затем быстро убегала от него, спасаясь от его побоев. На другой день она разыскала его в одном из полицейских участков, куда он в конце концов попал. Другая, спасаясь от своего расшвырянувшего любовника, громившего с молотком в руках все, что ни попадалось ему под руку, прыгнула во двор с третьего этажа. Вылечившись в больнице от последствий подобного прыжка, она вернулась назад к своему возлюбленному и полгода спустя, опять спасаясь от него, вторично выбросилась из окна, причем сломала себе руку. Но, несмотря на все это, она продолжала и дальше жить с этим субъектом. Но ярче всего выступает привязанность проституток к своим защитникам в письмах их к последним. В письмах этих нельзя найти ничего грязного и циничного; наполнены они большею частью уверениями в любви и упреками в том, что они не получили ответа на свои письма. Любовники часто замещают их другими женщинами, о чем они узнают от вновь арестуемых, и любовь их, несмотря на это, бывает настолько сильна, что они из ревности нападают на своих соперниц и избивают их».

Масе рассказывает про одного сутенера в Париже, который ежедневно наполнял сосуд известным количеством воды и по убыли ее вечером судил о том, «*si la marmite avait bien travaillé*»¹¹⁴. В зависимости от этого находилось более или менее строгое наказание, которому этот человек подвергал свою жертву. Однажды вечером он нашел сосуд почти полным и так жестоко избил несчастную девушку, что в дело вмешались соседи, и он был приговорен к шестимесячному тюремному заключению. Однако, когда его выпустили из тюрьмы, девушка эта опять поселилась с ним.

В этом отношении проститутки, стало быть, сильно отличаются от врожденных преступниц в узком смысле слова, которые не способны к крепким и продолжительным связям. Эта разница кроется в свойственной женщине потребности видеть для себя в мужчине опору. Дело в том, что проститутки – субъекты в большинстве случаев мало интеллигентные и совершенно обезличенные, обыкновенно очень легко попадают под влияние мужчин и очень живо испытывают подобную потребность, между тем как энергичные и страстные преступницы видят всегда в мужчине больше своего раба, нежели господина. Проституток-преступниц, как, например, Gras и Lavoitte, любовники их не только не подстрекают к преступлению, но даже, напротив, они сами наталкивают их на него. Некоторые проститутки, которых нельзя считать преступницами в собственном смысле этого слова и у которых рядом с известной интеллигентностью наблюдается и сильное развитие активной стороны *moral insanity*, не поддаются под иго своих сутенеров. Так, например, знаменитые Legrain и Jeanne, описанные Laurent'ом, расстались обе со своими *amants chéris* после первой же трепки, которую те им задали. Но большинство совершенно неинтеллигентных, безответных, подобно животным, проституток сильно привязано к

¹¹⁴ Насколько горшок хорошо сработан (*фр.*).

своим сутенерам и переносят зверства их с такою же покорностью, с какою собака лижет наказывающую ее руку своего господина. Сутенер помогает проститутке завлекать посетителей, обирать их и скрываться от полиции, защищает ее от постороннего насилия и конкуренции; он является, так сказать, единственным законом в ее полной беззаконий жизни и воплощает в себе все идеалы ее. «Куда мы ходим, если не любим», – говорят обыкновенно эти падшие создания в объяснение своей привязанности к своим любовникам. Наконец, влияние страха и боязнь мести со стороны сутенера, равно как и воспоминания о перенесенных страданиях, еще более укрепляют подобные союзы проституток с их сутенерами.

Замечательной является петиция, поданная в 1830 г. парижскому префекту, в которой сутенеры протестовали против преследования полицией проституток за заманивание у окон прохожих и приставание к ним на улицах. Петиция эта подписана «cinquante mille voleurs de plus»¹¹⁵, и в ней между прочим сказано следующее: «Marlou, или альфонс, – это обыкновенно красивый и здоровый мужчина, любезный в обращении с девушками, защищающий их и принуждающий вести себя порядочно. Альфонс умеет танцевать канкан или работать ножом одинаково хорошо, смотря по надобности. Отсюда видно, что мы с нравственной точки зрения полезны для общества. Почему же хотят нас сделать бичами его, стесняя профессию наших женщин? Что нам остается делать? Деньги, которые нам достаются от наших любовниц, мы растрчиваем: Шарль, например, оставляет их в кафе, чтобы иметь возможность читать газеты. Огюст проигрывает их, Александр спускает на танцы... Спрашивается, что же будет делать какой-нибудь Ахилл или Алкид без этих денег, если он все-таки хочет жить в роскоши, к которой он привык? Откуда возьмем мы заплатить своим портным и сапожникам? Мы все неминуемо сделаемся негодяями и мошенниками, и общество обогатится еще 50 000 воров». Документ этот любопытен как верное изображение этики подобных субъектов и их идентичности с преступниками в собственном смысле этого слова; в нем отражается также нравственный мир проституток.

15. Лакомство, обжорство, пьянство. Проститутки отличаются большею частью прожорливостью, и, по словам Parent-Duchatelet, они очень необыкновенные лакомки. «Лакомство и прожорливость их, – говорит он, – удивительны. Некоторые из них едят целый день и в общем съедают такую массу, что этим можно было бы смело накормить трех или четырех женщин одного с ними возраста. К этим излишествах они приучаются в простых харчевнях или хороших ресторанах, в которые ведут их, смотря по их пошибу, их поклонники». Так как у проституток в общем так мало развиты ум и половое чувство, то весьма понятно, что у них с особенной силой дает себя знать голод – самый сильный инстинкт их живой натуры. В этом отношении они напоминают детей в том возрасте, когда еще не начиналось их духовное и половое развитие и когда вся жизнь их сводится исключительно к удовлетворению потребностей желудка. Известно, что и у идиотов умственная тупость связана обыкновенно с большею или меньшею прожорливостью.

Среди проституток пьянство распространено в большей или меньшей степени, смотря по индивидуальности. Пьянствовать они начинают в большинстве случаев очень рано и скоро, благодаря алкоголю, доходят до известного состояния умственного отупения, при котором остается тщетной всякая попытка к их исправлению. Мать нравственно помешанной семьи, описанной Legrain'ом, бывшая проституткой, только о том и думала, как бы лакомиться и пьянствовать; протитуированная дочь ее точно так же была пьяницей и напивалась уже чуть ли не с десяти лет. Содержательницы домов терпимости постоянно заявляют, что доходы их были бы гораздо больше, если бы проститутки не были так прожорливы. П. Тарновская также указывает на распространенность пьянства среди проституток. По ее делению их на различные

¹¹⁵ Более чем 50 тысячами воров (*фр.*).

категории, оно наблюдается в 78 % «*insouciantes*»¹¹⁶, 64 % – «*obtuses*»¹¹⁷, 62 % – «*impudiques*»¹¹⁸ и в 60 % – «*hystériques*»¹¹⁹.

Марго при своих исследованиях проституток отметил следующие случаи. Одна девушка из порядочной, достойной семьи, обнаружившая чуть ли не с пеленок страсть к спиртным напиткам, добровольно оставила семью и сделалась проституткой. Другая привыкла пить крепкие напитки чуть ли не с двухлетнего возраста, а третья, покинувшая для разврата свою семью, после того как муж ее попал в тюрьму, будучи еще совсем маленькой девочкой, выпивала еженедельно по 7 литров водки. Одна проститутка сама признавалась, что превратилась в животное благодаря своему беспросыпному пьянству.

16. Страсть к играм. Страсть к играм у проституток в общем не так развита, как у преступников. Тем не менее в публичных домах картежная игра является одним из главных развлечений обитательниц их. Parent-Duchatelet говорит, что среди них также очень распространена игра в лото. В Монте-Карло играет постоянно масса кокоток, которые отличаются, как известно, своею смелостью и упорством.

17. Тщеславие. Характерным является тщеславие проституток, наблюдающееся у них во всех видах и выступающее тем сильнее, чем испорченнее субъекты. Древнегреческие гетеры постоянно мечтали о том, чтобы связать свое имя с какой-нибудь комедией. Поэтому среди них особенным вниманием пользовались драматические писатели, которым содержание метресс обходилось далеко не так дорого, как прочим смертным. Так, Гликера писала уехавшему в Египет Менандру: «Только непременно поставь там комедию, в которой я выведена в первом действии; если я не могу сопровождать тебя в твоей поездке в Египет, то пусть я все-таки стану известной при дворе Птолемеев».

Когда Александр Великий разрушил Фивы, Фрина, урожденная фивянка, выразила желание восстановить их за свой счет с условием, чтобы на городских воротах была повешена доска со следующей надписью: «Город Фивы, разрушенный Александром и восстановленный Фриной». Таис в одном письме к Евтимеду называет себя по мудрости равной Аристотелю.

Маркиза Pompadour считала себя в политике выше Richelieu, а в стратегии – Louvois. Она мечтала о бессмертии, и ее отступление от традиционной антиавстрийской государственной политики, которым она думала обессмертить свое имя в истории французского королевства, было для него очень губительно. Но не только выдающиеся, а даже самые обыкновенные проститутки заражены сплошь да рядом гордостью и смотрят постоянно свысока на своих ближайших товарок. «В Париже, – говорит Carlier, – бедные проститутки называют своих элегантных и шикарно одетых соперниц презрительным именем „*rapache*“, а эти в свою очередь платят им кличкой „*pieuvre*“. Некоторые кокотки серьезно считают себя благородными дамами на том основании, что они очень ленивы и ненавидят всякий труд. Такими чертами выражается, по их мнению, истинно благородное происхождение. Проститутка, продающая себя за 5 франков, считает для себя кровной обидой, если соперница во время ссоры назовет ее „*femme d'un franc*“».

Maxime du Camp рассказывает следующий случай. В полицию явилась однажды одна молодая красивая девушка 20 лет с просьбой выдать ей билет на право заниматься проституцией. Чиновник, тронутый ее молодостью и красотой, захотел спасти ее от ужасной жизни падшей женщины и предложил ей свое посредничество и ходатайство для поступления в одну скромную женскую общину, которая легко могла найти ей подходящее место. Молодая девушка была возмущена таким предложением. «Место служанки? – дерзко проговорила она. –

¹¹⁶ Беззаботных (фр.).

¹¹⁷ Тупых (фр.).

¹¹⁸ Бесстыдных (фр.).

¹¹⁹ Истеричных (фр.).

Благодарю вас: в нашем семействе, слава Богу, пока еще никто не служил!» Гр. Л. Н. Толстой предложил однажды одной проститутке место кухарки, но та отказалась под предлогом, что она не умеет готовить. «Но я, – говорит Толстой, – по лицу ее очень хорошо видел, что она просто не хочет взять этого места, так как должность кухарки казалась ей, должно быть, слишком недостойной». Из этих и подобных примеров достаточно видны тщеславие и гордость проституток, у которых эти качества являются ближайшими последствиями их лени. Но проститутки все-таки обыкновенно уступают в этом отношении преступницам, у которых чванство и самодовольство часто доходят просто до смешных размеров.

18. Бездельничанье. Любимейшим удовольствием проститутки является бездельничанье. Скука ей незнакома, и она проводит целые дни, лежа на постели или кушетке, не двигаясь с места, не шевеля ни одним пальцем и не чувствуя при этом никакой тягости от подобной инертности, которая для всякой нормальной женщины несноснее самого тяжелого труда. Зато все проститутки смертельно ненавидят всякий труд, и это отвращение к нему и является главным мотивом их падения и проституции; сюда присоединяется еще, кроме того, их жадность ко всякого рода развлечениям, кутежам и оргиям, каковая черта у них общая с настоящими преступниками. Точно так же и Parent-Duchatelet полагает, что лень является одной из главных причин проституции: многие молодые девушки, не желая трудиться и стремясь вести жизнь, полную удовольствий и развлечений, не хотят, однако, искать службы или какой-нибудь работы и часто теряют даже, благодаря своей склонности к такого рода жизни, ту службу, которую они занимали раньше. Лень проституток вошла даже в поговорку. Они проводят целые дни в *dolce far niente*, и в те часы, когда они не заняты своим печальным ремеслом, они предаются абсолютному бездельничанью. Проститутки более или менее высокого пошиба встают обыкновенно очень поздно, купаются, поют, едят, танцуют, валяются на постели или диване и, если погода хорошая, идут гулять. Другие сидят в кофейнях или перед дверьми своей квартиры, едят, пьют и болтают в компании окружающих их субъектов. Работой, именно: вышиванием, шитьем или деланием цветов – занимаются только весьма немногие из них, именно те, которые несколько обучены этому; еще меньше среди них встречается таких, которые проводили бы время в чтении или занимались бы музыкой.

По словам Maxime du Camp, в полицейских участках Парижа можно более пятисот раз в году слышать следующий разговор:

- Не хотите ли переменить свой образ жизни?
- Нет.
- Быть может, вы желаете вернуться на родину?
- Нет.
- Значит, вы хотите быть записанной в число проституток?
- Нет, я ничего не хочу.

П. Тарновская в следующих словах описывает класс проституток, которых она называет «*obtuses*»: крайняя апатия, безразличное отношение к окружающему, лень и полная неохота менять раз принятое положение тела весьма характерны для этих потерянных женщин. Они презируют всякий труд; ничего не делать, ни о чем не думать, прозябать в полном покое, избегая всяких движений, – их нормальное состояние; пить, есть и спать – их единственные радости в жизни. Некая Е. В., девица легкого поведения, на вопрос, не чувствует ли она себя несчастной, что избрала разврат средством к существованию, заявила, что счастлива при мысли, что стала проституткой, так как она может жить, ничего не делая. Тарновская говорит, что почти все проститутки, которых она наблюдала, пробовали сперва работать, но потом очень скоро теряли всякую охоту к труду, бросали его и кончали развратом. При этом она отмечает у них рядом с полной неспособностью к продолжительной, правильной деятельности какую-то потребность в беспокойной суете и шумных оргиях. Того же мнения и Parent-Duchatelet. «Почти у всех этих несчастных, – говорит он, – существует нечто вроде потребности посто-

янно двигаться и бросаться туда и сюда, благодаря чему они решительно неспособны оставаться спокойно на каком-нибудь месте и обходиться без шума и возни. Это можно наблюдать повсюду, куда только они ни являются: в больницах, в тюрьмах, даже в приютах, убежищах для раскаявшихся грешниц; везде их болтливость и шумная неподвижность одинаково трудно поддаются описанию».

«Большую частью, – замечает Тарновская, – они любят возбуждающие удовольствия, многолюдные собрания, шум и всякое беспокойство; замечательна их падкость на разного рода зрелища и желание пользоваться всяким случаем, чтобы порисоваться публично своими прелестями».

Потребность в такого рода шумной подвижности сказывается у подобных натур прежде всего в стремлении посещать различные собрания и балы, которые и являются для многих ближайшей причиной их падения. Из-за желания потанцевать на балу молодые девушки убегают из дома или из мастерских, где они работают, и завязывают знакомства с мужчинами, которым они впоследствии и отдаются. Carlier говорит, что проститутки, попадающие из диких и безобразных загородных притонов разврата в благоустроенные и приличные дома терпимости центральных частей города, испытывают по временам потребность «*de se retremper dans la vie de barrière*», т. е. покутить, потанцевать и вообще побезобразничать в дешевеньких ресторанах и кофейнях предместий. Описанная склонность их переходить от полного покоя к необузданной подвижности является существенным признаком вырождения и напоминает дикарей, которые от абсолютного покоя любят вдруг переходить к шумным и диким оргиям, какими являются, например, их танцы.

У кокоток высшего полета страсть к оргиям часто бывает связана с безумными тратами. Одна, например, обливает за ужином себя и своих гостей шампанским, другая закуривает папиросу банковыми ассигнациями, третья просто находит удовольствие в том, чтоб разрушать дорогие подарки своих поклонников. Подобную черту характера описал и Zola у своей Nana. Склонность эта очень напоминает страсть маленьких детей ломать все, что ни попадает им в руки, и объясняется в конце концов удовольствием, какое скрывается в применении, хоть и бестолковом, собственных сил.

19. Ветреность, легкомыслие, нерасчетливость. Подвижность проституток точно так же, как их лень, вошла в поговорку. Parent сообщает, что неоднократные попытки подчинить их контролю, сделанные во Франции в начале нынешнего столетия, оставались без результата, благодаря тому что они постоянно меняют свои жилища и то живут на свободе, то в домах терпимости, так что какой бы то ни был надзор за ними становится в высшей степени затруднительным. Результатом этого явился закон, запрещающий проституткам оставлять публичный дом ранее 25 дней пребывания в нем. Мы знаем, что и в Древних Афинах воспрещалось обитательницам диктериад оставлять свои места жительства без разрешения правительства. Уже в те отдаленные времена был, очевидно, труден надзор за подобными субъектами благодаря их склонности к постоянным перекочевываниям с места на место, если для этого понадобились такие меры, тем более что тогда заполнение девушками домов терпимости не могло совершаться так легко, как в наши дни. Carlier говорит, что проститутки, зная, что их контракты с содержателями публичных домов недействительны на суде, широко пользуются этим и постоянно перекочевывают из одного дома терпимости в другой, так что состав обитательниц их почти ежемесячно меняется.

Проститутки, которых Тарновская причисляет к категории «*insouciables*», отличаются, по ее словам, «необыкновенной подвижностью, болтливостью и таким живым темпераментом, что при самом ничтожном поводе они переходят от смеха к плачу и наоборот. Главнейшей чертой характера их является полная неспособность сосредоточиваться на чем-нибудь и отсутствие выдержки во всех их начинаниях». «Трудно представить себе, – замечает Parent, – ветреность и поверхностность проституток: почти невозможно заставить их сосредоточиться на чем-нибудь

и следить за ходом мыслей; малейший пустяк отвлекает их внимание». Du Camp справедливо полагает, что «в каждой проститутке прежде всего бросается в глаза ее апатия и равнодушие ко всему окружающему, а затем ее ветреность и непостоянство мыслей». Совершенно права была, по его мнению, та из них, которая охарактеризовала себя словами: «Je suis papillon». Легкомысленность и непостоянство этих падших созданий обуславливаются у них слабостью высшей черты психического развития человека, именно внимания, которое бывает нарушено при всех формах вырождения. Такой легкомысленности соответствует и полная нерасчетливость проституток. В жизни очень часто встречаешь кокоток, которым удалось собрать известное состояние благодаря своей ловкости и уму и которые растрачивают его на всевозможные пустяки, совершенно не думая о том, как непродолжителен источник их доходов – красота. Публичные женщины низшего разбора еще менее задумываются о своей тяжелой будущности. Вот почему так редки даже среди наиболее ловких и счастливых из них случаи наживы и обеспечения на старости лет. Лучшим доказательством этого может служить знаменитая куртизанка Cora Pearl, через руки которой прошли миллионы и которая должна была писать на старости лет свои мемуары, чтобы иметь чем существовать. В Париже много лет тому назад несколько филантропов задумали устроить дом призрения для проституток, которые должны были с этой целью делать небольшие еженедельные взносы. Дом этот должен был служить проституткам убежищем на старости лет и во время болезни. Но эта благородная затея филантропов не могла быть осуществлена, так как она не встретила сочувствия со стороны самих проституток, из числа которых только весьма небольшая часть согласилась делать взносы.

Подобно тому как Zola рисует Nana, так точно описывают характер проституток все исследователи проституции, как Parent-Duchatelet, Carlier, Lecour, Тарновская и другие. «Большинство проституток не обладает необходимой энергией для того, чтобы думать о своем будущем»¹²⁰. «Будущность не существует для них, или они, по крайней мере, нисколько не заботятся о ней»¹²¹. Даже те счастливицы, которым удастся выйти замуж, нередко возвращаются к своему прежнему образу жизни и кончают свои дни в нищете, в больнице или тюрьме.

20. Лживость. Проститутки, подобно преступникам, обнаруживают неотразимую склонность ко лжи даже в тех случаях, где для этого у них нет ни основания, ни цели. Carlier усматривает в этой черте характера их профессиональный признак и в доказательство своих слов сообщает следующую историю. Некая Х. была зарегистрирована в списки проституток под именем своей кузины, документы которой она похитила и предъявила полиции. По прошествии некоторого времени ее разыскивали родные, желавшие отдать причитавшуюся ей часть наследства. Полиция, заподозрив ее настоящее имя, пригласила ее в участок для удостоверения ее личности, но она на допросе отказалась от своего имени и осталась при том, которым назвалась. Тогда родные заявили, что доказательством того, что она не та, за кого выдает себя, может служить известный физический признак, имеющийся у нее на теле. При осмотре ее признак этот действительно был найден, но она продолжала упорствовать в своей лжи, несмотря на все увещания и обещания полиции не разглашать того, что она занимается проституцией. Пробовали пригрозить ей, что она лишится наследства, если будет продолжать упорствовать. Ничего не помогало. Тогда наконец при помощи многочисленных документов было неоспоримо выяснено ее настоящее имя и она была заключена в тюрьму как проживавшая под чужим именем. Но и здесь она продолжала настаивать на справедливости своих прежних показаний, пока наконец не решились прибегнуть к последнему средству, именно к вызову ее родных и к очной ставке с ними. Только лишь увидев своего брата, она бросилась к нему на шею, заплакала и созналась во всем. Своей упорной лжи она не могла объяснить иначе, как только словами: «Я не хотела сказать этого».

¹²⁰ Carlier.

¹²¹ Тарновская.

Д-р de Sanctis на основании наблюдения 28 проституток констатирует у них удивительную аналогию с истеро-эпилептическими больными в том отношении, что они так же систематически лгут, как эти последние, и что ложь вырабатывается у них в прочную, не основанную на необходимости привычку (*mendacium systematicum*). Равным образом и Тарновская нашла у проституток органическое тяготение ко лжи преимущественно у тех, у которых имеются налицо признаки истерии (категория «*hystériques*»), которые, стало быть, – как она объясняет, – бессознательно стремятся выразить свои мысли и чувства только приблизительно, неточно.

С другой стороны, лживость проституток отчасти объясняется их социальным положением, равно как и сознанием ими того взгляда, какой существует на них в обществе. Им приходится постоянно в жизни бояться чего-нибудь: родительской власти, полиции, суда – и таким образом в них постепенно вырабатывается привычка лгать при самых обыденных обстоятельствах.

21. Эквивалент врожденной проституции у высших классов населения. Статистика показывает, что проститутки рекрутируются преимущественно среди беднейших классов населения, и таблица Parent-Duchatelet относительно побудительных причин проституции очень поучительна. Мы помещаем ее ниже с оговоркой, что, по нашему мнению, причины эти в большинстве случаев только мнимые, кажущиеся; истинный же корень проституции кроется, как мы думаем, только в индивидуальном вырождении.

Очевидно, что лица категорий 1 и 6–9 настоящей таблицы принадлежат к беднейшим классам населения и составляют, вместе взятые, большинство – именно 3839 из 6183. Goncourt также отмечает, что все выдающиеся кокетки прошлого столетия происходили из низших слоев общества.

Побудительные причины проституции	У парижанок	У жительниц больших городов	У жительниц маленьких городов	У жительниц деревень	У иностранок	Всего
1. Бедность и крайняя нищета	570	405	182	222	62	1441
2. Потеря родителей, изгнание из родительского дома, беспризорность	647	201	157	211	39	1255
3. Желание содержать слабых и больных родителей	37	–	–	–	–	37
4. Желание воспитывать своих младших братьев, сестер, племянников и т. д.	29	–	–	–	–	29
5. Желание овдовевших или покинутых своими любовниками женщин воспитать многочисленную семью, оставшуюся у них на руках	23	–	–	–	–	23
6. Приезд в Париж с целью устроиться и найти средства к существованию	–	187	29	64	–	280
7. Приезд в Париж в качестве содержанок военных, купцов, студентов и других и оставление любовниками	–	185	75	97	47	404
8. Обольщение служанок их господами и потеря мест вслед за тем	123	97	29	40	–	289
9. Оставление любовниками после более или менее продолжительной связи с ними	559	314	180	302	70	1425
Итого	1988	1389	652	936	218	5183

Не отрицая значения нищеты и беспризорности как факторов, весьма сильно влияющих на контингент случайных проституток, мы должны заметить, что врожденная проституция встречается не только в низших классах населения, но имеет свой эквивалент и в высших слоях его. Проститутке-пролетариатке, живущей в доме терпимости, соответствует в аристократии неисправимая распутница и нарушительница супружеской верности. Было бы наивно думать, что настоящие блудницы живут только в публичных домах. Вот пример врожденной проституции, происходящей из богатой, знатной фамилии.

Р. происходила из дегенерированной семьи (мать душевнобольная, а отец эксцентрик) и уже в раннем детстве обнаруживала большую нравственную испорченность. В 14 лет она пыталась убежать из родительского дома с одним поклонником своим, а год спустя скрылась с другим, за которого и вышла замуж. Хотя муж достался ей, видно, ценою такого риска и стольких жертв, он далеко не был конечною целью ее желаний, ибо спустя всего несколько месяцев после свадьбы она завела уже целую серию любовников и с несколькими из них находилась даже в связи одновременно. Это очень холодная, нечувственная натура, а любовникам удается расшевелить ее лишь после больших усилий. Она очень охотно проделывает с ними *masturbatio manualis* и *buccalis*, так как – по собственному выражению – «лучше чувствует при этом мужчину». Эти мерзости доставляют ей особенно большое удовольствие, когда она совершает их в таких местах, где она может легко пойматься, например в ложе театра, в экипаже во время прогулки, в садовой беседке или, наконец, у себя в будуаре во время бала. К детям своим относится неодинаково: то она с ними чересчур нежна, то позволяет себе в их присутствии самые непристойные вещи. В течение нескольких часов или даже минут она от истинного раскаяния в совершенном поступке переходит к еще большим безобразиям. Так, например, однажды она говорила своему любовнику, которого принимала по случаю недавнего выкидыша у себя в спальне, что перенесенная ею болезнь повлияла на нее облагораживающим образом и что отныне она хочет прекратить прежнюю жизнь и исправиться. Говоря это, она пыталась в то же время мастурбировать его и час спустя совершила с другим своим любовником *masturbatio buccalis*. Будучи по природе недоброй, она находила особенное удовольствие в том, чтобы натравлять одного своего любовника на другого, если они оба встретятся у нее в доме. Она читает много романов и в них черпает материал для своих сентиментальных и романтических сцен, которым она сообщает грубый, чисто животный характер. Однажды, расставаясь с одним из своих любовников, она крикнула ему на прощание: «Смотри же, приходи ко мне так часто, как захочешь, как к обыкновенной проститутке». Такие и подобные сцены она охотно устраивает своим любовникам даже на улицах, не обращая ни малейшего внимания на то, насколько это компрометирует ее и их. Страсть ко лжи в этой женщине была развита так сильно, что она лгала на каждом шагу, большею частью совершенно без всякого основания, даже бессознательно и никогда не была в состоянии повторить еще раз то, что она рассказывала раньше. Она выдумывала вещи, не имевшие для нее решительно никакого значения: ни прямого, ни косвенного, и признавалась, что, если бы муж или кто иной застиг ее на месте преступления в нарушении супружеской верности, она все-таки отрицала бы свою вину, «ибо, – рассуждала она, – мое отрицание имело бы в глазах света ровно такое же значение, как и его утверждение».

Масе приводит в пример жену одного богатого и высокопоставленного лица, происшедшую из очень почтенной семьи. Особа эта наняла две меблированные комнаты в другой части города и там принимала тайно друзей своего мужа и даже незнакомых ей мужчин. Со своих любовников она денег не брала, напротив, часто даже сама делала им подарки, для чего неоднократно обкрадывала своего мужа при помощи подобранного к его кассе ключа.

Вот еще один случай. Один богатый господин был женат на бедной девушке, происшедшей из очень простой семьи. Но, несмотря на ее прекрасное, даже завидное положение, она испытывала, по-видимому, тоску по той грязи, в которой родилась и в которой жила до выхода замуж. Молодая женщина попросила у мужа позволение съездить домой и там шлялась во время карнавала в костюме простой служанки по всем балам, вступая, подобно обыкновенной проститутке, в интимные связи с мужчинами. Затем она снялась в очень откровенном, сильно декольтированном костюме и позволила выставить свою карточку в витрине. Ко всем просьбам и увещаниям родных мужа вести себя приличнее и не делать скандалов она оставалась глуха. Почувствовав себя беременной, она пригласила врача и, несмотря на то что совсем не знала его, обещала отдаться ему, если он вызовет у нее аборт. Здесь мы точно так же имеем

дело с нравственно помешанной, врожденной проституткой, которая не попала в дом терпимости только благодаря особенно сложившимся обстоятельствам, но которая попадет в него не сегодня завтра. Если до этого дело и не дойдет, она все-таки представляет собой типичную проститутку.

Между старой, истасканной проституткой, живущей развратом своей дочери, и великосветской дамой, которая выдает свою дочь замуж за своего последнего любовника, чтобы таким путем удержать его около себя, существенной разницы нет. Типичный пример подобной матери вывели братья Гонсourt'ы в своем романе «Renée Mauperin» – и такие экземпляры далеко не редкость среди развращенной аристократии. Я напому здесь только о принцессе R., родственной самым знатым дамам Франции и Италии, о распутстве и половых эксцессах которой мы уже говорили выше. Родись она в бедной семье, из нее вышла бы обыкновенная проститутка, между тем как, благодаря своему высокому положению, она легко могла скрыть большую часть своих безнравственных преступлений. А разве не заслуживают названия проституток те женщины, которые обзаводятся любовниками для того, чтобы они оплачивали все их прихоти и капризы (подобный пример выведен Bourget в его романе «Mensonges») – или же отдаются начальникам своих мужей с целью составить последним карьеру? Все эти женщины при других условиях стали бы проститутками, уличными потаскухами или элегантными кокетками – смотря по своей ловкости, красоте или уму.

Самое блестящее описание подобных врожденных проституток дал Balsac в лице выведенной им m-me Mameffe. «Г-жа Mameffe, – говорит он, – принадлежала к числу тех тщеславных замужних кокоток, которые предаются при первом удобном случае самому грубому разврату со всеми его последствиями и которые готовы извлечь выгоду из всего, совершенно не задумываясь над средствами, какими должно быть это достигнуто. Эти Macchiavelli в юбках самые опасные и безнравственные из всех испорченных парижанок».

То же самое следует сказать и о тех великосветских дамах, которые во времена Второй империи связывали политику с любовными интригами и, благодаря своим интимным отношениям с выдающимися государственными деятелями, распоряжались должностями, почестями и нередко и государственными тайнами. Да и сама маркиза Pompadour, при менее счастливых обстоятельствах и не будь она так умна, была бы не регентшей Франции, а обыкновенной проституткой!

22. Проституция и преступность. Теперь займемся рассмотрением спорного вопроса о той связи, которая существует между проституцией и преступностью.

Тождество преступника и проститутки в анатомическом и психологическом отношениях настолько полно, насколько это возможно: оба они идентичны с нравственно помешанными, а потому равны между собою. Как у одного, так и у другого мы находим те же самые дефекты нравственного чувства, ту же бессердечность и рано появляющуюся склонность ко злу, то же равнодушие к общественному мнению, благодаря которому один легко мирится с положением преступника, а другая – проститутки; наконец, одинаковую нерасчетливость, легкомысленность и лень, равно как одинаковое же тщеславие и страсть к шумным развлечениям, кутежам и оргиям. Проституция есть, стало быть, не более как известная форма выражения женской преступности, вместе с которой она представляет два аналогичных, параллельных явления, сливающихся друг с другом. Среди проституток необыкновенно распространены сравнительно легкие преступления, как воровство, вымогательство и нанесение телесных повреждений. С психологической точки зрения проститутка та же преступница, и если она не совершает преступления, то причина этого – ее физическая слабость и ограниченное умственное развитие, а еще более то обстоятельство, что в разврате она имеет средство для удовлетворения всех своих желаний и потому по закону затрат наименьшей энергии предпочитает именно это средство другим. Итак, проституция есть специфическая форма женской преступности. Настоящие преступницы, совершившие более или менее тяжелые преступления, представляя собою всегда

крупные аномалии в том или другом отношении, отличаются необыкновенной нравственной извращенностью, далеко превосходящею мужчин, и с биологической точки зрения обладают чисто мужскими характерами – словом, на них нужно смотреть скорее как на исключения из среды женщин. Таким образом, подтверждается наш взгляд, что истинную женскую преступность нужно видеть именно в проституции. Теперь нам станет понятным, почему среди проституток преобладают именно легкие, незначительные преступления. Будучи по своей природе преступницами, они идут по общему для всех преступников пути, но только до известных, так сказать, пределов: за этими пределами их преступность начинает выражаться уже в особой специфической форме, в проституции. Мы знали многих девушек, которые в детстве были воровками, а выросши, перестали воровать и сделались проститутками.

С другой стороны, высказанному нами только что взгляду на проституцию нисколько не противоречит и тот факт, что проститутки лишь очень редко совершают преступления, опасные с социальной точки зрения. Напротив, функция их в известном смысле даже полезна для общества, так как они служат как бы предохранительным клапаном для чувственности мужчин, а стало быть, и средством предупреждения преступлений. Мы знаем, что и преступник может в известные моменты превращаться в героя или, по крайней мере, казаться таковым, но он остается тем не менее преступником.

Основываясь на данных самой тонкой психической структуры, совершенно тождественной у преступников и проституток (кроме, конечно, отличий полового характера, который вполне соответствует нормальной разнице между обоими полами), мы еще раз подтверждаем, что преступления и проституция суть выражения мужской и женской преступности, причем мы совершенно не касаемся различного социального значения обоих этих явлений. Имея в виду именно последнее, мы далеки поэтому от мысли требовать искоренения проституции при помощи таких же суровых мер, как и преступления.

Случайные проститутки

Не все проститутки – нравственно помешанные субъекты; иначе говоря, не у всех у них разврат является пороком врожденным. Многие из них становятся проститутками только лишь благодаря случайно сложившимся обстоятельствам.

1. Антропологические данные. Мы уже раньше показали, что значительная часть, почти 43 % проституток не имеет никаких или весьма мало дегенеративных признаков и что в 53 % их не наблюдается никаких отклонений в менструациях в смысле слишком раннего или позднего появления их. Далее, нами было также выяснено, что 45 % проституток не страдает бесплодием, 16 % их обладает нормальными рефлексам и 39 % – нормальной чувствительностью к болевым раздражениям.

2. Психологические данные. Случайные проститутки значительно более отличаются от нормальных женщин, чем случайные преступницы. Между тем как эти последние, особенно воровки, стоят ближе к нормальным женщинам, чем к врожденным преступницам, случайные проститутки, напротив, более приближаются к врожденным проституткам, чем к типу нормальных женщин. Поэтому у них всегда можно доказать, хотя и не в такой интенсивной степени, наличие различных порочных наклонностей и других ненормальных психологических особенностей.

П. Тарновская сообщает об одной девушке, которая случайно сделалась проституткой, благодаря тому обстоятельству, что она очутилась одна в чужом, незнакомом ей городе. Приехав туда и не найдя на станции тех друзей, которые должны были ее встретить, она была в большом горе, не зная, куда деться. К ней подошла какая-то пожилая дама и, узнав, в чем дело, предложила ей тут же выгодное место горничной в одном очень богатом доме. Молодая девушка с радостью согласилась и пошла за старухой, которая привела ее в дом терпимости. Прожив в нем три месяца, молодая девушка забеременела. За это время она познакомилась с одним господином, который полюбил ее, выкупил из публичного дома и поместил в деревне, обставив ее и ребенка даже роскошью. Однако она недолго прожила в этой обстановке. В один прекрасный день она возвратилась в дом терпимости и снова сделалась проституткой. Время от времени она наезжала в деревню, чтобы повидать своего горячо любимого ребенка.

Аналогичный случай наблюдала Grandpré. В нем дело идет о девушке, которую родной отец толкнул на путь разврата. Это была не только неиспорченная, но даже благородная натура с возвышенными порывами. При этом характер у нее был странный и в высшей степени капризный: то она бывала весела и до крайности шаловлива, то, напротив, мрачна до отчаяния и из одного настроения переходила в другое внезапно, в одно мгновение. Ей стал противен образ жизни проститутки, который она вела, и, чтобы заглушить свои угрызения совести, она начала кутить и устраивать оргии. «Я не создана, – говорила она, – для подобной жизни; когда я подумаю только, до чего я дошла, меня берет ужас, и я пою, танцую, кучу, лишь бы забыться, иначе я наложу на себя руки». Один раз она действительно пыталась покончить с собой и сделала это так же внезапно, под влиянием минуты, как это обыкновенно делают женщины, страдающие истерией и эпилепсией. Чуть ли не каждый день она решала бросить прежнюю жизнь и начать новую, но... напрасно: «Я бы очень желала этого, но теперь... это невозможно». Минуту спустя после этого скорбного признания, сделанного г-же Grandpré со слезами на глазах, она, как ни в чем не бывало, уже бегала и резвилась среди прочих своих товарок по заключению.

У Maxime'a du Camp'a мы находим описание одной проститутки, представлявшей собою редкое сочетание порока и добродетели. Уже в 14 лет она была арестована за приставание на улицах к мужчинам и объяснила в полиции, что ей ничего более не оставалось, как сделаться проституткой, потому что никакой работы она не знает, а родная мать выгнала ее из дому. Впоследствии она имела дочь, которую нежно любила, но ребенок умер у нее на руках в одну

холодную ночь почти от голода. Отчаяние ее не знало границ... Вторично арестованная полицией, она обратилась к тюремному инспектору с трогательным письмом, в котором, между прочим, писала: «Примите во внимание, что мать моя посылала меня в дом подкидышей, а малютка моя умерла вследствие лишений у меня на руках. Я обращаюсь к вашей сострадательности...». Выпущенная на свободу, она познакомилась с честным мастеровым, который вскоре женился на ней, полюбив ее за ее доброе сердце. Но она недолго жила с ним: при первой же нужде, какую пришлось ей испытать, она бросила его и вернулась к прежней жизни, к которой слишком привыкла. Она была опять арестована и сдана на руки мужу, который явился за ней в полицию. Идя с ним домой, она вырвалась от него и скрылась в бесчисленных закоулках обширного полицейского двора. Эта женщина представляет собою пример, где порочность взяла верх над хорошими качествами души; при ее любви к детям из нее вышла бы честная и счастливая мать.

Лескур сообщает другой случай такого же противоречивого совмещения в одном и том же лице добрых и дурных качеств души, именно отвращения к собственному образу жизни и неспособности в то же время переменить его. Девушка, о которой здесь идет речь, была подвержена пьянству и нередко бывала за это арестуема. Однажды она написала письмо инспектору, в котором было сказано, между прочим, следующее: «Я так сильно страдаю... горе мое делает меня почти сумасшедшей. Уверяю вас, что я не имею в виду никаких злых намерений против правительства; с меня довольно и того, что я занята мыслью о том, как бы уничтожить самое себя...».

Grandpré наблюдала в больнице при Сен-Лазарской тюрьме девушку, которая, задумав исправиться и бросить постыдное ремесло проститутки, бежала из Парижа в провинцию и прошла пешком около ста миль. Она поступила на должность в одном небольшом городе в гостиницу, но какой-то проезжий узнал ее и рассказал хозяину о ее прошлом. Молодая девушка потеряла место и, очутившись снова на улице, опять бросилась в разврат и стала гораздо худшей проституткой, чем была прежде.

«Одна молодая девушка, – сообщает опять Лескур, – которую мать ее отказалась содержать и у которой от фабричной работы развилась гипертрофия сердца, очутилась в безвыходном положении. Не будучи в состоянии работать благодаря своей болезни, она явилась в полицию с просьбой, чтобы ее зарегистрировали в списки проституток. „Работать, – говорила она, – я по болезни не могу и не нуждаюсь ни в чьем совете, ни в благотворительной помощи; я прошу только одного: записать меня в списки проституток“. В ее гордом отказе от чужой помощи и в твердости принятого ею решения кроется известный недостаток чувства стыдливости и некоторая ненормальность ее, но тяготение ко злу в ней не так сильно выражено, чтобы она решилась на него без особенной надобности».

Категория публичных женщин, официально называется парижской полицией «*insoumises*», состоит главным образом из случайных проституток. Grandpré описывает их в следующих словах: «Они образуют свой отдельный мир среди этого рода погибших женщин и из 100 подобных несчастных можно было бы, наверное, спасти 80, если бы только на это были средства. В большинстве случаев они еще очень молоды и не успели еще огрубеть и закоснеть в пороках. Нищета, беспризорность, тщеславие или детское легкомыслие – вот что чаще всего приводит их в Сен-Лазарскую тюрьму. Многие из них возвращаются к своим родным, которые разыскивают их; другие стараются при помощи тамошних сестер милосердия поступить в какое-нибудь благотворительное убежище, но немало и таких, которые возвращаются к проституции и остаются уже на всю жизнь проститутками».

Тарновская при описании русских проституток выделяет особый класс их, достигающий почти 14 % общего числа, под названием «*insouciantes*». У представительниц этой категории редко наблюдается какая-либо невропатическая наследственность, кроме алкоголизма отца, и сравнительно у них очень мало дегенеративных признаков. По словам ее, они отлича-

ются обыкновенно болтливостью, впечатлительностью и непоследовательностью своих мыслей и поступков: то они плачут, то смеются над каким-нибудь пустяком, и переход от слез к смеху и наоборот у них необыкновенно легок и скор. Они невзыскательны, рассказывают первому встречному самые интимные и компрометирующие подробности из своей жизни и тотчас же обо всем забывают, едва успев окончить свой рассказ. Главная черта их характера – это довольное, вечно веселое расположение духа. Их легко уговорить взяться за какую-нибудь работу, но они очень быстро теряют к ней охоту. Можно сказать, что они живут только для настоящей минуты – будущее для них как бы совсем не существует. Они каются в своих поступках, искренно сожалеют о них, но при всем том не могут заставить себя поступать иначе. Характерно то, что они не в состоянии пожертвовать ни малейшим удовольствием настоящей минуты для какой-нибудь выгоды в будущем – словом, они представляют собою смесь специфических особенностей характера женщины и ребенка, но в увеличенном и, так сказать, карикатурном виде.

Итак, почти у всякой случайной проститутки мы находим легкомысленность, ветреность, непостоянство и нерасчетливость врожденной проститутки, то есть такое же вырождение личности, но в меньшей степени. Равным образом и чувство стыдливости у них притуплено сравнительно с нормальными женщинами, хотя оно и никогда не отсутствует совершенно. Случайные проститутки отличаются от врожденных главным образом тем, что они не любят, подобно им, зла для зла и не предаются пороку из одной лишь любви к нему: для того чтобы пасть, им нужна случайность, больший или меньший соблазн, смотря по степени их ненормальной конституции. Нравственное чувство хотя и ослаблено у них, но далеко не в столь значительной степени, как у врожденных проституток. Их образ жизни внушает им отвращение, но их стремления редко настолько энергичны, чтобы им удалось переменить его. Без этих несчастных случаев, являющихся ближайшими причинами их падения, они были бы обыкновенными, легкомысленными, необдуманно женщинами, каких много во всех слоях общества, особенно в высших, – женщинами, которые, несмотря на свою любовь к детям и к окружающим, легко завязывают разного рода интриги, особенно любовные. Правда, потом они искренно раскаиваются в них, но при первом же удобном случае повторяют то же самое. Одним словом, это были бы поверхностные натуры с притупленным умственным развитием и ослабленным нравственным чувством, но далеко не столь испорченные и вредные для общества, как те нравственно помешанные женщины, у которых есть какое-то особое тяготение и извращенный вкус ко всему дурному и порочному.

Подобный взгляд на случайных проституток подтверждается наблюдениями, которые Grandpré сделала над парижскими незарегистрированными проститутками (*filles insoumises*). «Не все случайные проститутки Парижа, – говорит она, – попадают в St.-Lazare. К числу таковых принадлежат многие женщины, оскверняющие под видом честных жен свой дом прелюбодеянием; девицы, обманывающие бдительность своих матерей, равно как и элегантные дамы, так или иначе продающие за деньги свои ласки».

3. Материнство и материнская любовь. В то время как врожденные проститутки не становятся матерями ни в психическом, ни в физическом смысле этого слова, среди случайных проституток немало таких, которые очень нежно любят своих детей. Carlier пишет, что среди них материнство пользуется большим почетом. «Нередко, – говорит он, – можно наблюдать у них порывы искренней радости при первых симптомах, указывающих на начало беременности, которой они не ожидали, но в которой убеждаются с восторгом. Они тогда делают все возможное, чтобы ничто не угрожало их беременности, а многие даже оставляют свой прежний образ жизни, несмотря на то что попадают, благодаря этому, в очень тяжелые материальные условия. Разрешившись от бремени, они становятся самыми нежными матерями, и заботливость их доходит до того, что они не позволяют себе в присутствии своих детей ничего непристойного, даже в том случае, когда дети эти находятся еще в пеленках».

Одна проститутка, близко знакомая со знаменитой М. V., совратительницей в разврат несовершеннолетних, никогда не позволяла ей посещать свою дочь: материнский инстинкт подсказывал ей об опасности для последней подобных посещений. Другая проститутка употребляла часть своих ежемесячных заработков на то, чтобы воспитывать свою дочь в одном из иногородних пансионов, и говорила, что она лишила бы себя жизни, если бы дочь ее узнала, какого рода жизнь она ведет. Многие из этих несчастных женщин утешают себя надеждой, что дети их, особенно дочери, будут вести честный образ жизни. Кроме материнской любви у них легко подметить и любовь к родным и окружающим, и Carlier наблюдал многочисленные примеры, где женщины становились проститутками с единственной целью иметь средства для содержания своих престарелых родителей или для того, чтобы дать воспитание своим сестрам, братьям и оставшимся без отца детям. Точно так же и Parent-Duchatelet нашел, что из 5183 проституток 37 вступили на путь разврата с целью поддержать своих престарелых родителей, 23 – с целью воспитать многочисленную семью, а 29 – для того, чтобы вывести в люди сестер, братьев или племянников. В общем, стало быть, подобные мотивы проституции наблюдались в 1,7 % случаев.

Таким образом, и эти факты подкрепляют сделанное нами раньше замечание о том, что у случайных проституток в их физической организации и в области нравственного чувства наблюдается меньше аномалий, чем у врожденных. Последние, лишённые всякого материнского чувства, становятся обыкновенно матерями против воли своей, и то только тогда, когда они исчерпают все средства прервать свою беременность и вызвать у себя выкидыш.

4. Чувство чести и угрызения совести. Факт, что случайные проститутки не столь уродливы в нравственном отношении и не столь цинично бесстыдны, как врожденные, сам по себе указывает уже на то, что женщины эти начали торговать своим телом только лишь благодаря особому стечению обстоятельств, которым не могла противостоять их более или менее шаткая добродетель. По этому поводу Parent-Duchatelet замечает: «Даже между самыми бесстыдными и отчаянными проститутками находится немало таких, которые стараются скрыть во что бы то ни стало свое позорное ремесло. С этой целью они одеваются по возможности скромно и на улицах держатся в высшей степени прилично. Больше всего они боятся встречи с людьми, которые знали их еще честными женщинами. Я видел однажды одну проститутку, которая серьезно заболела после такой встречи...». Несчастные эти не могут не понимать унижения и позора, которыми они себя покрывают. Они презирают свое ремесло, постоянно оплакивают свое падение и вечно строят планы и даже делают попытки переменить свой образ жизни, но – увы! – напрасно. Мы встречаемся здесь с угрызениями совести, характерными для случайных преступников, возмущающихся окружающей их грязью, к которой они еще не успели привыкнуть и которую они от всей души ненавидят, в то время как врожденные преступники, напротив, рисуются и хвастают ею. Parent-Duchatelet рассказывает, как сильно были изумлены некоторые проститутки, когда одна кормилица, арестованная и посаженная вместе с ними в тюрьму, обращалась с ними ласково и просто, несмотря на то что сама была честной женой и матерью. «Но она обращается с нами так, как будто бы мы были порядочные женщины», – удивлялись они. Подобные же наблюдения сделал и Carlier. «В компании своих товарок, – говорит он, – и в обществе своих сутенеров подобные проститутки стараются перешеголять друг друга в цинизме и бесстыдстве. Но, будучи одни, многие из них держатся робко. Когда они охотятся за мужчинами, то стараются обратить на себя внимание блеском или роскошью своего наряда и относятся совершенно равнодушно к тому, что о них говорят, но если им приходится случайно встретиться с людьми, которые знали их честными и неиспорченными, они краснеют и стараются спрятаться от них. Вблизи своих домов они держатся по возможности приличнее и настолько чувствительны к знакам презрения со стороны своих соседей, что только из-за этого меняют очень часто свои квартиры. Все эти неясные и слабые угрызения совести проститутки стараются заглушить в себе при помощи алкоголя, табака и шумных кутежей. К последним

питают пристрастие все они, но мотивы, побуждающие их к этому, различны, смотря по той категории, к которой каждая из них принадлежит».

Lecourt, Carlier, Parent-Duchatelet и Толстой подметили, что многие случайные проститутки напиваются пьяными исключительно с целью потопить свое горе в вине и забыться. Мы уже раньше упоминали о цитируемой Grandpré девушке, которая, по ее словам, кутила и пьянствовала с целью заглушить в себе мысли о самоубийстве. У случайных проституток страсть к вину и к оргиям является, как и потеря стыдливости, пороком приобретенным, между тем как у врожденных проституток их бесстыдство и наслаждение пороком суть врожденные черты характера. Случайные проститутки часто даже терпеть не могут крепких напитков, но прибегают к ним для того, чтобы, как сказано, забыться, или же в силу подражания дурным примерам окружающих.

5. Чувство стыдливости никогда не отсутствует совершенно у случайных проституток, но постоянно проявляется у них при всяком случае. Оно у них притупляется благодаря образу жизни, который они ведут, или же привычке, которая вырабатывается, например, у женщин, служащих натурщицами для художников. Один из учеников Inger'a сообщил нам следующий интересный случай. Одна молодая натурщица совершенно спокойно позировала голая перед 50 учениками школы, но, заметив вдруг, что ее с соседней крыши наблюдает через окно какой-то кровельщик, она испуганно вскрикнула и стыдливо начала быстро одеваться.

Carlier рассказывает, что многие проститутки стараются при врачебно-полицейских осмотрах попасть к одному и тому же врачу, для чего являются постоянно в известное время, когда принимает именно этот врач. При внезапных ночных осмотрах публичных домов проститутки, застигнутые в постели с мужчинами, стыдливо закрываются одеялом, между тем как, будучи одни, они нисколько не стесняются своей наготы в присутствии посторонних мужчин. Один сифилидолог рассказывал нам, что его госпитальные пациентки делали инстинктивные движения прикрыться всякий раз, когда он входил к ним при визитации в своем обыкновенном костюме, а не в рабочем сюртуке, в котором они привыкли его постоянно видеть.

6. Случайные причины проституции: а) потеря невинности. Многие девушки нравственно падают и становятся проститутками, соблазненные обещанием жениться на них или же лишенные невинности каким-нибудь иным образом, например путем изнасилования. Пока они еще девственны, их удерживает от рокового шага страх пред неизвестным, но раз они уже лишены невинности, у них является сознание, что все потеряно, что утерянной чести никаким способом вернуть нельзя, и они невольно стараются извлечь как можно больше выгод из своего несчастного положения. Таким образом, решающим моментом является здесь не тяготение к разврату, а простой случай.

Marro отмечает следующие причины падения многих женщин, сделавшихся случайными проститутками. Одна из них была изнасилована своим хозяином, заведшим ее в трактир, другая – одним господином, к которому она обратилась с просьбой дать ей какое-нибудь место. В других случаях первый шаг к падению был сделан самими девушками, давшими увлечь себя своим любовникам и убежавшими с ними из родительского дома. Покинутые затем ими, они не могли найти другого исхода из своего положения, как сделаться проститутками. Одна из подобных жертв рассказывала про себя следующее: «Дома за мной очень строго следили. Однажды вечером к нам зашел мой жених, чтобы отправиться со мной в театр. Но вместо театра он привел меня в совершенно другое место. Пригласительные билеты на мою свадьбу были тогда уже готовы, но в дело вмешались посторонние – и все пошло прахом». Другая девушка, очень любившая балы, отправилась на один такой бал против воли матери своей, и, когда она вернулась домой, последняя выгнала ее вон на улицу. Тут случайно встретил ее жених, который увел ее с собою, – и в результате явилось ее падение. Третья девушка жила у своего дяди, который неоднократно делал попытки изнасиловать ее. Однажды, спасаясь от него, она убежала к

одному знакомому, которому и отдалась. Наконец, в девяти остальных случаях девушки явились жертвами своих женихов, обещавших жениться на них и затем обманувших их.

Мы видим, стало быть, что у женщин этого рода не честь хранит их девственность, а наоборот – последняя охраняет честь их и что, не будь того или другого несчастного стечения обстоятельств, они остались бы, наверное, честными и нравственными. Магго совершенно прав, говоря, что потеря девственности имеет для женщины огромное психологическое значение. Все ее существование нарушено, раз завеса, скрывавшая от нее неизвестное, так грубо порвана. В таком случае многие девушки с не очень стойким нравственным чувством, видя себя совершенно скомпрометированными в глазах общества, решаются откинуть и последний остаток стыдливости и бросаются в объятия порока.

б) Обман и изнасилование. Многие случайные проститутки являются жертвами торговли живым товаром, существующей, к стыду нашей цивилизации, еще во многих местах. Обыкновенно их увозит какой-нибудь мнимый агент далеко от родины под видом доставления им хороших мест, причем они попадают большей частью в дома терпимости. Там пускаются в ход все средства, чтобы побороть их сопротивление: роскошные туалеты, обещания, угрозы, наконец, опьяняющие и одуряющие напитки. К сожалению, редкие из этих жертв оказываются настолько энергичными, как одна девушка, которая, по словам Grandpré, с ножом в руках требовала, чтобы ее выпустили, и грозила убить всякого, кто осмелится приблизиться к ней; большинство же из них, видя невозможность спастись из своей темницы, в конце концов примиряются со своим новым положением и постепенно привыкают к разврату. Мария L., 14 лет, служила в булочной. Она была завлечена и продана в дом терпимости каким-то субъектом, обещавшим доставить ей очень выгодное место. Хозяин этого заведения в свою очередь продал ее в другой публичный дом, и, таким образом, одна, без знакомых и родных, она была жертвой своих эксплуататоров в течение полутора лет, переходя из одного дома терпимости в другой. Когда она находилась в Женеве, слух о ней достиг одного местного филантропа, который заинтересовался судьбой ее и разыскал ее в одном из тамошних притонов разврата. Молодая девушка бросилась пред ним на колени, умоляя спасти ее и освободить из этого дома. Но это особенно счастливый, исключительный случай: обыкновенно ожидаемый спаситель не является, крепкие напитки, к которым жертва прибегает с целью утешиться и забыться, скоро притупляют ее нравственное чувство – и случайная проститутка постепенно превращается в привычную продажную женщину.

П. Тарновская сообщает несколько случаев невольной, принудительной проституции, где молодых девушек обманом завлекали в притоны разврата, лишали их там невинности и потом насильно заставляли отдаваться мужчинам. Некоторые из этих несчастных женщин заболевали и умирали от горя. Подобными случаями и объясняется, вероятно, сравнительно значительная смертность проституток в молодом возрасте – смертность, на которую указывают и другие врачи, как, например, Parent-Duchatelet.

Известная часть женщин становится, стало быть, случайными проститутками, попадая в дома терпимости, куда, как сказано, доставляют их агенты по торговле живым товаром. К сожалению, наши уголовные законы слишком слабы еще, чтобы успешно бороться с подобным злом. Об этом очень убедительно свидетельствуют ужасные документы, которые можно найти у Guillot, Fiaux и отчасти у Taxil'я.

в) Нищета и дурные примеры. К числу случайных причин проституции принадлежат, далее, нищета, влияние дурных примеров со стороны окружающих и, наконец, совращение в разврат родителями своих собственных детей. Taxil доказал, что в Париже масса матерей знакомят своих еще совсем юных дочерей со всеми тонкостями разврата и затем посылают их на улицы продавать себя под видом торговли цветами (*filles de fleurs*). Только этим и возможно объяснить тот факт, что в некоторых больших городах, как, например, в Неаполе, приезжий не может шагу сделать на улице без того, чтобы его со всех сторон не осаждали предложения

молодых женщин, несовершеннолетних девочек и даже мальчиков. По словам бр. Goncourt, в XVIII столетии простой народ в Париже был так развращен богатой и испорченной аристократией, что воспитание дочерей сводилось во многих семьях исключительно к подготовке их к проституции. Sighele в своем труде *La corripia criminale* специально рассматривает огромное влияние дурных примеров семьи на развитие проституции. Grandpré сообщает следующий факт: «В тюрьме St.-Lazare находилась в заключении одна 14-летняя девушка, очень красивая, но и очень испорченная. В раннем детстве, благодаря дурным примерам своих родителей, она познакомилась со всевозможными пороками и осталась, несмотря на свой природный ум, совершенно неразвитой, не получив никакого ни религиозного, ни нравственного воспитания. В тюрьме она понравилась всем своим кротким характером, и тамошние сестры приняли в ней большое участие: они научили ее читать и писать, внушили ей охоту к труду, объяснили ей всю порочность ее прежнего поведения и преподали ей много наставлений для будущей жизни».

Для женщины со слабо развитой стыдливостью, находящейся притом в нужде, проституция является слишком удобным средством выхода из затруднительного положения для того, чтобы она не воспользовалась им. Конечно, Faucher совершенно прав, говоря, что честная женщина предпочтет скорей умереть, чем сделаться проституткой, но точно с таким же правом можно сказать, что слабая женщина, впадшая благодаря нищете в разврат, осталась бы честной, если бы обстоятельства ее жизни сложились для нее иначе и она могла бы жить, ни в чем не нуждаясь. Именно к этой категории проституток и принадлежат те женщины, которые, не находя в разврате и кутежах никакой прелести, методически занимаются тем не менее своим позорным ремеслом проституток так же, как другим каким-нибудь занятием, ведя даже подробнейшую запись своих доходов. Очевидно, чувство стыдливости у них ослаблено, ибо без этого они не смотрели бы на проституцию как на обыкновенное занятие. Но так как эта потеря стыдливости не сопровождается у них другими признаками нравственного помешательства, то ее следует рассматривать не как выражение врожденной дегенерации, а как явление приобретенное. Lescouг сообщает, что одна проститутка подала прошение в полицию, прося вычеркнуть ее из списков, причем мотивировала свою просьбу следующим объяснением: «Мой муж ремесленник. Перед свадьбой мы решили с ним собрать известную сумму денег для того, чтобы иметь чем устроиться. С этой целью я стала с его согласия проституткой, а он начал больше работать. Теперь мы поженились и хотим устроиться. Будьте уверены, что я не буду больше себя продавать». Другая при регистрации рассказала, что жених позволил ей заняться проституцией, и добавила: «Когда мы соберем немного денег, то поженимся». Carlier описывает особый тип проституток, сильно трудящихся физически, работниц, торгующих притом еще собою, чтобы иметь лишний заработок. «Эти женщины, – говорит он, – ведут во всем остальном примерный образ жизни, так что их соседки и товарки по работам и не подозревают даже, что они живут по желтым билетам. Боясь, чтобы не узнали их тайны, они избегают дома всего, что так или иначе может их скомпрометировать, и соблюдают самым аккуратным образом все полицейские предписания. Вечером, окончив свои работы, они отправляются в отдаленные от их квартиры части города, продают себя там и возвращаются домой к 11 часам ночи, точно с вечерних занятий». Причиной проституции во всех этих случаях является нищета или жадность, – и подобные женщины, имея они миллионы, не стали бы, конечно, торговать собой, но жили бы все-таки нищими, для того чтобы собрать еще больше денег. Сюда же относятся цитируемые Carlier случаи, в которых педантическая точность проституток, записывающих аккуратнейшим образом каждый заработанный ими развратом рубль, так резко противоречит их обыкновенной беспечности и беспорядочности. Одна подобная продажная женщина, например, для записывания своих доходов завела настоящую конторскую книгу, где, между прочим, имелась следующая графа: «Доход от мужчин за текущий год».

Итак, во всех перечисленных примерах мы встречаемся не с болезненным влечением к асоциальному образу жизни, а со спокойно обдуманном выбором наиболее доходного заня-

тия. У подобных женщин стыдливость во всяком случае притуплена даже тогда, когда они, благодаря счастливо сложившимся для них обстоятельствам, остаются честными матерями и женами.

Преступность женщины

I. Преступность самок в царстве животных

122

1. Преступления по страсти. Припадки бешенства. Самки-воительницы муравьев породы *Formica rubifarbis* приходят часто в такую ярость, что набрасываются и кусают других самок, личинок и рабынь, которые стараются их успокоить, крепко держа до тех пор, пока не пройдет их припадок бешенства.

Leuret рассказывает, что одна муравьиная самка убила и сожрала травяную вошь (*Aphidius*), рассерженная ее сопротивлением.

Наблюдали, что в жаркое время года муравьи из породы *fusca*, разгневанные медлительностью своих рабов, на обязанности которых лежит их питание, сжимали головы последних между своими челюстями до тех пор, пока не лишали их жизни. Проступок этот считался, вероятно, у муравьев таким же легким, каким было некогда в глазах римской матроны убийство рабыни, но так как он причиняет некоторый вред всему муравейнику, лишая его известной рабочей силы, и противен обычаям его, то в законодательстве их поступок такой не мог бы не считаться все-таки преступлением.

Cornevin рассказывает про одну кобылу, обыкновенно спокойную, которая во время течки становилась очень дикой и неукротимой. Однажды она в таком состоянии ему чуть не сломала руки.

Huzard-младший также упоминает про одну кобылу, бешенство которой проявлялось время от времени. В промежутках это было очень спокойное и кроткое животное, но всякий раз она становилась неукротимой во время полового возбуждения, длившегося часто один или два дня.

2. Разбой и грабеж. Buchner в своей книге «*Seelenleben der Thiere*» рассказывает о хищных пчелах, которые, не желая трудиться, нападают массами на хорошо устроенные ульи, богато снабженные запасами, убивают стражу и обитателей их и опустошают эти ульи, унося с собой находимый в них корм. Повторяя часто такие нашествия, оканчивающиеся всегда с большим или меньшим успехом, пчелы эти привыкают жить грабежом и насилием так же, как привыкает к ним человек, и, собираясь все в большие и большие отряды, образуют в конце концов целые разбойничьи колонии. К такого рода жизни обнаруживают особенную склонность пчелы из породы *Sphecodes*, которые, по словам Marschal'я, представляют собою не что иное, как особый вид породы *Halyetes*, снабженные в недостаточной степени органами гнездобстроения, привыкшие к паразитическому и хищническому образу жизни и выработавшие у себя соответственно этому специальные органы и особые анатомические данные.

Таким образом, мы встречаемся здесь с настоящей врожденной преступностью некоторых женских индивидов животного царства, сопровождаемой образованием у них специальных анатомических особенностей.

Forel утверждает, что муравьи из породы *Formica execta* достают себе травяных вшей путем похищения и насилия, убивая при этом их защитников.

3. Канибализм. Муравьи разрывают на части трупы убитых ими врагов и высасывают из них кровь¹²³.

¹²² Brehm. *Leben der Thiere*, 1875; Pierquin. *Traité de la folie des animaux et de ses rapports avec celle de l'homme et des législations actuelles*. Paris, 1839; Houzeau. *Etudes sur des facultés mentales des animaux comparées à celles de l'homme*. Mons, 1882; Büchner. *Seelenleben der Thiere*, 1881; Romanes. *L'intelligence des animaux*. Paris, 1886.

¹²³ Lacassagne. *De la criminalité chez les animaux*. *Revue scientifique*, 1882.

Каннибализм очень часто идет рука об руку с истреблением потомства.

4. Ненависть, злость. Особый вид женской преступности проистекает из той ненависти, которую питают друг к другу индивиды одного и того же пола, что особенно замечается у высших животных.

Голубка очень завистлива по отношению к своим подругам и часто скрывает от них под своими крыльями пищу, в которой сама не имеет больше надобности.

Коза отличается врожденной привязанностью к человеку, при этом она очень самолюбива и чрезвычайно чувствительна к его ласкам. Если она видит, что хозяин ее любит, то становится, как и собака, ревнивой и постоянно лезет бодаться с теми козами, которых хозяин, по ее мнению, ей предпочитает¹²⁴. Козы очень трудно уживаются одна с другой – они постоянно дерутся¹²⁵.

Самки человекообразных обезьян, и особенно орангутанов, относятся друг к другу с инстинктивной враждебностью, дерутся и нередко даже убивают одна другую¹²⁶.

Женщина, как известно, становится часто под старость злой и эгоистичной. Подобно ей, и козы, по словам Brehm'a, делаются злыми, когда становятся старыми.

Одна ангорская кошка, бывшая всегда очень нежною матерью, сделалась на старости лет безобразной. Слуги начали небрежно и даже дурно обращаться с ней, и ее характер заметно испортился; она перестала кормить своих котят и одного из них даже сожрала.

5. Извращения полового инстинкта. Некоторые коровы делают попытки заменить в половом отношении быков, где число последних недостаточно.

В больших птичниках, при недостатке в петухах, обыкновенно одна из куриц берет на себя их роль¹²⁷. Особенно часто наблюдаются такие извращения полового инстинкта у гусей, уток, фазанов, у которых стареющие самки принимают и другие половые особенности самцов, как, например, в отношении оперения¹²⁸.

6. Алкоголизм. У муравьев, наркотизированных хлороформом, все тело парализовано, кроме челюстей, которыми они кусают все, что им попадает.

Buchner уверяет, что пчел можно искусственно сделать хищными, если кормить их смесью из меда и водки. Они, подобно человеку, быстро привыкают к этому напитку, который оказывает на них такое же губительное влияние, как и на него: будучи пьяны, они становятся возбужденными и перестают работать. Но так как голод принуждает их искать пищу, то они, подобно человеку, в таких случаях от одного порока переходят к другому и так же, как он, начинают прибегать к грабежу и насилиям.

Если коров кормить смесью из конопли и опиума, то они легко становятся буйными и опасными для окружающих¹²⁹.

7. Половые преступления. По Brehm'у, нарушение супружеской верности не составляет редкого явления среди птиц, причем со стороны самки оно наблюдается чаще, чем со стороны самца.

Некоторые голубки покидают своих голубей, как только они ранены или больны¹³⁰.

Vogt рассказывает следующий случай из жизни аистов. Парочка их гнездовалась в продолжение нескольких лет подряд на одном и том же месте в деревне близ Soletta. Однажды заметили, что, в то время как самец находился на охоте, к самке подлетал другой, более молодой самец и, видимо, начал за ней ухаживать. Самка вначале прогнала его, затем начала благо-

¹²⁴ Brehm. I.

¹²⁵ Lacassagne.

¹²⁶ Houzeau. II.

¹²⁷ Scarcey.

¹²⁸ Archivio di Psichiat., X. P. 56.

¹²⁹ Pierquin.

¹³⁰ Darwin.

склонней относиться к нему и, наконец, позволила ему обладать ею. После этого оба любовника полетели на то место, где самец охотился за лягушками, и заклевали его своими клювами¹³¹.

Самка одного африканского дикобраза, казавшаяся очень привязанной к нему, убила его, укусив в голову, так как он отказался от ее любовных ласк.

8. Преступления против материнства. Многие коровы, кобылы и суки относятся очень равнодушно к потере своих новорожденных, а некоторые из них регулярно покидают даже на произвол судьбы свое потомство¹³².

Одна курица, в числе цыплят которой некоторые были болезненны и уродливы, преспокойно покинула их и ушла со здоровыми прочь.

Некоторые суки кормят своих щенят только до известного возраста, а затем внезапно бросают их на произвол судьбы¹³³.

Кобылы, особенно по первому жеребью, часто упорно не подпускают к себе своего новорожденного жеребенка¹³⁴.

Истребление новорожденных – почти правило у некоторых животных, особенно у свиней; оно нередко и у кошек. Его наблюдали однажды и у одной голубки, которая из половой ревности заклевала своих птенчиков¹³⁵.

Довольно часто имеет место истребление детенышей вместе с каннибальством. Одна самка-ястреб жила в плену и вывела в своей клетке уже несколько поколений птенцов. Хотя она получала хороший корм, но хищный инстинкт был в ней так силен, что она однажды пожрала всех своих птенцов¹³⁶.

Самки кроликов нередко пожирают своих детенышей, а одна крыса, нора которой была разрушена, истребила в одну ночь всех своих крысят¹³⁷.

Часто эти истребительные наклонности связаны у животных с чрезвычайно сильным половым возбуждением и проявляются у них только во время течки.

Одна ангорская кошка, отличавшаяся плодовитостью и блудливостью, была очень нежной матерью, но всякий раз, когда она была беременна, в ней развивалось отвращение к своим котяткам: она била и кусала их, лишь только они подходили к ней.

Burdach и Marc сравнивали частоту беспричинного истребления новорожденных во время пуэрперального периода с разрушительными наклонностями, появляющимися у коров и кобыл, страдающих нимфоманией не только во время течки, но еще долгое время спустя. Суки нередко начинают воровать, когда кормят своих щенят. Интересное извращение материнского чувства наблюдается у самки фазана. К своим собственным птенцам она относится совершенно равнодушно, но охотно возится с птенцами других самок.

Куропатка так любит своих птенцов и так ревнует их, что часто из одной только ревности пожирает чужих птенцов¹³⁸.

Некоторые животные похищают чужих детенышей. Например, бесплодные кобылы и мулы похищают чужих жеребят, которые, однако, у них погибают от голода. Известен факт, что одна сука, энергично сопротивлявшаяся всяким попыткам к половым сношениям, похищала у других сук их щенят с целью удовлетворить своему материнскому инстинкту.

¹³¹ *Figuier*. Les oiseaux, 1877.

¹³² *Lacassagne*. Id.

¹³³ Id.

¹³⁴ Archivio d'Antropologia etc... *Mantegazza*. XI. P. 439.

¹³⁵ Arch. di Psich., XIV, кн. 1.

¹³⁶ *Brehm*.

¹³⁷ *Lombroso*. Uomo delinquente, I.

¹³⁸ *Lacassagne*. Id.

Но, в общем, самка совершает, по мнению Lacassagn'я¹³⁹, менее преступлений, нежели самец.

Очень развита преступность только у самок некоторых насекомых, именно у муравьев и пчел, но у них самки отличаются особенной смышленостью, а в половом отношении представляют собой, так сказать, третий пол.

Итак, в царстве животных только лишь среди ложных самок перепончатокрылых встречаются некоторые породы, живущие грабежом. Особи эти, напоминаящие собою врожденных преступниц, жили некогда честной жизнью, но благодаря преступной деятельности развили в себе специфические органы, назначенные служить им для этой деятельности, и лишились, напротив, органов, служащих для труда, например для собирания цветочной пыли.

II. Женская преступность у диких и примитивных народов

140

1. Табу. У диких народов женщина подлежит множеству странных и очевидно нелепых ограничений, которые основаны отчасти на эгоизме мужчины и нарушение которых женщиной рассматривается как преступление.

Многие из этих предписаний представляют собою так называемые «табу» океанских народов.

На островах Таити женщина не должна, например, прикасаться к оружию или к рыболовным снарядам мужчины; точно так же она не имеет права появляться в местах общественных сборищ и дотрагиваться до головы мужа или отца и до всех предметов, находившихся в соприкосновении с их головами. Ей запрещено также есть вместе с мужчинами.

На Маркизских островах женщине не позволено входить в лодку, так как считается, что она своим присутствием пугает рыб. Кроме того, ей не разрешены в еду некоторые лучшие блюда, как, например, кокосовые орехи, цыплята и, в особенности, свинина.

На острове Рапа все мужчины считались для женщин священными, и потому последние должны были кормить их, вкладывая им пищу в рот.

В Новой Зеландии женщины не должны дотрагиваться до пищи даже своих мужей, братьев и сыновей¹⁴¹.

В Новой Каледонии женщина при встрече с мужчиной обязана уступить ему дорогу и может жить только в изолированном помещении.

На Филиппинских островах женщина не должна приближаться к тем местам, где мужчины занимаются татуировкой, ибо там предполагают, что вследствие этого «глаза ее могут стать маленькими».

В Китае женщина не имеет права есть вместе с мужчинами, а в Бирме – входить в некоторые храмы и в места судилищ.

У древних иудеев женщине под страхом смертной казни запрещалось надевать мужское платье.

Жены кафров не должны прикасаться к тем быкам, выращиванием которых старательно заняты их мужья, доить коров и входить в cotta, то есть то место, где собираются мужские члены семейства.

¹³⁹ Op. cit.

¹⁴⁰ *Letourneau*. La Sociologie d'après l'ethnologie. Paris, 1874; *Id.* L'évolution de la morale. Paris, 1888; *Girard-Telon*. Les origines de la famille; *Hovelaque*. Les débuts de l'humanité. Paris, 1881; *Bertillon*. Les races sauvages. Paris, 1882; *Lubbock*. The origin of civilization and the primitive condition of man, 1875; *Rudesindo Salvado*. Memorie storiche sull' Australia. Roma, 1851; *Ploss*. Das Weib in der Natur und Volkerkunde. Leipzig, 1891; *Richet*. L'homme et l'intelligence. Paris, 1884; *Icard*. La femme pendant la période menstruelle. Paris, 1890; *Durour*. Histoire de la prostitution, 1860; *Lombroso*. Uomo delinquente, I, IV.

¹⁴¹ *Moreenhout*. Путешествие на острова Великого Океана, I, 32.

В Древнем Риме употребление женщиной вина наказывалось смертной казнью; такое же наказание было для женщин туземцев Парагвая и готтентотов за пьянство и чрезмерное обжорство.

У племени фанти (в Африке) женщине, подслушавшей тайны своего мужа, обрезали уши, а разгласившей их – губы.

Особенно много ограничений налагалось на женщин во время менструации. В Зенд-Авесте считалось всякое месячное очищение, длившееся более девяти дней, делом нечистой силы, для изгнания которой женщину били до крови. Moreau de la Sarthe утверждает, что негры, как и туземцы Америки и жители островов Южного океана, запирают своих жен в отдельное, специально для того назначенное помещение на все время, пока у них длится менструация. У индейцев Иллинойса и у жителей Ориноко женщина, скрывшая свою менструацию, наказывалась смертной казнью. Бразилианки, по словам Gardane'a, подвергаются во время регул стольким стеснениям, что для предупреждения появления их они делают себе на ногах глубокие насечки или прикладывают к ним сильные нарывные пластыри. Коран считает нечистой женщину в течение семи дней до наступления и по окончании менструации и запрещает ей иметь в это время всякое общение с мужчиной.

У иудеев¹⁴² женщина во время месячного очищения должна была жить отдельно от мужчин в течение семи дней, и тот, кто прикасался в это время к ее домашней утвари или же к ее кровати, становился нечистым до вечера. На восьмой день она относил священнику двух голубей, после него считалась очищенной от греха.

По Талмуду, из ребенка, зачатого матерью в период этой нечистоты, должен был непременно вырасти впоследствии дурной человек. Такой ребенок назывался «mamzer beridah», что у евреев считалось величайшим бранным словом.

Такое отвращение к женщине внушало мужчинам знакомство на опыте с теми дурными последствиями, какие происходили для здоровья от полового сношения с ней во время менструации. Особенно строго соблюдалось такое половое воздержание у некоторых народов, не отличавшихся, впрочем, особенной чистотой и опрятностью, ввиду тех заразных болезней, которые причиняются нередко гнойными выделениями из женских половых органов. Все приведенные случаи подтверждают гипотезу Marzolo, что происхождение стыда должно искать прежде всего в стремлении скрывать некоторые последствия менструаций (pudor от слова putere).

2. Нарушение супружеской верности. Другим тяжелым преступлением считается у дикарей нарушение супружеской верности.

Но почти у всех примитивных народов прелюбодеяние замужней женщины рассматривается как нарушение ею не законов целомудрия, но прав мужчины, каким, например, является пользование чужой лошадью без разрешения ее хозяина. Доказательством служит то, что те же мужья, которые одалживают своих жен другим, не задумываясь, убивают их, как только убедятся в их супружеской неверности.

Так, например, тасманийцы и другие племена, живущие в Австралии, одалживают на время, нанимают и даже дарят своих жен, но лишают их жизни, если только они сами, без их разрешения, кому-нибудь отдадутся.

То же самое наблюдается и в Новой Каледонии; только здесь, в Каннале, подобное преступление наказывается не самим мужем, а советом из старейших мужчин.

По законам готтентотов муж имеет право убить свою жену, если она будет уличена в супружеской неверности, последовавшей без его разрешения. В Габуне, где каждый мужчина

¹⁴² Книга Левит, 9.

имеет одну главную жену и несколько второстепенных, наказывается супружеская неверность первой – смертью, а вторых – более легким наказанием¹⁴³.

В Дагомее неверная жена после суда над ней подвергалась смертной казни задушением. У племени ниям-нияма муж в подобных случаях также имел право убить свою жену. Что же касается ашантеев, то у них закон предоставлял мужу право или продать свою неверную жену в рабство, или отрезать ей нос, или, наконец, лишить ее жизни. В Абиссинии же, напротив, хотя муж также может по закону распоряжаться жизнью своей неверной жены, но распущенность так велика, что он редко пользуется своим правом¹⁴⁴.

Во всей Полинезии супружеская неверность жены, происшедшая без ведома мужа, наказывается смертной казнью¹⁴⁵.

Эскимосы вообще, кроме редких исключений, мало обращают внимания на супружескую неверность своих жен. Краснокожие же в таких случаях обыкновенно убивают их, за исключением, конечно, тех случаев, когда обманутый муж войдет в добровольное соглашение с любовником своей жены. У модоков неверной жене распарывают обыкновенно живот, а у караибов и гуарани ее наказывают вместе с ее любовником, как воров, смертной казнью¹⁴⁶.

Такой же казни подвергались некогда неверные жены в древней Мексике и Перу, а в настоящее время – жены племени пипите, живущего в Сальвадоре. В Гватемале, напротив, подобные дела всегда оканчиваются миролюбиво, и там обманутый муж почти всегда прощает свою виновную жену, заслуживая этим даже общее одобрение. В Парагвае прелюбодеяние наказывается только тогда, когда оно совершено с мужчиной другого племени.

3. Выкидыши и детоубийство. Детоубийство и выкидыши чрезвычайно распространены у диких народов в силу потребности регулировать число членов семейства и общества относительно средств пропитания. Обыкновенно инициатором и исполнителем этого рода преступлений является мужчина, сама же женщина берет на себя исполнение их только в особенных случаях и при известных условиях.

Поводом к ним чаще всего служит ревность и культ красоты. У абипонов в Парагвае женщины убивают нередко своих детей, так как, пока длится кормление их, они не могут иметь половых сношений со своими мужьями, которых ревнуют к другим женщинам¹⁴⁷.

По аббату Gili, индианки, живущие по берегам Ориноко, делают себе выкидыши, так как частые роды, по их мнению, уничтожают красоту. Другие же, напротив, думают, что благодаря им красота сохраняется, и потому у них одни роды следуют за другими.

Schomburgk полагает, что причиной частых аборт в Британской Гвиане являются чрезвычайно тяжелый труд тамошних женщин и их тщеславие.

Chardin рассказывает, что персианки производят себе выкидыши с целью удержать своих мужей от ухаживания во время их беременности за другими женщинами.

В Новой Каледонии, на островах Таити и в Гаване женщины abortируют для того, чтобы дольше сохранить свою красоту¹⁴⁸, а тасманийки делают себе выкидыши, по свидетельству Bonwick'a, главным образом во время первой беременности¹⁴⁹.

Римские дамы прибегали некогда к вытравлению плода, боясь лишиться своей красоты (Freidländer), а на Востоке женщины еще и в настоящее время смотрят на аборт как на средство предупредить расторжение брака¹⁵⁰.

¹⁴³ Du Chaillu.

¹⁴⁴ Demeunier.

¹⁴⁵ Letourneau.

¹⁴⁶ D'Orbigny.

¹⁴⁷ Ploss. Das Weib etc. Leipzig, 1891.

¹⁴⁸ Ploss.

¹⁴⁹ Bonwick. Daily Life of the Tasmanian, 1876.

¹⁵⁰ Ploss.

В некоторых случаях женщину наталкивает на выкидыш тяжелый труд, который она несет, так как ей иначе угрожает бремя материнства. Поэтому аборт были распространены у туземок обеих Америк во время испанского господства¹⁵¹.

Многие австралийки, рассказывает Grant, на вопрос, почему они убивают своих детей, благодушно отвечали: «Чтобы не иметь с ними возни, ухаживая за ними»¹⁵².

В Дорезене, где женщина вполне рабски подчинена своему мужу и завалена работой, она обыкновенно отказывается иметь больше двух детей и abortирует во все последующие беременности¹⁵³.

В некоторых случаях мотивом выкидышей являлся разврат.

На островах Отаити существовал мистически-развратный союз «Ареою», в котором женщины считались общественной собственностью и где они участвовали в самых разнузданных оргиях. Они без стыда сознавались в вытравливании плода, объясняя это желанием не прерывать своих празднеств¹⁵⁴.

Наконец, особенно частой причиной детоубийства являются нищета и недостаток средств к пропитанию.

На острове Формозе женщине воспрещается иметь детей ранее 36-летнего возраста.

Для этого там существует особый класс жриц, которые искусно вызывают у женщин аборт ударами по животу¹⁵⁵.

Как сообщает Tuck, у племени маори женщины abortируют по 10–12 раз в своей жизни.

У многих племен Южной Америки существует обычай иметь только по два ребенка, поэтому остальные беременности прерываются здесь искусственно.

Женщины из племен кадоба и максима abortируют при всякой незаконной беременности¹⁵⁶.

Allan Webb сообщает, что нигде аборт не встречается так часто, как в Индии, где производством их специально занимаются многие женщины.

У кафиров в Центральной Азии жены имеют право вытравлять у себя плод даже тогда, когда мужа их на это не согласны¹⁵⁷.

На острове Кутче, к северу от Бомбея, вытравление плода очень распространено. Одна мать хвастала, что abortировала пять раз¹⁵⁸.

На Камчатке сама беременная заботится об избавлении себя от плода¹⁵⁹.

На всем Востоке, по причине безнаказанности abortов, нет вообще незаконных рождений. В Турции, особенно в Константинополе, в высших классах муж, имеющий уже двух детей, отправляет при каждой новой беременности свою жену к акушерке, чтобы та ей сделала выкидыш. Abortы так распространены здесь, что в одном лишь Константинополе ежегодное число их среди одних только турок доходит, по Ploss'у, до 4000, причем в 95 % они успешны. В 1875 году мать-султанша издала приказ делать выкидыш всякой женщине из гарема, раз она забеременеет¹⁶⁰.

4. Колдовство и одержимость нечистой силой. Колдовство и одержимость нечистой силой считались в Средних веках самыми тяжкими преступлениями женщин.

¹⁵¹ Ploss.

¹⁵² Balestrini. Aborto, infanticidio ed esposizione d'intante, 1888.

¹⁵³ Ploss.

¹⁵⁴ Balestrini.

¹⁵⁵ Girand-Telon.

¹⁵⁶ Smith и Ploss.

¹⁵⁷ Ploss. P. 456.

¹⁵⁸ Ploss.

¹⁵⁹ Balestrini.

¹⁶⁰ Ploss.

Хотя и древние верили в колдовство и ведьм, как об этом свидетельствуют Гораций, Люциан и Апулей, но только лишь в Средних веках, под влиянием христианства, начали смотреть на колдовство как на преступление.

В настоящее время никто, конечно, не сомневается в том, что под колдовством следует понимать не что иное, как истероэпилепсию.

Главным доказательством занятий колдовством считались признаки так называемого «дьявольского клейма», заключающиеся в том, что на известных местах кожи уколы не сопровождались ни болью, ни кровотечением. Теперь мы знаем, что тут дело идет о полосной нечувствительности кожи, столь характерной для истерии. Все авторы согласны в том, что число колдуний превышало число колдунов, так как, говорит Sprenger – автор «*Malleus maleficarum*», этой классической книги о преследовании колдуний, – «женщина более порочна, нежели мужчина. Из трех главных ее пороков: неверности, честолюбия и развратности, на один указывает самое название ее: *femina*, то есть *fide minor*».

Другим характерным признаком причастия к колдовству считалось, если обвиняемый начинал говорить на незнакомом языке. Здесь дело сводится к нередкому в истерии автоматическому воспроизведению прежних забытых впечатлений из сферы бессознательного. «Одержимые демоном, – замечает Ambroise Paré, – говорят на незнакомых им языках».

Монахини из Оксока, среди которых наблюдалась в 1652 году эпидемия истерии, говорили, по словам современников, на разных языках, а монахини из Лудона (1632) говорили, сами не зная этого, по-латыни и слышали на далеких расстояниях слова, произносимые тихим голосом. За это одни и другие были объявлены одержимыми нечистой силой.

В 1534 году в Риме, в одном женском приюте для сирот, у 80 молодых девушек появились одновременно конвульсии и болезненные представления. Во время припадков они говорили на разных языках, в чем современники усмотрели ясное доказательство того, что они одержимы бесом.

Подобные явления напоминают иногда так называемый перенос мыслей, телепатию. Так, например, шалонский епископ мысленно приказал одной одержимой, некой Parisot, прийти к нему для того, чтобы подвергнуться процессу изгнания дьявола. Parisot, несмотря на то что жила очень далеко от епископа, исполнила его приказание. В другой раз этот же епископ велел также мысленно другой монахине, Barthon, пойти в храм и преклонить колени перед распятием, что она в точности и исполнила.

В 1491 году монахини Камбре, одержимые бесом, отгадывали прошедшее и предсказывали будущее. В Нанте в 1549 году были сожжены семь находившихся в экстазе женщин, которые утверждали, что знают все, что случилось в городе во время их припадков.

Jeanne d'Arc (сожженная на костре как колдунья) предсказывала будущее; она говорила, что в битве ею руководит ангел. Заслуживает внимания то обстоятельство, что она никогда не имела менструаций, что на суде было истолковано совсем не в ее пользу.

Столь ужасные преследования колдуний отчасти были обязаны признанием самих же истеричек, которые под влиянием галлюцинаций, большею частью эротического характера, утверждали, что имели сношения с дьяволом, беременели от него и посещали шабаш ведьм.

Взгляд, будто дьявол, овладев девушкой, непременно ее насиловал, был причиной очень распространенного испытания в колдовстве, то есть исследования девственности у обвиняемых.

Jeanne Herviller, сожженная в 1578 году в Рибмонте, утверждала перед смертью, что она находилась в связи с дьяволом начиная с 12-летнего возраста, и когда он является в монастырь, то выбирает себе жертвы между самыми молодыми девочками.

Настоятельница Madleine из Кордовы, считавшаяся величайшей святой своего времени, благословения которой добивались сам Папа и король испанский, чуть не была сожжена живою

и едва не лишилась всех своих духовных отличий за то, что однажды вдруг объявила себя любовницей одного падшего ангела, с которым она будто находилась в связи в течение 13 лет.

В 1550 году почти все монахини монастыря в Ubertet'e после сорокадневного почти абсолютного поста сделались жертвами дьявола: начали богохульствовать, говорили всякие несообразности и в судорогах падали на землю, В 1609 году урсулинки в Э (Aix) объявили, что были околдованы и изнасилованы своим настоятелем, который был за это сожжен.

В Лотарингии одна женщина по имени Améree была привлечена к суду за то, что, околдовав одного ребенка, была причиной того, что он выпал из окна. Под пыткой она призналась, что находится в связи с дьяволом, изображение которого она даже указала в одном месте на стене, к великому ужасу судей, ничего, однако, не видевших.

Amoulett Defrasne из Валансьена обвинялась в том, что своим колдовством погубила многих женщин. Сперва она упорно отрицала свою вину, но потом под пыткой созналась, что действительно занималась колдовством и что дьявол явился ей 15 лет тому назад и с того времени сделался ее любовником.

Легенда о шабаше была также обязана своим происхождением эпидемии галлюцинаций, появлению которых благоприятствовали бывшие тогда в ходу среди женщин натирания белладонной и тому подобными сильнодействующими средствами, вызывавшими галлюцинации и известное состояние опьянения. На одной гравюре XVI столетия изображены две женщины, из которых одна натирается подобной волшебной мазью, в то время как другая поднимается верхом на метле из трубы¹⁶¹.

Если обвиняемая в колдовстве женщина не сознавалась в своем преступлении, то ее бросали в ужасную темницу, подвергали всевозможным пыткам и допросу, производившему на нее давление и действовавшему подобно внушению. Под влиянием всего этого она сознавалась прежде всего в посещениях шабаша ведьм, который и описывала самым подробным образом. Так, Françoise Sacretan, посаженная в тюрьму по подозрению в колдовстве, сперва упорно все отрицала, потом, однако, призналась, что находилась в связи с дьяволом, многократно посещала шабаш, куда отправлялась верхом на белой палке, участвовала в танцах, била по воде палкой, чтобы вызывать град, и отравила многих лиц данным ей дьяволом порошком¹⁶².

De Lancres, наиболее компетентный знаток колдовства в XVII столетии, пишет: «Обыкновенно женщины, посещающие шабаш, ведут хороводы; они бегут и скачут с распущенными, как у фурий, волосами, с обнаженными головами, совершенно голые, покрытые иногда мазью. Они ездят верхом на метле, скамье или ребенке».

Regnard следующим образом описывает галлюцинации насчет шабаша ведьм: «Шабаш происходит обыкновенно в кустарнике, на каком-нибудь кладбище или же в покинутом монастыре. Отправляясь на этот шабаш, колдунья должна была натереться мазью, данной ей дьяволом (белладонной), произнести несколько заколдованных слов и затем сесть верхом на метлу. Прибыв на место, ведьма прежде всего должна была показать, что на ней есть печать дьявола (Stigmata diaboli) в порядке, как это воспроизведено Teniers на одной из его картин. После этого она отправлялась на поклон к дьяволу, чудовищному существу с головой и ногами козла, с огромным хвостом и крыльями летучей мыши. При этом она отрекалась от Бога, Богородицы и святых, после чего уже над ней совершалось дьявольское крещение, представлявшее собой карикатуру католического крещения. После полуночи начинался ужин, состоявший из жаб, из мяса, печени и сердец некрещеных детей; за ним следовали отвратительные танцы, продолжавшиеся до первого пения петуха, при котором все собрание мгновенно разбегалось».

Обстоятельством, еще более способствовавшим распространению паники, был кантагиозно-заразительный характер подобных истерических эпидемий, что считалось, конечно,

¹⁶¹ Regnard. Les Sorcières. Bulletin de l'Association scientifique, 1882.

¹⁶² Richet.

делом ведьм. Так, эпидемии наблюдались в Эльзасе в 1511 году, в Кельне – в 1564-м, в Савойе – в 1574-м, в Тулузе – в 1577-м, в Лотарингии – в 1580-м, в Юре и в Бранденбурге – в 1590-м и, наконец, в Берне – в 1605 году.

Хотя колдовство было не что иное, как истерия или истероэпилепсия, но ни одно другое патологическое явление психического мира не поражало так сильно человеческое воображение. Особенно сильное впечатление производило удивительное обострение духовных способностей, столь часто наблюдаемое во время эпилептических припадков. «Нет теолога, – писал Boguet, – который мог бы толковать Священное Писание лучше этих колдуний, юриста – более их компетентного в духовных завещаниях, контрактах и всевозможных жалобах; наконец, нет врача, который лучше знал бы, чем они, строение человеческого тела, влияние на него неба, звезд, птиц, рыб и деревьев и пр. и пр. Они могут по произволу производить холод или тепло, останавливать течение рек, делать бесплодной землю, убивать скот и, особенно, околдовывать других людей и продавать их дьяволу».

Особенно боялись повивальных бабок, занимавшихся колдовством, так как они могли легко передавать во власть дьявола новорожденных. Жестокость мер, которые принимались для искоренения колдовства, лучше всего свидетельствует о том ужасе, какой оно внушало. В Тулузе сенат осудил в 1527 году на сожжение 400 колдуний. Da Lancie, президент парламента в Бордо, послал на костер в 1616 году множество женщин и жаловался на то, как это страшно, что в церкви лают по-собачьи более 40 женщин. Gray сообщает, что по постановлению парламента в Англии было сожжено одновременно более 3000 лиц, обвинявшихся в занятии колдовством. В 1610 году герцог Вюртембергский приказал магистратам предавать сожжению каждый вторник по 20–25, но отнюдь не меньше 15 колдуний. Во время Иоанна VI, курфюрста Трирского, ожесточение судей и народа против ведьм дошло до того, что в двух селениях остались в живых только две женщины.

Boguet хвастал, что он лично сжег в своей жизни более тысячи колдуний.

В Валери, в Савойе были сожжены в 1570 году 80 ведьм, в Лабурде в 1600 году в течение четырех месяцев – тоже 80, а в Лагроно в 1610 году – пять.

Лишь благодаря научному скептицизму XVIII столетия эти ужасные казни начинают понемногу утихать. Однако полное изгнание из цивилизованного мира веры в одержимость дьяволом произошло в начале нынешнего столетия благодаря незабвенному Pinel'ю.

5. Отравления. Особенно частым преступлением в криминологии женщины является отравление.

Цезарь рассказывает, что у галлов был обычай: когда кто-нибудь из них умирал, сжигали вместе с ним и всех его жен, если только являлось малейшее подозрение о неестественной смерти его. Эта простая процедура была обязана своим происхождением частым отравлениям.

В Китае существует особый класс колдуний, называемый «ми-фукау», которые обладают секретом отправлять втихомолку на тот свет людей и имеют обширную клиентуру, главным образом среди замужних женщин¹⁶³.

В Аравии приготовлением, равно как и торговлей различными ядами, исключительно занимаются женщины.

В консульстве Клавдия Марцелла и Тита Валерия в Риме был открыт заговор 170 патрицианок, которые отравлениями произвели среди женатых мужчин такое опустошение, что его можно было приписать эпидемии¹⁶⁴. Вакханки представляли собою женщин, предававшихся разврату и другим порокам и совершавших, как известно, массу преступлений.

Римские писатели, оставившие нам имена Капидии, Локусты и других подобных женщин, ясно указывают на то, что знание ядов считалось специальностью женщин. Ювенал гово-

¹⁶³ Katscher. Bilder aus dem chinesischen Leben, 1881.

¹⁶⁴ Тут Ливий. Кн. VIII.

рит в своих сатирах об отравлении мужей как об обыкновенной вещи среди римской аристократии.

В Египте во времена Птолмеев эпидемически распространялись среди женщин нарушения супружеской верности и отравления¹⁶⁵.

В Персии официальной женой шаха становится та женщина, от которой родится его первый сын. Поэтому там очень распространено отравление новорожденных завидующими друг другу соперницами¹⁶⁶.

Во Франции в XVIII столетии, особенно в царствование Людовика XIV, отравления принимали эпидемический характер среди дам высшей аристократии. Дело дошло до того, что король должен был создать особый трибунал, *Chambre royale de l'Arsénale* или *Chambre ardente*, обязанностью которого было заниматься исключительно делами об отравлении¹⁶⁷. Общество было тогда до того объято паникой, что процесс знаменитой отравительницы *Delegrande* тянулся несколько лет потому только, что она делала непрерывные намеки на какой-то заговор против жизни короля.

Имена *Voisin*, *Vigouroux*, *Brinvilliers* сделались знаменитыми в истории преступления. В отравлении одно время подозревалась даже *Olimpia Mancini*, племянница Мазарини и мать принца Евгения.

В 1632 году была казнена в Палермо некая *Teofania*, торговавшая ядами, а год спустя та же участь постигла ее ученицу *Francesca la Sarda*. С тех пор выражение «*Gnura Tufania*» осталось в Сицилии синонимом отравительницы, откуда и происходит название воды «*acqua tofana*», состоящей преимущественно из мышьяка¹⁶⁸.

В 1642 году в Неаполе было отравлено много народу какой-то таинственной жидкостью, продававшейся некой женщиной, находившейся в сношении с вышеупомянутой Теофанией.

Около того же времени в Риме четыре женщины, *Maria Spinola*, *Giovanna Grandis*, *Geronima Spana* и *Laura Crispiolti*, торговали так называемой манной св. Николая (*Manna di San Nicola*) – ядом, состоявшим главным образом, по-видимому, из мышьяка.

Итак, если исключить детоубийство и выкидыши, женщина у диких, как и у других народов совершает, в общем, значительно меньше преступлений сравнительно с мужчиной, хотя она по своему характеру более склонна к дурному, чем к хорошему. Многие преступления, за которые она подлежит наказанию, чисто условны, как, например, нарушения табу и занятия колдовством. То, что соответствует преступлению мужчины, есть у дикой женщины, как мы это сейчас увидим.

¹⁶⁵ *Renan*. Les Apôtres.

¹⁶⁶ *Pfeiffer*.

¹⁶⁷ *Lettres patentes* от 7 апреля 1769 года.

¹⁶⁸ *S.-Marino*. L'acqua tofana, 1882.

Врожденные преступницы

1. Между антропологией и психологией преступницы существует полная аналогия. Подобно тому как от массы преступниц, у которых обыкновенно наблюдаются лишь немногие и незначительные признаки вырождения, отщепляется группа с более резко и богато выраженными, чем у мужчин-преступников, признаками, точно так же из общего числа их выделяется небольшой кружок лиц, отличающихся более интенсивной испорченностью, чем мужчины, и сильно превосходящих в этом прочих преступников, которых до преступления доводит в большинстве случаев постороннее внушение и у которых обыкновенно нравственное чувство более или менее сохранено. Группа эта и есть врожденные преступницы, испорченность которых находится в обратном отношении к их числу.

«Всевозможные наказания не в состоянии воспрепятствовать этим женщинам нагромождать одни преступления на другие, и их испорченный ум гораздо находчивее в изобретении новых преступлений, чем суд в придумывании новых наказаний»¹⁶⁹; «женская преступность имеет более циничный, жестокий, испорченный и ужасный характер, чем мужская»¹⁷⁰; «женщина, – говорит итальянская поговорка, – сердится редко, но более метко, чем мужчина» (*Di rado la donna é cettiva, ma quando lo é lo è più dell'uomo*). Конфуций когда-то сказал, что «на свете нет ничего, что более портит других и само подвергается порче, чем женщина». Известно изречение Еврипида: «Страшна сила волн, пожирающего пламени, ужасна нищета, но страшнее всего женщина».

Испорченность женщины преимущественно сказывается в двух особенностях ее преступлений: в их множественности и жестокости.

2. Множественность преступлений. Многие врожденные преступницы отличаются совершением преступлений не одной, но нескольких категорий, а некоторые из них являются исполнительницами двух родов преступлений, которые у мужчин взаимно исключают друг друга, именно отравления и убийства.

Маркиза de Brinvilliers обвинялась в одно и то же время в отцеубийстве, отравлении из жадности и мести, клевете, детоубийстве, воровстве, кровосмешении и поджоге. Enjalbert была осуждена за клевету, нарушение супружеской верности, сводничество, кровосмешение и убийство. Она отдала на растление свою дочь собственному сыну для того, чтобы сделать его помощником в убийстве своего мужа. Goglet была проститутка, воровка, мошенница, убийца и поджигательница, а F. занималась проституцией, сводничеством и обвинялась в воровстве, клевете и кровосмешении; G. Bompard была осуждена за проституцию, воровство, мошенничество, клевету и убийство, а Trossarello – за проституцию, воровство, нарушение супружеской верности и убийство. История приписывает Агриппине следующие преступления: нарушение супружеской верности, кровосмешение и побуждение к убийству, а Мессалине – супружескую неверность, проституцию, побуждение к убийству и воровству.

Одна 17-летняя проститутка, которую наблюдал Ottolenghi, была осуждена за воровство, укрывательство, совращение и разврат малолетних, отравление и убийство, а другая – за нарушение супружеской верности, отравление и побуждение к убийству. Последняя занималась в то же время и трибადией.

3. Жестокость. Врожденная преступница превосходит преступника в другом отношении, именно в рафинированной жестокости, с которой она совершает свои преступления. Ей недостаточно, что враг ее умирает; она должна еще насладиться его смертью. В итальянской шайке разбойников «la Taille», возникшей на юге Франции, женщины обнаруживали большую,

¹⁶⁹ Conrad Celtes.

¹⁷⁰ Rykère.

нежели мужчины, жестокость при истязании пленников и особенно пленниц. Tiburzio убила свою товарку во время ее беременности, бросилась затем на труп ее, рвала зубами ее мясо и бросала откушенные куски своей собаке. Chevalier убила одну свою беременную родственницу, загнав ей в голову через слуховой ход вилку. Р. не удовлетворилась ранами, которые она наносила своим вероломным любовникам, находя это слишком легким наказанием для них: она ослепляла их, засыпая их глаза мелким стеклянным порошком, который она приготавливала, разгрызая собственными зубами стеклянные вещи. Известная Д. облила своего любовника, изменившего ей, серной кислотой. Когда ее на суде спросили, отчего она не прибегла для мести к ножу, она ответила: «Для того, чтобы лучше дать ему почувствовать всю горечь смерти». София Ganthier замучила насмерть медленными истязаниями семь мальчиков, доверенных ей для воспитания. Мы находим в истории всех времен многочисленные примеры жестокости, соединенной со сладострастным темпераментом, у женщин, находившихся на высоте власти. Кроме всем известных Агриппины, Фульвии, Мессалины и Елизаветы мы приведем еще следующие случаи. Аместрис выпросила себе у Ксеркса, обещавшего исполнить ее просьбу, выдачу матери своей соперницы. Когда это было исполнено, она отрезала несчастной женщине грудные железы, уши, губы и язык, бросила отрезанные части на съедение собакам и в таком виде отослала ее домой.

Парисатида, мать Артаксеркса, приказала разрезать на части свою соперницу, а мать и сестру ее зарыть в землю живыми. Кориана, хваставшего, что он убил Кира, она истязала и мучила в продолжение десяти дней.

Возлюбленная китайского императора Кион-Син (1147 г.) приказывала разрезать на части всякую женщину, которая удостоивалась ласк ее развратного любовника, варила их и отсылала к отцу своей жертвы, которого потом постигала такая же участь. Беременных женщин она приказывала разрывать на части живыми.

Но высшую степень жестокости мы находим у женщин-матерей, у которых наиболее глубоко коренящееся в человеческой натуре чувство перерождается в ненависть. Ноегели погрузила в воду головку своей девочки во время наказания ее, чтобы заглушить ее крики. Однажды она ногой столкнула ее со всех лестниц, вследствие чего у ребенка сделалось искривление позвоночного столба. В другой раз она ударила ее по плечу с такой силой, что причинила вывих его. Превратив таким образом постепенно свою дочь в урод, она стала ее звать в насмешку верблюдом. Во время болезни ее, чтобы унять ее плач, она лила ей на голову ледяную воду, клала на лицо тряпки, испачканные испражнениями, и заставляла в течение многих часов вслух повторять: «Дважды два – четыре».

Kelsch также погружала лицо своего сына в испражнения, заставляла проводить его на балконе холодные зимние ночи в одной сорочке. Екатерина Najes, убив своего мужа, отрезала голову его перочинным ножом¹⁷¹; Smith отравила восемь детей.

Кокотка Stakenburg начала истязать свою дочь на 42-м году, когда поклонники покинули ее. «Я терпеть не могу девочек», – говорила она. Она подвешивала ее под руки на одеяле, била молотком по голове, прижигала утюгом и однажды, избив ее палкой досиня, стала насмехаться над ней, говоря: «Теперь ты маленькая негритянка».

Rulfi заставляла голодать свою маленькую девочку и, чтобы усилить ее мучения, принуждала ее присутствовать за столом во время своих обедов. Она пригласила для нее учителя с единственной целью иметь возможность бранить и бить ее, когда та не знала своих уроков, что при таком содержании ребенка было, конечно, не редкостью. Она связывала ее и заставляла младших братьев колоть ее булавами, чтобы к физической боли присоединить еще чувство унижения.

Каким же образом объяснить себе подобное зверство в характере преступниц?

¹⁷¹ Griffith. North American Review, 1895.

Мы уже видели, что даже у нормальной женщины болевая чувствительность меньше развита, чем у мужчины, а сочувствие чужому страданию находится, как известно, в прямой зависимости именно от нее, так что оно не имеет места там, где чувствительность эта совершенно отсутствует. Далее мы выяснили, что у женщины много общего с ребенком: она обладает слабо развитым нравственным чувством, ревнива, злопамятна и старается выразить свою месть в рафинированной, жестокой форме – все это недостатки, которые у нормальной женщины более или менее уравниваются и нейтрализуются чувством сострадания, материнством, меньшей страстностью в половом отношении, физической слабостью и более слабой интеллигентностью ее.

Но если болезненное раздражение психических центров возбуждает дурные инстинкты и требует себе какого-нибудь исхода, если способность сочувствовать чужому страданию и материнская любовь отсутствуют, если, наконец, сюда еще присоединяются, с одной стороны, сильные страсти и потребности, являющиеся следствием чрезмерной похотливости, а с другой – развитой ум и физическая сила, дающие возможность приводить в исполнение дурные замыслы, то ясно, что полупреступница – существо, каким является нормальная женщина, – должна легко превратиться во врожденную преступницу, более страшную, нежели любой преступный мужчина. Какими ужасными преступниками были бы дети, если бы им были знакомы сильные страсти, если бы они обладали физической силой и развитым умом и если бы, наконец, их тяготение ко злу усиливалось бы еще вследствие болезненного возбуждения! Женщины – взрослые дети: дурные инстинкты их многочисленнее и разнообразнее, чем склонности ко злу мужчин, но они находятся у них почти в латентном, скрытом состоянии; если же они возбуждаются и просыпаются, то последствия этого, конечно, должны быть самые ужасные.

Врожденная преступница представляет собою, кроме того, исключение в двойном отношении: как преступница и как женщина. Преступник сам по себе является ненормальностью в современном обществе, а преступная женщина есть еще исключение и среди преступников, ибо естественная атавистическая форма преступности у женщины есть не преступление, а проституция, так как примитивная женщина более проститутка, чем преступница. Поэтому преступница, как двойное исключение, должна быть вдвое более чудовищной. Мы уже видели, как многочисленны причины, предохраняющие ее от преступления (материнство, сострадание, физическая слабость и пр. и пр.); если поэтому женщина, несмотря на все это, совершает все-таки преступления, то ее нравственная испорченность, побеждающая все эти препятствия, должна быть поистине чудовищна.

4. Чувствительность и мужские черты характера. Мы видели, что у преступниц наблюдается усиленная чувственность – черта, также приближающая их к мужчинам. Этим объясняется, почему у всех подобных женщин ко всем их преступлениям обязательно присоединяется проституция. Эротизм является у них центром, вокруг которого группируются обыкновенно прочие особенности их преступной натуры. Так, например, у Р. М., Марии Вг., Dacquignié, Béridot и Aveline'ы чувственность их связана с большой импульсивностью желаний и поступков; у Star, Zeile и Bouhors она комбинируется с такими мужскими чертами характера, как мужество, энергия и пр., а у Марии В. – с мужскими вкусами и склонностью к употреблению спиртных напитков и курению табака. У Gras эротизм уживается рядом с полумистической религиозностью, так как на ее аналог найдены книги духовного содержания вместе с рукописями самого грязного и циничного содержания. Наконец, у Cagnoni, Stakenburg и Hoegeli мы находим вместе с сильной чувственностью отвращение к материнским функциям, что напоминает нам некоторых животных, которые ожесточаются во время течки против своих собственных детенышей: у таких женщин течка длится, так сказать, круглый год.

Очень часто мы встречаем у чувственных натур склонность к праздной жизни, полной приключений, и к самым необузданным удовольствиям. Так, Bompard призналась, что лучше готова была идти на каторгу, чем взяться за какой-нибудь труд. То же самое мы можем сказать

относительно Traikin, Star и многих других преступниц. У Lafarge эта страсть выражена в более тонкой форме – именно в виде стремления жить роскошно в большом городе и быть окруженной толпой поклонников. Это желание и породило в ней план убить своего мужа, который взял ее с собой в деревню, в одиночество, и вернуться в Париж богатой вдовой. Достигшая такой силы чувственность многих преступниц, являющаяся ненормальной для обыкновенной женщины, становится у них источником пороков и преступлений и причиной того, что они превращаются в негодные к общественной жизни существа, стремящиеся только к удовлетворению своих сильных страстей и напоминающие собою необузданных дикарей, половой инстинкт которых еще не дисциплинирован цивилизацией.

5. Аффекты и страсти. Особенно тяжким признаком вырождения является у многих преступниц полное отсутствие у них материнской любви. Знаменитая американская воровка и обманщица Lyons убежала из Америки и оставила на произвол судьбы, несмотря на то что была очень богата, своих детей, которые без общественной благотворительности умерли бы от голода. Bertrand совершенно забросила своего ребенка в раннем возрасте его, нисколько не заботясь о его пропитании и одежде. Enjalbert отдала на растление свою дочь собственному сыну. Fallaix, с целью удержать около себя своего любовника Dubon'a, содержавшего ее и всю семью ее и желавшего порвать это отношение, заставила свою собственную дочь отдаться ему, после того как последняя сопротивлялась этому в течение пяти дней. Когда же Fallaix заметила, что любовнику пришлась очень по вкусу ее дочь, она вспылала к последней ревностью и истязала ее до тех пор, пока та не умерла. Boges, любовник которой изнасиловал ее дочь, спокойно присутствовала при их половых сношениях и принудила последнюю, когда та забеременела, произвести себе выкидыш. Маркиза Brinvilliers пыталась отравить свою 16-летнюю дочь из ревности и зависти к ее красоте. Gaaikema отравила свою дочь с целью воспользоваться ее капиталом в 20 000 франков. F., шпионка, проститутка, воровка и утайщица, обвинявшаяся также в клевете и сводничестве, женила своего любовника на своей предварительно проституированной дочери, но воспретила им всякое половое общение. Когда же супруги ослушались ее и провели вместе одну ночь в гостинице, она устроила так, что они были арестованы полицией, что ей было нетрудно ввиду ее близких отношений к последней. Trossarello призналась, что любила детей своих не более, чем котят.

Другим доказательством отсутствия материнской любви у большинства преступниц служит то обстоятельство, что они очень часто делают соучастниками своих преступлений своих собственных детей. Это тем более поразительно, что проститутки, наоборот, всеми силами стараются обеспечить своим дочерям честное, незапятнанное существование. О Enjalbert мы уже говорили. Léger в сообщничестве со своим сыном убила соседку свою с целью ограбления ее. D'Alessio заставила дочь свою помочь ей в убийстве своего отца, а Meille навела сына на мысль умертвить своего отца. Из этих фактов следует, что для подобных женщин их собственные дети чужды им и что они, вместо того чтобы окружить их любовью и защитой, смотрят на них как на орудия своих страстей, подвергая их тем опасностям, которых сами боятся.

Один из нас знал содержащуюся в тюрьме некую Magengo, воровку с *habitus*'ом кретина, которой передали в камеру ее грудное дитя. Однако, несмотря на то что ей было решительно нечего делать, она не захотела кормить своего ребенка, говоря, что «ей это скучно», и последний чуть не погиб от голода, так что его пришлось отлучить от груди и кормить искусственно.

Это полное отсутствие всякого материнского чувства возможно понять, если припомнить, что врожденные преступницы наполовину мужчины благодаря целому ряду чисто мужских черт в их характере и что влечение их к жизни, полной наслаждений, несовместимо с функцией материнства, состоящей из одних жертв. Женщины эти не чувствуют, как матери, ибо антропологически и психологически они более принадлежат к мужскому, чем к женскому полу. Они были бы отвратительными матерями из-за своей очень сильной чувственности, кото-

рая находится, как мы это только что заметили, в противоречии с материнством. Как могли бы они, вполне одержимые своею страстью удовлетворения своим многочисленным желаниям и низменным, похотливым инстинктам, быть способны на самоотверженность, терпеливость и преданность, которые лежат в основе материнства? В то время как у нормальной женщины половой инстинкт всецело подчинен материнскому и она, будучи матерью, отказывается от ласк любовника или мужа из боязни повредить своему ребенку, у преступниц, напротив, мы наблюдаем совершенно обратное явление: здесь мать, чтобы удержать при себе любовника, не задумывается принести ему в жертву честь родной дочери.

Органическая аномалия – *moral insanity*, или эпилептоидный невроз, – составляющая основу врожденной преступности, обуславливает собою такое извращение чувств, благодаря которому женщина теряет прежде всего свое материнское чувство, подобно тому как монахиня в таких случаях перестает быть религиозной, а солдат – подчиняться дисциплине, причем у первой это выражается богохульством, а у второго – стремлением оскорбить свое ближайшее начальство (случай *Misdea*).

Материнское чувство встречается в парадоксальной форме слитым с чувственностью вместо того, чтобы подавить ее, в тех случаях, где мать становится любовницей своего собственного сына и безумно любит его в одно и то же время как сына и любовника. Так, *Maensdotter* находилась в связи со своим 16-летним сыном и женила его по расчету на одной девушке, но не позволяла им отправлять супружеских обязанностей. Однако, несмотря на это, она убила все-таки из ревности свою невестку и, арестованная вместе с сыном, всячески старалась выгородить его, принимая всю вину на себя. Подобное совмещение материнской и чувственной любви можно объяснить себе тем, что в любви матери к ребенку содержится всегда известный намек на чувственное наслаждение, каким является, например, то нежное удовольствие, которое испытывает она при кормлении его. Если при нормальных условиях это едва уловимое чувство усиливается у женщины очень страстным темпераментом, то из него происходит кровосмесительная материнская любовь, подобная той, какую питала *Maensdotter* к своему сыну и в которой женщина жертвует собой как мать и любовница.

Материнство оказывает благодетельное противопреступное влияние на женщину – и там, где преступница является матерью, чувство ее к своему ребенку служит, по крайней мере, в течение более или менее продолжительного времени могучим нравственным противоядием для нее. Так, мы видим, что *Thomas*, погрязшая с раннего детства в пороках и разврате, преобразилась и жила честной жизнью в течение всего времени, пока жил ее ребенок, но как только последний умер, она опять впала в прежнюю жизнь.

Вот почему у настоящих врожденных преступниц материнская любовь никогда не является мотивом к совершению преступления, ибо это благородное чувство несовместимо с вырождением, и оно отсутствует у них так же, как у психических больных и самоубийц.

6. Мстительность. Главнейшим мотивом преступлений является у врожденных преступниц мстительность, которая свойственна уже нормальной женщине, а у них достигает крайних степеней развития и выражается очень сильной несоответственной реакцией на малейшее раздражение. *Jegado* отравила своих господ вследствие злобы против них за сделанное ей замечание, а своих товарок по службе – за какую-то ничтожную обиду. *Closset* точно так же отравила своих господ, когда те за что-то выбрали ее и отказали от места, а *Ronsoux*, служившая у одного откупщика, подожгла его дом после того, как он не позволил ей полакомиться вишнями из корзины, предварительно пригрозив ему, что он будет сожалеть о своем поступке. Подобное же преступление и при почти аналогичных обстоятельствах совершила в июне месяце 1890 года одна служанка в *Backendorf*’е. М. пыталась убить свою знакомую за то, что та оклеветала ее, а *Trossarello* выразилась однажды, угрожая своим товаркам, следующим образом: «Я ношу в своем сердце мысль о мести и советую вам подумать об этом». *Pitcherel* отравила своего соседа из мести за то, что он не позволил сыну своему жениться на ней. Суд приговорил ее к

смертной казни, и, когда ей был прочитан приговор, к ней обратились с увещанием простить окружающим их прегрешения, как это сделал Спаситель. «Господь, – ответила она на это, – поступил, как ему было угодно, а я никогда не прощу». Обыкновенно преступница удовлетворяет своему чувству мести не так скоро, как преступник, а спустя дни, месяцы, даже годы, ибо страх и физическая слабость являются обстоятельствами, на первых порах тормозящими ее мстительность. У нее месть является не рефлекторным актом, как у мужчин, но своего рода любимым удовольствием, о котором она мечтает в продолжение месяцев и годов и которое насыщает ее, но не удовлетворяет.

Очень часто преступления, совершаемые женщинами из ненависти и мести, имеют очень сложную подкладку. Преступницы, подобно детям, болезненно чувствительны ко всякого рода замечаниям. Они необыкновенно легко поддаются чувству ненависти, и малейшее препятствие или неудача в жизни возбуждают в них ярость, толкающую их на путь преступления. Всякое разочарование озлобляет их против причины, вызвавшей его, и каждое неудовлетворенное желание вселяет им ненависть к окружающим даже в том случае, когда придраться решительно не к чему. Неудача вызывает в душе их страшную злобу против того, кто счастливее их, особенно если неудача эта зависит от их личной неспособности. То же самое, но в более резкой форме наблюдается и у детей, которые часто бьют кулаками предмет, толкнувшись о который, они причинили себе боль. В этом видно ничтожное психическое развитие преступниц, остаток свойственной детям и животным способности слепо реагировать на боль, бросаясь на ближайшую причину ее, даже если она является в форме неодушевленного предмета. Так, *Morin* слепо возненавидела и покушалась даже отравить адвоката, ведшего против нее дело, которое он выиграл, а она проиграла, потеряв при этом громадную сумму денег. *Rondelet* убила свою престарелую мать непосредственно после того, как получила от нее в наследство все состояние ее и когда ей приходилось содержать ее, по всей вероятности, лишь весьма короткое время. Давно лелеянная ею мысль об этом наследстве наполнила ее такою ненавистью к матери, что она, рискуя собственной жизнью, убила ее в то время, когда это было для нее по меньшей мере бесполезно. *Levaillant* возненавидела свою свекровь за то, что та не давала ей средств блистать в обществе, и покушалась на жизнь ее, хотя не могла надеяться сделаться ее наследницей. *Plancher* убила одного родственника только потому, что он был богат и известен, а она с мужем – бедна. Еще сильнее проявляются ненависть и мстительность, если затрагивается одна из специфических женских страстей, к которым примешивается половой элемент, как, например, ревность. *Кокотка М.* убила одну из своих подруг за то, что та, будучи очень красивой, имела огромный успех у мужчин.

Так называемые любовные драмы, покушения облить серной кислотой или убить вероломного любовника являются часто только последствиями задетого тщеславия или неудавшегося расчета. Героиней такого рода преступлений является обыкновенно какая-нибудь кокотка, вознамерившаяся женить на себе какого-нибудь наивного юнца или выжившего из ума старичка и неожиданно натолкнувшаяся на непреодолимые препятствия. Так, например, *Агnaud* покушалась облить серной кислотой своего 15-летнего поклонника, с которым она находилась в связи, после того как он вздумал порвать связь эту благодаря настояниям своих родных. *Défrise* после многолетней распутной жизни вовлекла в любовную связь купца, у которого служила кассиршей, и уговорила его затеять бракоразводный процесс со своей женой. Она пустила в ход все, чтобы добиться расторжения этого брака, но когда купец в последнюю минуту одумался и отказался от своего плана, она покушалась на его жизнь.

Bourget следующим образом описывает женщин, прибегающих к серной кислоте (*les vitrioleuses*) как к орудию своей мести: «Обыкновенно это лицемерные комедиантки, чрезвычайно тщеславные и необыкновенно гордые, большею частью освищенные актрисы, не нашедшие для себя издателей, или полукокотки, неудачно пытавшиеся выйти замуж; все они стараются утолить свою злость при помощи серной кислоты...».

Сюда же принадлежат и содержанки, хоть и не имеющие видов на замужество, но мстящие своим любовникам, если те бросают их, после того как убедятся, что они не сохраняют по отношению к ним той относительной доли верности, на которую они имеют право за свои деньги.

Faure, например, покинутая по этой причине своим любовником, облила его серной кислотой, а Mattheron поэтому же хладнокровно застрелила своего обожателя. Злоба и гнев этих женщин являются здесь не вследствие страданий, причиненных им тем, что их покинули, но вследствие сознания, что они лишаются своих доходов, так как обман их обнаружен и проделки раскрыты, т. е. вследствие оскорбленного самолюбия. Вот почему они ненавидят старых любовников, если последние не дают себя далее благодушно обманывать, что, по мнению этих женщин, долг и обязанность их.

Сюда же относится случай Prager, которая направила своего брата с револьвером в руках против своего мужа, когда тот возмутился наконец ее постоянными изменами и потребовал во время бракоразводного процесса, чтобы она оставила его дом. Prager действовала так, как будто муж ее, прощавший ей много раз ее обманы, причинил ей вопиющую несправедливость тем, что вздумал наконец положить конец своей бесполезной снисходительности.

Подобные проституированные женщины обращают обыкновенно свой гнев против самых добрых и великодушных своих любовников, точно доброта последних не обязывает их лучше относиться к ним, а дает им право требовать от них исполнения самых прихотливых желаний своих. Чем добрее и мягче их покровители, тем более они их эксплуатируют и возмущаются, если те, наконец, не позволяют этого проделывать над собой. Женщин, подобных Faure и Mattheron, бесчисленное множество раз бросали их любовники, обращавшиеся с ними не столь мягко, как их жертвы, но это, однако, не вызывало их ярости. Toussaint начала преследовать единственного по-человечески обращавшегося с ней любовника d'Es. после того, как последний поймал ее на месте преступления с одним знакомым и бросил за это. Она пыталась угрозами добыть от него деньги, обвинила его в воровстве и, наконец, когда он женился, прислала его молодой жене три письма в один день, сообщая ей в самой грубой форме, что ее муж до женитьбы находился с ней в любовной связи. Надлежащим образом третируют этих женщин их сутенеры, которые безжалостно колотят и истязают их.

В каждой оказанной им ласке эти женщины усматривают право требовать исполнения тысячи своих капризов и приходят в неистовство при первой попытке отказать им в этом¹⁷².

Им можно импонировать только насилием и жестокостью, мягкость же в обращении с ними делает их капризными и слишком требовательными. Здесь мы видим, стало быть, повторение, но в более сильной степени, чем у дегенерированных, того культа грубой силы, на который мы уже указывали у нормальной женщины.

7. Ненависть. Некоторые преступницы проявляют по отношению к окружающим ненависть, для которой нельзя найти никакой даже отдаленной причины и которая может быть объяснена только разве какой-то врожденной, слепой злостью их. Так, многие нарушительницы супружеской верности и отравительницы совершают свои преступления с непонятной бесцельностью. Женщины эти, будучи по натуре своей властолюбивыми и склонными к насилиям, обыкновенно импонируют своим слабым мужьям, которые из боязни чего-нибудь более худого уступают им во всем. Но это ведет, однако, только к тому, что они начинают тем более ненавидеть своих мужей, чем более последние покладисты и уступчивы по отношению к ним. Муж Fraikin, бывший значительно старше ее годами, смотрел совершенно сквозь пальцы на распутное поведение своей жены, тем более что он был серьезно болен и ему оставалось уже,

¹⁷² Точно так же поступают и маленькие дети. Если с ними обращаются с особенной податливостью и мягкостью, то они скоро сами не знают уже, что делать и чего просить себе, и, если не удовлетворять тотчас же их малейших капризов, они чувствуют себя глубоко огорченными.

по-видимому, недолго жить; но даже и этих нескольких месяцев до смерти его жена не могла выждать и подговорила любовника убить его. Таков же случай Simon и Moulin. Последняя из них была против воли своей выдана замуж за неотесанного, но очень доброго человека. Она совершенно не хотела признавать его своим мужем, вступила чуть ли не с первого же дня после свадьбы своей в связь с одним человеком, и добрый муж мирился с этим, обращался с ней кротко, как с сестрой, и признал даже своим сыном ребенка, прижитого ею от своего любовника. Но, несмотря на все это, Moulin ненавидела его все более и более с каждым днем, постоянно повторяла, что он должен умереть, и действительно в конце концов убила его.

Муж Enjalbert также молча терпел в течение двадцати лет развратное поведение своей жены. Когда он однажды попробовал выразить против этого слабый протест, жена так возненавидела его, что в скором времени убила его. Jegado часто отравляла людей без всякой, по-видимому, цели. Stakenburg начала преследовать свою маленькую дочь после того, как доходы ее, как кокотки, сильно уменьшились. Свою злость она вымещала на своем несчастном ребенке.

У врожденных преступниц замечается страсть ко злу для зла, которая характеризует эпилептиков и истеричных больных. В них зарождается ненависть автоматически, без видимой внешней причины, просто вследствие болезненного возбуждения психических центров, которое должно получить выход в совершении того или другого преступного деяния. Женщины эти, одержимые таким постоянным возбуждением, нуждаются всегда в жертве, на которой они могли бы вымещать свою ярость, и тот несчастный, с кем они чаще всего приходят в соприкосновение, скоро превращается для них в предмет их ненависти и в жертву их злобы из-за какого-нибудь пустяка, из-за самого ничтожного проступка, нередко из-за простого несогласия в чем-нибудь с их мнением.

8. Любовь. Любовь редко является у подобных женщин мотивом их преступлений, несмотря даже на усиленную их половую чувствительность. Как и ненависть, любовь их является постоянно выражением только их ненасытного эгоизма: в них нет ни капли альтруизма, самоотверженности; они признают только страсть к наслаждениям и удовлетворение своего самолюбия. Замечательна импульсивность и быстрота их страсти. Если они влюбляются, то чувство их должно быть удовлетворено сейчас же, если б даже для этого нужно было совершить преступление. Одержимые, точно загипнотизированные своим желанием, они ни о чем другом не думают, как только о средствах осуществить его, не замечая совершенно угрожающей им опасности и покупая тут же наслаждение ценою преступления, хотя немного спустя при некотором терпении они могли бы удовлетворить своей страсти без всякой для себя опасности.

Ardilouze, отец которой не соглашался на ее выход замуж за любимого ею человека, оставалось ждать всего несколько месяцев, чтобы сделаться совершеннолетней и иметь право самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Но она не имела терпения выждать даже и это короткое время и убила своего отца. Письма Aveline'ы и Béridot свидетельствуют об отчаянном нетерпении их. Очень часто сила страсти у преступниц зависит от того сопротивления, какое им оказывают в достижении их цели. Так, например, Buscemi влюбилась в хромого, горбатого парикмахера, и чем больше родные противодействовали любви ее, тем сильнее последняя разгоралась. Страсть ее росла по мере увеличения сопротивления и, закончившись преступлением, быстро испарилась. Очевидно, в таких случаях дело идет не столько об истинном чувстве, сколько об уязвленном самолюбии, сильно реагирующем на препятствия.

Вначале кажется, что мир должен будет провалиться, если желания этих женщин будут исполнены хотя бы одним днем позже, но потом, как только цель их достигнута, страсть их угасает необыкновенно быстро. Кого они вчера еще боготворили, к тому они сегодня относятся равнодушно, и прихотливые желания их направлены уже совершенно в другую сторону.

Béridot убегает со своим будущим мужем из дома родителей, не дающих своего согласия на этот брак, а два года спустя она подговаривает своего любовника убить его.

Арестованные врожденные преступницы во время судебного разбирательства дел их думают и мечтают только об одном – как бы спастись от ожидающего их наказания. Мысль об этом настолько поглощает все существо их, и они так полны ужаса в ожидании возмездия за совершенное преступление, что, не задумываясь, выдают даже своего сообщника, т. е. то лицо, для которого в большинстве случаев они незадолго перед тем рисковали и компрометировали себя. Таковы случаи Queyron, Béridot, Buscemi, Sarceni и G. Bompard.

Любовь и ненависть являются у них только двумя формами одного и того же ненасытного самолюбия, и первое чувство немедленно превращается во второе при малейшей неудаче и разочаровании или при первых признаках вновь загоревшейся страсти. Так, Béridot, недавно еще так сильно обожавшая своего мужа, возненавидела его, как только влюбилась в другого, а проститутка Cabit, безумно любившая своего сутенера Legoux и отдававшая ему все заработанные деньги, убила его, убедившись, что он ей неверен и делит свою любовь с другой женщиной. Графиня Challant убила своего любовника, которого она содержала во время его студенчества, когда он женился на другой, и призналась на суде, что она готова его убить еще раз, еще сто раз, но не примириться с мыслью, что он в объятиях другой женщины. Weiss питала страстную любовь к своему мужу и жила с ним почти в полном уединении от света в течение двух лет. Но стоило ей вспылать страстью к другому мужчине, как она возненавидела своего мужа и пыталась даже отравить его. Lévaillant, мечтавшая о замужестве с любимым человеком, начала ненавидеть, издеваться и насмехаться над ним, когда он, благодаря легкомыслию своему, попал в такое положение, при котором невозможно стало блистать в обществе.

Напоминая свойственную детям сильную привязанность, не способную, однако, на жертвы, и благородную решимость, их страсть не лишена той жестокости, которой нет в любви обыкновенной женщины.

Gran., очень ревниво любившая своего любовника и боявшаяся измены с его стороны, разослала чуть ли не всем дамам города, где она жила, циркулярное письмо, в котором извещала, что господин такой-то принадлежит только ей и что плохо будет всякой, кто осмелится принимать его у себя. Однажды ее любовник принял приглашение к обеду в одном доме, но она явилась тотчас же туда и произвела страшный скандал. Когда она, спустя известное время, обзавелась новым любовником, то опять объявила циркулярно, что с прежним господином они могут поступать отныне как им угодно, потому что она порвала с ним бывшие между ними отношения. Точно речь идет о каком-то неодушевленном предмете или животном, принадлежавшем ей!

9. Жадность и скупость. Другим мотивом преступлений этих женщин является их жадность, выражающаяся у них несколько в иной форме, чем у мужчин. У развратных преступниц, для удовлетворения своих чудовищных инстинктов нуждающихся в огромных средствах и отказывающихся заработать их, алчность выражается, как и у мужчин, в форме стремления добыть большие деньги, чтобы потом быть в состоянии тратить их без всякой меры. Поэтому они сами или с помощью других пускаются в преступные деяния, которые обещают доставить большие суммы денег или ценные вещи. Так, G. Bompard натолкнула сутенера своего Eugaud на убийство судебного пристава Gouffé в надежде поживиться богатой добычей, а Lavoitte с таким же расчетом побудила своего любовника убить и ограбить одну старую богатую женщину. Такая же жадность была мотивом преступлений, совершенных Bouhors и Brinvilliers. М. сделалась только благодаря своей алчности проституткой и совратительницей в разврат несовершеннолетних девочек и прокучивала добытые таким образом деньги. Наконец, историческими примерами этой черты у преступниц могут служить Мессалина, которая добилась осуждения на смерть многих знатных римлян с целью завладеть их виллами и богатствами, и Фульвия, совершившая множество убийств отчасти из жадности, отчасти из мести.

Гораздо чаще, чем у мужчин, встречаются у женщин преступления из-за скупости – черты, родственной жадности, которую, однако, не должно с ней смешивать. Gaaikema отра-

вила свою дочь с целью воспользоваться ее капиталом в 20 000 франков, а С. убила своего сына только потому, что он ей стоил слишком много денег. Одна дама, принадлежавшая к высшим слоям общества, жестоко обращалась со своим ребенком, ибо расходы на содержание его казались ей очень обременительными, и совсем замучила бы его, если бы родители ее, боясь скандала, не отняли у нее дитя. Жестокая мать заметила при этом: «Очень нужен мне еще этот щенок!».

Своеобразный вид преступлений из-за скупости можно чаще всего наблюдать в деревнях, согласно Cogge и Rijkere, преимущественно между женщинами, именно убийство родителей, которые по болезни или старости становятся не способными к работе и ложатся бременем на домашний бюджет. Из-за таких мотивов Lebon сожгла живую с помощью мужа свою старуху мать, а Lafarge в 1886 году убила своего престарелого, не способного к работе мужа с помощью своей невестки, что особенно характерно. Таковы же преступления, совершенные Faure и Chevalier. Одна русская убила свою старую свекровь за то, что та была болезненна и неспособна к труду. Во всех этих преступлениях дело сводится к сильному развитию свойственной женщинам расчетливости и экономности, которая у преступниц достигает, как и все эгоистические страсти их, необыкновенной степени. Для таких женщин бесполезный расход по дому имеет такое же значение, как потеря большой суммы денег или опасность банкротства для мужчин. Домашнее хозяйство – это сфера безграничного царствования женщины: оно для нее то же, что для мужа его занятие, для профессора – кафедра, для депутата – парламент и для правителя – его царство, и именно в этой сфере и зарождаются лютая ненависть и всевозможные тяжелые преступления.

10. Страсть к нарядам. Мотивом преступлений у женщин является довольно часто их страсть к нарядам и украшениям. Dubosc, когда ее на суде спросили о причине, заставившей ее принять участие в убийстве одной богатой вдовы, отвечала: «Я хотела иметь красивую шляпу». Мария Вг. украла 1000 франков и накупила себе всяких нарядов. М. и S., осужденные за воровство в магазине, предпочли держать при себе похищенные наряды, чтобы щеголять в них хоть пару дней, так как иначе, не сделай они этой неосторожности, они были бы оправданы за недостатком улик. Lafarge украла у одной знакомой ее бриллианты, но с целью не продать их, а носить, несмотря на всю опасность, связанную с этим. D. заколола кинжалом одного кредитора мужа своего, когда тот в обеспечение долга требовал ее драгоценное кольцо. Vir. мотивом убийства своего любовника выставила свой гнев на него за то, что он заложил ее вещи; однако впоследствии оказалось, что любовник сделал это с ее согласия, но она не могла уже сдерживать своей ярости. Тарновская отмечает, что многие исследованные ею преступницы совершали воровство не из-за нужды, так как они находились на службе и достаточно зарабатывали денег, но исключительно из желания обзавестись дорогими и роскошными нарядами и украшениями. Точно так же Guillot и Rijkere того мнения, что воровство женщин или участие их в кражах почти всегда имеет подкладкой стремление к роскоши и нарядам.

Мы уже раньше указали на то, какое огромное психологическое значение имеют платье и наряды, во-первых, в глазах нормальной женщины, которая судит об окружающих по их платьям, и, во-вторых, у детей и дикарей, видящих в одежде свою первую действительную собственность. Понятно поэтому, что при таком взгляде женщины на одеяние оно может служить для нее источником многих преступлений: женщина крадет или убивает с целью хорошо одеться, подобно тому как недобросовестный купец делает дутые операции, чтобы поднять свой кредит.

11. Религиозность. У врожденных преступниц религиозность далеко не редкое явление. Rapsen, в то время как муж ее убивал одного старика, молилась Богу, чтобы все сошло хорошо и гладко. G. подожгла дом своего любовника со словами: «Пусть Бог и Матерь Божия довершат остальное». Brinvilliers была настолько ревностной католичкой, что написала покаянную записку с перечислением всех своих преступлений, каковая записка и послужила против нее

главным обвинительным документом на суде. Aveline ставила в церкви свечи «pour la réalisation de nos projets»¹⁷³, как писала она в одном письме своему любовнику. В другом письме она сообщала ему о болезни мужа в следующих словах: «П (т. е. ее муж) était malade hier, je pensais, que Dieu commençait son oeuvre»¹⁷⁴. Pompilia Zambecari обещала поставить Мадонне свечку, если ей удастся отравить своего мужа.

Mercier принадлежала к семейству, все члены которого (пять сестер и один брат) страдали религиозным помешательством. Она видела в своих видениях духов, а во время слуховых галлюцинаций ей казалось, что она общается с Богом. У нее помешательство было не столь резко выражено, как у ее сестер.

Когда Марии Forlini, задушившей из мести к своим родителям и разорвавшей на части свою девочку, прочитали на суде смертный приговор, она обратилась к своему адвокату и сказала: «Смерть – это ничего; все заключается в спасении души; если душа спасена, все остальное – пустяки». V. Вг., прежде чем убить своего мужа, бросилась на колени и долго молилась Пресвятой Деве о даровании ей сил для приведения в исполнение своего плана. Знаменитые отравительницы в Париже в 1670 году, принадлежавшие к высшим классам населения, старались отправить на тот свет своих мужей и добиться верности своих любовников при помощи «порошка для получения наследства» и посредством разного колдовства. Во время его молитвы и заклинания читались обыкновенно над чревом беременной девушки, после чего закалывали грудное дитя, кровь и пепел которого употреблялись на приготовление любовных напитков. Говорят, что знаменитая Voisin сама погубила таким образом около 250 младенцев. Trossarello видела в Боге помощника своего преступления и на суде объяснила убийство Gariglio, своей жертвы, указанием свыше, в силу которого любовник ее должен был быть наказан за свое вероломство. В доказательство такого предопределения она указывала и на смерть его товарища.

12. Противоречия. Нередко можно наблюдать у врожденных преступниц порывы чрезмерной доброты, которая составляет такой резкий контраст с их обыкновенной злостью и черствостью.

Lafarge, например, относилась с редким вниманием к жильцам того дома, где она жила, посещала и утешала больных, так что во всем околотке ее называли не иначе как «утешение бедных». Jegado наружно отличалась всегда ласковостью в обращении с товарками своими по службе, но потом отравляла их за малейшую обиду. Dalessio спасала от смерти самоотверженным и заботливым уходом во время тяжелой болезни своего мужа, которого она потом подговорила убить. F., которая в сообществе с любовником убила мужа своего, воспитала и усыновила ребенка, взятого из воспитательного дома. Dumaire, разбогатевшая благодаря проституции, великодушно помогала всем своим бедным родственникам и дала любовнику своему средства для окончания его образования, но убила его потом, когда убедилась в его вероломности. Thomas помогала многим бедным, проливая слезы при виде их нищеты, и покупала на собственные деньги платья и подарки для бедных детей. P. T., одна из самых ужасных виденных нами преступниц, была очень сострадательна к своим товаркам и страстно любила детей. Trossarello проводила целые ночи у изголовья бедных больных.

В действительности мы имеем здесь дело с временным, переходящим альтруизмом. Женщины эти сострадательны к несчастным, так как последние находятся в худшем положении, чем они сами, благодаря чему они имеют возможность вследствие контраста сильнее чувствовать свое собственное относительное благополучие. Но они ненавидят всех, кто им кажется счастливее их. Далее, в их благотворительности большую роль играет то удовольствие, кото-

¹⁷³ Ради осуществления наших планов (фр.).

¹⁷⁴ «Он, как я думала, вчера был болен, и я думала, что Бог начинает свое творение» (фр.).

рое они испытывают, видя у ног своих лицо, которому они благодетельствуют. Это стремление видеть других в зависимости от себя получает удовлетворение в добрых делах.

Одним словом, здесь все сводится к низшей форме доброты сердечной, которая, в сущности, есть не что иное, как несколько осложненный эгоизм.

Эта же перемежающаяся доброта их объясняет нам их доступность сентиментальным внушениям и то присутствие духа, которое нередко проявляют в виду эшафота даже самые закоренелые преступницы. Поверхностному наблюдателю подобное присутствие духа кажется героизмом и христианской решимостью и наводит на мысль о чудесном превращении их милостью Божией в существа кроткие и всепрощающие.

Маркиза Brinvilliers умерла, по словам духовника ее Pirot, как истая христианка. Она письменно попросила прощения у всех людей, которым она причинила в своей жизни столько зла, обращалась с трогательным уважением со своими сторожами, оставив им на память все имевшиеся у нее вещицы, и написала своему мужу письмо, завещая ему воспитать детей в честности и страхе Божиим. Tiquet слушала с величайшей набожностью проповедь священника, жаловалась при обезглавлении своего соучастника на слишком строгую постигшую его кару, считая себя главной виновницей совершенного злодеяния, и перед смертью поцеловала палача в знак того, что она прощает его. Jegado после одной беседы со священником сказала, что охотно умерла бы, ибо лучше она уже не может чувствовать себя подготовленной к новой жизни, а Guillaume согласилась, что преступление ее заслуживает быть наказанным смертной казнью. Balaguer также отличалась набожностью. То немногое, что еще осталось у нее, она отдала на память жене своего защитника и сумела даже в эти последние дни своей жизни так расположить к себе своих товарок по заключению, что все они плакали, когда ее повели на эшафот. Она также простила своего палача, поцеловав его перед смертью.

Во всех этих примерах не видно особенно глубокого чувства, но это также и не комедия. Очень может быть, что это сентиментальное внушение, которое большею частью исходит от духовного лица и которому легко поддаются преступницы при известных условиях. Именно будучи совершенно одинокими, вдали от всяких злых искушений, лишённые всякого общества, кроме священников, они легко поддаются опять всем тем добрым побуждениям, которые никогда у них совершенно не отсутствуют, и тяготение их к добру сказывается у них с интенсивностью, совершенно не свойственной им при обычных условиях. Все это тем более вероятно, что, в сущности, дело сводится здесь к религиозным внушениям, которым они в высшей степени доступны. Сюда присоединяется также, кроме того, потребность женщины в постороннем сочувствии и чужой, хоть и нравственной, защите, которая для них тем более важна, что весь свет их презирает и они находятся на пороге смерти. Если вспомнить, что они в это время никого, кроме духовенства, не видят, то станет понятным, каким образом благодаря особенной, чисто женской способности удастся им усвоить себе идеи и чувства лиц, старающихся обратить их на путь истины, и как они в течение всего лишь нескольких дней укрепляются во всех христианских добродетелях, даже во всепрощении, которое им труднее всего удастся.

13. Сентиментальность. У преступниц мы наблюдаем обыкновенно вместо настоящего, крепкого, здорового чувства сладковато-притворную сентиментальность, которая резче всего выступает в их письмах.

Aveline писала своему возлюбленному: «Je suis jalouse de la nature, qui a l'air de nous faire enrager, tant elle est belle. Ne trouves-tu pas, mon cher, que ce beau temps est fait pour les amoureux et qu'il parle d'amour?». В другом месте она выражалась: «Que je voudrais être au bout de l'entreprise (т. е. убийства мужа) qui nous fera libres et heureux! il faut, que j'y arrive, le paradis est au bout. Au détour du chemin il y a des rosés»¹⁷⁵.

¹⁷⁵ «Я завидую такой человеческой природе, которая выводит нас из себя, настолько она прекрасна. Не находишь ли ты, мой дорогой, что такая прекрасная погода создана для влюбленных и она сама говорит о любви?.. Как мне хотелось бы, чтобы

Точно так же писала своему любовнику и Trossarello письма, полные сентиментальных уверений в верности, которые, однако, были теорией, потому что на практике она его обманывала бесконечное число раз. Одна из самых ловких мошенниц, так называемая баронесса Gravaу de Livergnière, писала в своем дневнике следующее об одном 18-летнем молодом человеке, которого она увлекла, несмотря на свои 48 лет, и которого хотела женить на себе: «Черствый, бездушный человек! Он только делает вид, что любит меня, чтобы заручиться протекцией моих друзей! О, воспоминания! Когда я думаю о нем, мне припоминается галантный кавалер, который пел:

Pour avoir de noble dame
Obtenu le doux baiser,
Je veux brûlant d'une flamme
Que rien ne peut apaiser»¹⁷⁶.

Именно потому, что преступницы лишены всяких благородных и глубоких чувств, они стараются симулировать их разными софизмами, подобно тому как трус любит обыкновенно хвастать своей химерической храбростью.

14. Ум. Относительно умственных способностей мы находим здесь величайшие колебания: с одной стороны, встречаются очень интеллигентные преступницы, а с другой – такие, способности которых более чем посредственны. В общем, однако, можно сказать, что у преступниц чаще всего наблюдается интеллигентность выше средней, что зависит, быть может, от того, что у них импульсивные преступления довольно редки. Чтобы убить в припадке животной ярости – для этого достаточны умственные способности какого-нибудь готтентота, но чтобы составить и привести в исполнение какой-нибудь более или менее сложный план отравления – для этого требуются известная хитрость и ловкость. У преступниц замечается всегда некоторая обдуманность их поступков.

Конечно, нельзя найти особенного ума у импульсивных преступниц, которые мстят за небольшое причиненное им огорчение несоразмерно жестоко, как, например, Glosset и Ronsoux, но некоторые закоренелые преступницы, совершившие по несколько преступлений, положительно поражают своими замечательными умственными способностями. Ottolenghi наблюдал у одной 17-летней девушки очень богатое воображение и быструю сообразительность, несмотря на ее более чем скудное образование. Кроме того, девушка эта обладала настоящей манерой писания, и всякую мысль, приходившую ей в голову, она старалась, насколько могла, сама записать или же диктовала ее кому-нибудь из своих товаров. Наконец, ее ловкая спекуляция с собственной проституцией и развратом других также указывает на более чем среднюю одаренность ее в умственном отношении.

Особенной интеллигентностью отличались знаменитые отравительницы, как, например, Brinvilliers, Lafarge и Weiss, прекрасно владевшие пером, равно как и Jegado, о которой один свидетель выразился, что «она только с виду глупа, но на самом деле дьявольски умна». Tiquet всегда считалась очень умной особой в том аристократическом кругу, в котором она вращалась. Точно так же и преступницы, совершающие преступления из-за жадности и алчности, отличаются, в общем, хорошими умственными способностями. Mercier, например, несмотря на свое религиозное помешательство, обладала отличной коммерческой сметкой: она в короткое время составила себе своими делами значительный капитал, потеряла его, но потом опять вернула.

уже закончилось это дело, которое сделает нас свободными и счастливыми! Я должна в этом преуспеть. В конце пути нас ждет рай. Окольный путь украшен розами» (фр.).

¹⁷⁶ Чтобы от знатной дамы Получить горячий поцелуй, Я бы хотел гореть в пламени, Которое ничто не сможет погасить (фр.).

Еще большим умом отличалась знаменитая американская воровка, Lyons, которая, накрыв в Америке целое состояние, отправилась в Европу с единственной целью показать свое искусство и там. Однако в Париже она была поймана в одном воровстве на месте преступления, но сумела так ловко поставить дело и выпутать себя, что благодаря вмешательству английского и североамериканского посланников полиция поспешила отпустить ее на волю со всевозможными извинениями. Другой образчик подобной же интеллигентности представляла мошенница, выдававшая себя за графа Sandor'a. Особа эта сотрудничала в нескольких газетах и сделалась женихом дочери одного венгерского магната. Она сумела выманить у будущего тестя своего значительные суммы денег и скрыть свой пол до последней минуты, т. е. до тех пор, пока была арестована. Далеко не дюжинным умом отличалась и начальница разбойничьей шайки в Техасе, знаменитая Bell-Star, державшая долгое время в страхе население целого округа и наносившая вред своими разбоями даже самому правительству Соединенных Штатов. Затем так называемая Gravay de Livergnière, обманщица, известная под шестью или восемью именами, настоящее имя которой все-таки осталось тайной, сумевшая в свои 48 лет так влюбить в себя одного 18-летнего юношу, что даже осуждение ее не могло его охладить к ней, симулировавшая в этом возрасте роды и долго выдававшая себя за кузину испанской королевы, также была, по-видимому, далеко не глупой женщиной. А знаменитая P. W., осужденная за нанесение ран и виновная, вероятно, в отравлении, редактировала газеты, стояла во главе политического движения и сочиняла романы и поэмы. Тарновская точно так же при описании Феодосии Вол., известной петербургской ростовщицы и утайщицы ворованных вещей, отмечает, что при такого рода занятиях требуются большая хитрость и сообразительность, а особенно нюх, чтобы с первого раза узнать, с кем имеешь дело: с голышом ли, закладывающим свою последнюю «движимость», с вором ли или же с шпионом полиции.

Доказательством значительной интеллигентности некоторых врожденных преступниц служат оригинальность их преступлений и своеобразная комбинация их. Так, например, упомянутая нами 17-летняя девушка, находившаяся под наблюдением у Ottolenghi, сумела добыть комбинацией сводничества, проституции и вымогательства большие деньги. Lacassagne, убившая своего незаконнорожденного ребенка с помощью одного знакомого, убедила последнего взять всю вину на себя, обещая ему выйти за него замуж, после того как он отбудет наказание. Когда же доверчивый поклонник ее, отбыв наказание, вернулся к ней с требованием исполнить обещанное, она в сообщничестве со своим братом убила его. Gras создала для своего преступления чрезвычайно сложный план, который она отчасти и осуществила. Она нуждалась именно в деньгах, чтобы выйти замуж за своего любовника, одного рабочего. С целью добыть их она подговорила его облить серной кислотой одного старого болезненного господина с тем расчетом, что последний будет благодаря этому так обезображен, что за него не согласится выйти замуж ни одна женщина. Она имела в виду женить его в таком случае на себе, разрушить его и без того слабое здоровье различными эксцессами, а затем, оставшись после смерти его богатой вдовой, выйти наконец замуж за своего друга. Такой более или менее высокий уровень умственных способностей у врожденных преступниц объясняется отчасти тем, что многие из них часто физически совершенно слабые субъекты, решительно не способные силой удовлетворять своим дурным инстинктам. Поэтому они стараются пустить в ход весь свой ум и всю хитрость, на какую только способны. Без этого они сделались бы проститутками.

15. Письмом и рисованием преступницы почти совершенно не занимаются. Я никогда не встречал среди них ни одного рисунка, ни малейшей татуировки с намеком на совершенное преступление, никакой, наконец, вышивальной работы, словом, ничего из того, что можно было бы ожидать найти у них. Один только раз мне привелось видеть кое-что, что напоминало собою символические рисунки преступников, именно у Pr. я нашел фотографию ее любовника с двумя крестами на ней, мертвой головой и числом дня, в который она имела в виду убить его,

как она и пыталась в действительности сделать это. Портрет этот она очень заботливо хранила в своей камере как воспоминание о своем покушении.

Точно так же редки среди них и письменные воспоминания об их преступлении. Только у трех преступниц мы нашли заметки, свидетельствовавшие о том, что они занимались составлением своих мемуаров, между тем как среди мужчин этот род эгоистической, так сказать, литературы очень распространен. Две из этих составительниц мемуаров, Lafarge и Bell-Star, отличались, как известно, далеко не дюжинными умственными способностями, между тем как среди преступников субъекты даже с более чем посредственной интеллигентностью также пускаются в подобного рода авторство. Очень редки среди преступниц поэтессы, какой была, например, возлюбленная разбойника Serrato, посвятившая ему свои стихи. Но самым характерным и любопытным документом из всех, когда-либо оставленных после себя преступницами, является замечательная покаянная записка маркизы Brinvilliers, которая потом послужила против нее же уликой к обвинению. По ней можно судить о ее интенсивном религиозном чувстве, заставившем ее излить свое состояние на бумаге, далее, о характерной беспечности преступной натуры ее и о таком извращении ее нравственного чувства, благодаря которому она легкие погрешности против чисто формальных религиозных обрядов ставит рядом с наиболее ужасными преступлениями, как отцеубийство и кровосмешение.

Мы приводим здесь целиком этот любопытный документ, передавая наиболее характерные места его по-латыни:

«Сознаюсь, что я совершила поджог».

«Я пыталась иметь сношение с родным братом, думая об одном из своих знакомых».

«Сознаюсь, что дала яд одной женщине для отравления ее мужа».

«Сознаюсь, что не почитала и не относилась с должным уважением к своему отцу».

«Сознаюсь, что три раза в неделю совершала грех кровосмешения, в общем, быть может, раз триста, а онанировала четыреста или пятьсот раз».

«Я писала любовные письма и признаюсь, что причинила ими большой скандал сестре и своей родственнице; я была в то время еще молодой девушкой, а он – молодым юношей».

«Я находилась долго, в течение 14 лет, в любовной связи с одним женатым господином. Сознаюсь, что я передала ему много денег и всякого добра, так что это меня разорило».

«*Bis peccavi immundum peccatum cum isto*».

«Я признаюсь, что хотя отец мой, видя скандал этот, велел заключить его в темницу, но я тем не менее продолжала видеться с ним».

«Из числа детей моих двое – плод этой любви. Вы увидите, как я устрою их».

«Сознаюсь, что я имела половые сношения раз двести со своим двоюродным братом. Он был холост, и один из моих детей прижит от него».

«С двоюродным братом мужа моего я имела также около трехсот сношений. Он был женат».

«Сознаюсь, что один молодой человек *me stupravit*, когда мне было семь лет».

«Сознаюсь, что *manu peccavisse cum fratre meo* еще до семилетнего возраста».

«Сознаюсь, что *posuisse virgunculam super me* и прижималась к нему... (*sic*)».

«Я признаюсь, что отравила своего отца. Яд преподнес ему один из слуг. Меня терзали угрызения совести, когда слуга этот был схвачен и посажен в тюрьму; я имела в виду поскорей унаследовать от отца его богатства».

«Я отравила своих двух братьев. Один молодой человек был за это колесован».

«Я часто желала смерти моему отцу и брату».

«Я имела желание отравить мою сестру, которая называла ужасным мой образ жизни».

«Я приняла один раз лекарство, чтобы произвести себе выкидыш».

«Сознаюсь, что раз пять или шесть давала яд своему мужу. Но мне становилось жаль его, я начинала хорошо ухаживать за ним, и он выздоравливал. С тех пор он постоянно, однако, болеет. Все это я делала, чтобы быть свободной».

«Сознаюсь, что принимала сама яд и дала его своей дочери, потому что она была красива».

«Я исповедовалась и приобщалась перед Пасхой в течение семи лет, не имея при этом никакого желания исправиться, затем я продолжала вести тот же образ жизни и совершать те же преступления, не исповедуясь уже в них».

«Я подожгла в одном из наших имений дом с целью отомстить».

Weiss также оставила нам несколько сентиментальных страниц своих мемуаров, не представляющих, впрочем, никакого интереса.

Итак, мы должны признать и у преступниц недостаточную деятельность графических центров, которую мы наблюдали уже у нормальной женщины.

16. Приведение в исполнение преступлений. Сложные планы. Ум врожденных преступниц виден, между прочим, также и в том, что преступления их часто замечательно сложны. Причина этого – отчасти их физическая слабость, отчасти – возбужденная чтением романов фантазия. Во всяком случае, для приведения в исполнение планов их часто требуются далеко не дюжинные умственные способности. Иногда они употребляют очень сложные приемы для разрешения относительно простых задач, напоминая в этом отношении человека, который делает большой крюк, чтобы достигнуть близлежащего пункта. Мы уже раньше познакомились с чрезвычайно запутанным планом, который составила себе Gras с целью сделаться богатой вдовой и выйти замуж за своего любовника: равным образом мы упоминали и про своеобразный план княгини R., и про то письмо, в котором ее любовница должна была сознаться, что сама лишила себя жизни. Некая Minna, хотевшая во что бы то ни стало поступить прислугой вместо своей знакомой в один дом, пыталась сперва оклеветать ее перед господами, когда это не удалось, уверить свою знакомую, что последние обманывают ее, обсчитывая на жалованье. Но когда и это не помогло, Minna украла у нее ключ от дверей, прокралась вечером в комнату ее и спряталась под ее кроватью. Ночью она напала на подругу свою, когда та спала, ранила ее и убежала, замкнув за собой двери. На следующий день после этого она преспокойно явилась к господам своей жертвы, предлагая заместить свою больную подругу. Когда же барыня не решилась взять ее, она обещала ей, если она возьмет ее, указать то лицо, которое нанесло рану ее прислуге. Rosa Bent с целью лишить жизни мужа поставила перед кроватью его, когда он спал, котел с кипятком, затем разбудила его, говоря, что его кто-то кличет на улице, и, когда он поднялся с постели, она толкнула его, полусонного, в этот котел.

Очевидно, для создания таких сложных планов нужна более или менее развитая фантазия: такие запутанные комбинации придумываются обыкновенно там, где нельзя пустить в ход физическую силу за отсутствием ее. Поэтому-то именно преступницы, обладающие большой физической силой, никогда не прибегают к таким сложным приемам, а обыкновенно решают свои задачи просто ударом кинжала или топора. Примером может служить Bouhore, которая находила удовольствие в том, чтобы, переодевшись в мужское платье, вступать в бой с мужчинами, имея постоянным оружием увесистый молоток.

Но нередко эти же сложные, запутанные планы обнаруживают замечательную несостоятельность ума даже у самых интеллигентных преступниц: хитроумные комбинации их оказываются, в сущности, невозможными абсурдами, порою даже чистым безумием. Так, например, Morin задумала следующим образом ограбить и потом убить своего врага. Она хотела завлечь его на виллу в одно из предместий Парижа, которую она специально с этой целью наняла, заманить его там в погреб и привязать к колу. В этом же погребе были приготовлены веревки, пистолеты, ружья, шпаги и кинжалы с целью напугать несчастного и заставить его подписать векселя на изрядную сумму. В то же время два помощника ее, переодетые привидениями,

должны были дополнить сцену различными движениями и диким воем, – словом, все было задумано во вкусе какого-нибудь романа г-жи Redcliffe. Очень часто преступницы предусмотрительно заботятся о том, чтобы подготовить себе alibi или иное доказательство своей невиновности, но комбинации их обыкновенно, несмотря на все свое остроумие, бывают неудачны. Так, например, Lafarge, угощавшая своего больного мужа во время болезни его вместо камеди мышьяком, возилась постоянно при всяком постороннем человеке с камедью. Buisson, получившая при убийстве одного старика несколько царапин на лице, повесила свою кошку и затем рассказала всем знакомым с самым свирепым видом, что животное это прыгнуло ей в лицо. Queugon вместе со своим любовником заколола кинжалом своего мужа на его постели, после чего, оправив последнюю, подняла плач и созвала соседей, говоря, что муж ее умер внезапно от кровавой рвоты.

17. Подстрекательство. Врожденные преступницы далеко не всегда являются сами исполнительницами своих преступных замыслов. Очень часто, если они не обладают значительной физической силой, или если жертва не женщина, или если, наконец, нельзя действовать из засады, как, например, при отравлении и поджоге, они не отваживаются сами на преступление. Béridot и Aveline горько жалуются в письмах к своим любовникам на свою слабость. Lavoitte сказала своему сообщнику: «Если б я была мужчиной, я бы сама убила эту богатую старуху». Но в этом уклонении преступниц от личного совершения преступления виден только страх слабого существа; это не есть сопротивление злу, ибо притупленность их нравственного чувства сказывается в подстрекательстве к преступлению сообщника, а преступная натура обнаруживается в том, что инициатива преступления принадлежит именно им самим.

Fraikin, желая отделаться от своего мужа, подыскивала для этого наемного убийцу. Она нашла некоего Devilde'a, который три раза готовился убить ее мужа, но у него каждый раз не хватало на это мужества. После третьей попытки Fraikin с яростью сказала ему: «Чтобы упустить такой удобный случай, нужно быть безмозглой скотиной». В четвертый раз она напоила Devilde'a пьяным, повела в спальню мужа, спряталась в ногах кровати и в самый решительный момент показала ему 1000-франковый билет. Fraikin была при этом настолько хладнокровна, что не забыла предупредить убийцу, чтобы он не хватал ее мужа за волосы, потому что тот носил парик. Albert, которого любовница его Lavoitte подстрекнула убить одну старуху, в следующих словах описывал на суде, как она подговаривала его совершить это преступление: «Прежде всего она начала перечислять мне, сколько богатств у старухи и как мало она ими пользуется; я отказался, но на следующий день Филомена опять завела об этом разговор, доказывая мне, что и на войне убивают людей, но что это не считается, однако, преступлением: поэтому можно и старуху эту укокошить. Бог, говорила она, простит нам, ибо Он видит ту нужду, которую мы терпим». Simon пыталась отделаться от своего больного мужа, пользуясь его слабостью к спиртным напиткам и давая ему выпивать каждый день утром и вечером какую-то жидкость, состоявшую из водки, настоящей на каких-то вредных травах и корнях. Кроме этого, она обещала тому из своих любовников – а их у нее было бесчисленное множество, – который освободит ее от мужа, свою руку и пять франков (это за убийство!). Случай свел ее наконец с Quérangal'ем, слабохарактерным и испорченным юношей, которого она настолько подчинила своей воле, что ей нетрудно было уговорить его совершить это преступление.

18. Похотливость. Преступницы, отличаясь большей частью отсутствием стыда и чувственностью, часто прибегают к разврату как к средству, дающему им возможность совершить то или иное преступление. Они избирают подобный путь, во-первых, потому, что отдаться мужчине – это для них пустяк, который им ничего не стоит, а во-вторых, потому, что благодаря их похотливой натуре помыслы их обыкновенно сосредоточены на удовлетворении половых инстинктов. Вот почему, подготавливая только какое-нибудь преступление, они совершенно бессознательно начинают уже подумывать о возможности воспользоваться для осуществления его

собственным полом. Так, Grass имела в виду погубить своего богатого любовника при помощи половых эксцессов, совершенных над нею. Р., воспитанная одним богатым филантропом и выданная им замуж за человека, оказавшегося вполне достойным ее по своей нравственности, задумала вместе с мужем своим путем шантажа сорвать куш со своего воспитателя. Для этого она однажды пригласила его к себе и, будучи с ним наедине, начала говорить ему, что все считают ее любовницей его и она на самом деле хочет сделаться ею. Затем она начала перед ним раздеваться, стараясь вызвать у него возбуждение сладострастными позами. Но в эту минуту в комнату вошел ее муж, который сделал вид, что он вне себя, застав жену в таком положении, и за поруганную честь потребовал от филантропа, чтобы тот подписал несколько векселей и чеков.

Преступница, желая подбить мужчину на преступление, часто обещает ему в награду свою любовь. Brinvilliers поступала таким образом много раз, а D., продававшая себя всякому, кто только был в состоянии заплатить ей, ни за что не хотела отдаться одному наиболее бесхарактерному поклоннику своему. Когда же она довела страсть его до крайних пределов, то обещала принадлежать ему с условием, если он убьет ее мужа. Часто и поцелуй служит западней для неосторожных жертв. Borde и Dépise закололи своих любовников именно в ту минуту, когда те собирались поцеловать их.

19. Упорство в отрицании своей вины. Особенно характерной чертой преступниц, и преимущественно врожденных, является необыкновенное упорство, с которым они отрицают свою вину, несмотря на самые очевидные, подавляющие улики. Мужчина, убедившись, что ложь его ни к чему не ведет, обыкновенно перестает заператься и сознается; женщина же никогда не сознается в совершенном преступлении и продолжает с величайшей энергией оправдываться, несмотря на всю нелепость ее оправданий. Alessio, Rondet, Jumeau, Saraceni, Buscemi, Béridot, Pearsey и Daudet продолжали отрицать свою вину до последней минуты. Lafarge разыгрывала комедию невинности до самой смерти своей и даже после нее оправдывалась еще в своих мемуарах. Jegado, несмотря на всю нелепость ее показаний, продолжала утверждать, что она не знала, что мышьяк так вреден для здоровья и что вина ее в том только и заключается, что она была слишком добра и доверчива к людям. Ее никак нельзя было заставить сознаться в совершенном преступлении.

Если преступницы не вполне отрицают свою вину, то часто для оправдания выдумывают такие длинные, невероятные и нелепые истории, что даже ребенок и тот не мог бы им поверить. Однако, несмотря на это, они настаивают на правдивости своих показаний с величайшим упрямством. Dasquignié утверждала, что убила своего мужа, защищая собственную жизнь, хотя на ней не найдено было ни малейших следов борьбы. Затем она созналась, что нанесла ему только один удар кинжалом, между тем как на трупе убитого было найдено шесть ран. Точно так же оправдывалась на суде и D. Lafarge, попавшая на скамью подсудимых за похищение бриллиантов, выдумав для своей защиты целый роман, очень запутанный и нелепый, а Hoegeli уверяла, что она только хотела слегка наказать своего ребенка и если он умер, то это просто несчастная случайность. Dépise, которая подстерегла своего любовника и из засады нанесла ему рану, утверждала, что любовник ее бил, повалил на землю и натравил даже на нее собаку. Prager показала на суде, что спрятала в комнате мужа своего брата, вооруженного револьвером, только для того, чтобы он достал ей несколько очень важных компрометирующих ее в бракоразводном процессе писем. При этом она ни за что не хотела сознаться, что письма эти служили доказательством ее супружеской неверности. Что же касается револьвера, то он был взят, по ее словам, только лишь с целью пригрозить мужу. Очень часто преступницы во время процесса меняют свою систему защиты по несколько раз, совершенно не думая о том, что такие частые перемены в их показаниях должны в высшей степени поколебать доверие судей к словам их. Goglet, поджегшая дом с целью погубить в огне своего старого мужа, показала сперва, что поджог совершил какой-то неизвестный ей мужчина, в которого она даже стреляла, но

промахнулась; потом она изменила свое показание и стала утверждать, что она не есть вовсе сама Goglet, а только подруга ее, похожая на нее по цвету волос, и что она из дружбы к этой Goglet согласилась ухаживать за ее больным мужем. Когда же последний настаивал на том, что эта женщина и есть именно его жена, у нее хватило дерзости заявить, что человек этот после операции плохо видит и потому ошибочно принимает ее за свою жену.

«Преступница, – говорит Rukége, – больше софистична и хитра, нежели преступник. Она всегда находит отговорки и оправдания, поражающие своею неожиданностью и странностью». «Девушки, – пишет пастор Agnoux, – не только больше мальчиков подвержены злу, но они также лгут более ловко и дерзко, чем они, с большей смелостью рассказывают разные выдуманные ими истории и превосходят их в искусстве лицемерить».

В общем, оправдания преступниц также отличаются сложностью и нелепостью, т. е. той именно запутанностью, которую мы так часто находим в планах их преступлений. Мы опять встречаемся здесь со свойственной даже нормальным женщинам лживостью, но осложненной и доведенной до крайних пределов. Преступницы эти лгут прямо в глаза с таким упорством, несмотря даже на самые очевидные улики, потому что они вообще малочувствительны к истине и не могут вообразить себя на месте судей, убежденных массой доказательств в их виновности. Логичность фактов не имеет в глазах их никакого значения, потому что они, как женщины, не признают силы неоспоримой убедительности и думают, что все рассуждают так же, как и они.

Прибегая ко всевозможным выдумкам с целью оправдать себя в глазах судей, преступницы совершенно не видят всей нелепости их, ибо в них очень слабо развита та логика мышления, которая должна была бы удерживать их от противоречий. К этому присоединяется еще действие самовнушения, благодаря которому они в конце концов начинают сами верить в часто повторяемую ими ложь, – самовнушение, влияние которого тем сильнее, чем скорее сглаживается из их памяти воспоминание о совершенном преступлении. С течением времени, когда истинная суть самого злодеяния ими почти совершенно забыта, они помнят только свой собственный вымысел, не заботясь уже о том, насколько он соответствует истине. Поэтому ложь сопряжена у преступниц с ничтожным напряжением их умственных способностей, и так как на характер вымысла они обращают тоже мало внимания, то вся энергия их сводится к упорному повторению его без колебаний и неуверенности, благодаря чему они нередко вселяют доверие к своим словам даже в сердцах судей и присяжных заседателей.

20. Самообличение. Благодаря тому противоречию, которое мы так часто встречаем в характере женщины, у преступниц рядом с упорнейшим отрицанием ими своей вины наблюдается подчас неожиданное добровольное стремление обличить себя. Явление это объясняется различными причинами. В одном случае дело сводится к потребности поболтать и поделиться с другими своей тайной, что – как мы видели – характерно для женщин. Так, например, G. Bompard рассказывает во время морского переезда из Америки во Францию одному пассажиру, некоему Granger, много подробностей про Eугауд. Затем, находясь уже в Париже, где все газеты были полны ею и ее любовником, она не может удержаться, чтобы не сообщить тому же Granger, что она и есть именно эта разыскиваемая Bompard. Faure, облившая серной кислотой своего любовника, приняла такие меры предосторожности, что преступление ее осталось бы нераскрытым, если б она сама не рассказала о нем одной подруге своей. Очевидно, она испытывала потребность поделиться с кем-нибудь радостью по поводу удачной мести, для того чтобы лучше насладиться ею. Конечно, при всем этом играют известную роль легкомыслие и неосторожность преступниц, которые охотно разговаривают о своем преступлении, не думая о связанной с этим опасности¹⁷⁷.

¹⁷⁷ Lombroso. Uomo delinquente. T. 1.

В другом случае самообличение выражается в иной форме. Так как неосторожность преступницы никогда не заходит так далеко, чтобы сообщить кому-нибудь план задуманного ею преступления до того, как оно приведено в исполнение, то она удовлетворяет своей потребности говорить о преступлении косвенным образом; отравительница, например, обнаруживает преувеличенную заботу о здоровье намеченной жертвы: она старается казаться печальной и то и дело выражает свои опасения, что последняя не проживет долго, хотя в настоящую минуту, по-видимому, и совершенно здорова. Если жертва легла в постель, отравительница еще задолго до того, как у других явится мысль о какой-нибудь серьезной болезни, уже начинает беспокоиться насчет дурного исхода ее. Все это направлено к тому, чтобы так или иначе иметь возможность говорить о замышляемом или совершенном преступлении. Когда Lafarge отослала своему мужу отравленный пирог, она тотчас же сообщила нескольким знакомым, что у нее есть тяжелое предчувствие потерять кого-нибудь из близких ей, и осведомлялась насчет того, какой траур носят вдовы в этой местности. Наги, отравившая жену своего любовника Rogier, сказала окружающим, когда у последней обнаружили только первые признаки отравления: «Я вам говорю, что она долго не протянет; где это видано, чтобы молодой мужчина мог жить с такой женой, которая его ненавидит». Точно так же и Jegado, когда одна из ее жертв заболела и все еще думали о легком, пустом заболевании, выразилась следующим образом: «Она умрет от этого, можете мне поверить; от такой болезни не выздоравливают; бегите лучше за священником».

Женщины находят особенное удовольствие в том, чтобы много говорить о совершенном преступлении, потому что они при этом мысленно переживают его и продолжают испытывать то наслаждение, которое доставляет оно им. Так, Jegado всегда говорила только про мертвых и про похороны, так что один свидетель выразился даже про нее на суде: «*Sa conversation était la conversation des morts et des défunts*»¹⁷⁸. Совершенно понятно, почему женщина говорит гораздо больше и чаще мужчины о своем преступлении: беседа – это единственное доступное средство переживать его, между тем как мужчина может прибегать с этой целью к кисти и письму, которые редко доступны женщинам. Женщина должна болтать о своем преступлении, между тем как мужчина может нарисовать его, описать или даже просто выцарапать на стенке, сосуде и т. п.¹⁷⁹

Своеобразной формой самообличения является часто признание преступниц перед своими любовниками в совершенном преступлении даже в тех случаях, когда любовники ничего подобного от них не требуют и не подозревают никакого преступления. Такой документ часто появляется потом на сцене в виде доказательства их виновности, и в тех случаях, когда любовь их к своим любовникам миновала, они идут на новое преступление, чтобы избавиться от этих опасных для них лиц. Так, Virg., разошедшись со своим любовником Signorino, убила его, боясь, что он ее выдаст, имея в руках доказательство совершенного ею преступления. Menghini доверила тайну отравления ею мужа своему любовнику Ottavi, и, когда последний бросил ее, она подговорила своего нового обожателя убить его, чтобы отделаться от такого опасного человека.

Подобное признание является естественным следствием возникающей между любовниками склонности к безграничной откровенности и указанной нами раньше потребности любящей женщины приносить в жертву любимому человеку не только свое «я» и свое тело, но также свою душу и судьбу. Чем дороже принесенная ею жертва, тем счастливее она, а разве есть у нее что-нибудь, что она должна была бы тщательней скрывать, чем сознание и доказательства своей преступности? Она предпочитает отдаться связанная по ногам и рукам своему любовнику, вполне полагаясь на его усмотрение. Преступная натура ее сказывается в беспечности,

¹⁷⁸ «Ее речь была речью мертвых и погребенных» (*фр.*).

¹⁷⁹ Lombroso. Uomo delinquente. Т. 1. С. 322.

мешающей ей задуматься над неизбежным концом ее временной любви, и в отсутствии всякого нравственного чувства, при котором самое тяжелое преступление кажется ей небольшим проступком. Как могла бы женщина, у которой не притуплено еще вполне моральное чувство, осмелиться открыть свою преступную душу честному любовнику, не боясь, что подобное признание оттолкнет его от нее и вселит к ней отвращение, несмотря на то, как бы ни дорожил он на первых порах ее взаимностью.

Преступницы часто выдают своих любовников, соучастников их преступлений, из чувства ревности, покинутые ими, но нередко причиной подобной измены с их стороны является не ревность и желание мстить, а тонкий расчет избавиться от угрожающей им опасности, которая с минуты на минуту увеличивается. Они надеются заслужить себе таким образом снисхождение, особенно если они молоды и недурны собою. Крайнее непостоянство их привязанностей, в силу которого они ко вчерашнему божеству и кумиру относятся сегодня равнодушно или даже с отвращением, играет при этом значительную роль. Известно, что разбойничьи шайки ничего так не боятся, как доноса женщин. *Bompard*, не задумываясь, передала в руки правосудия своего несчастного соучастника, который был до известной степени ее жертвой. *Bistor* был арестован по доносу своей любовницы *Perrin* именно в ту минуту, когда направленное против него следствие должно было прекратиться за недостаточностью улик.

Благодаря всем только что перечисленным моментам доносы и разоблачения со стороны преступниц – явление довольно частое. Этим объясняется, почему интеллигентные преступники всегда относятся с величайшим недоверием к женщинам. В шайке *Chevalier* и *Abadie* были только две женщины, именно их любовницы; прочие же члены шайки ни под каким видом не должны были обзаводиться постоянными сожительницами.

21. Заключение. Таков нравственный облик врожденной преступницы, которая обнаруживает большую склонность сливаться с мужским типом. Мы находим и в криминальной ее психологии атавистическое ослабление ее вторичных половых признаков, которое мы уже отметили при антропологическом изучении. Ее усиленная половая чувствительность, слабый материнский инстинкт, склонность к бродячей, рассеянной жизни, интеллигентность, смелость и способность подчинять своей воле путем внушения слабохарактерные существа, наконец, ее тяготение к мужскому образу жизни, мужским порокам и даже к мужской одежде – все это изобличает в ней то одну, то другую особенность чисто мужского характера. Ко всему перечисленному следует прибавить еще отвратительные черты, свойственные исключительно женской натуре, как мстительность, коварство, жестокость, лживость, страсть к нарядам и пр. и пр.

Все эти качества выражены то в большей, то в меньшей степени у отдельных индивидов. Некоторые из них, например *Bouhors*, обладают громадной физической силой, но плохими умственными способностями. Другие, как *P.*, физически слабы, но зато отличаются умом и замечательной изобретательностью. Там же, где все эти черты соединены вместе, мы имеем дело с самыми ужасными, по счастью редкими, типами женской преступности. Такою именно была *Bell-Star*, еще недавняя гроза и ужас жителей Техаса. Уже воспитание ее сильно благоприятствовало развитию ее природных качеств характера. Именно будучи дочерью одного партизанского предводителя партии Юга в войне 1861–1865 годов, она провела свое детство и юность среди ужасов, грабежей и убийств, которыми эта война сопровождалась, и в десять лет уже отлично владела, к общему удовольствию окружающих, лассо, револьвером, ружьем и *boure knife*. Сильная и смелая, как мужчина, она охотнее всего объезжала диких лошадей и однажды в Окленде выиграла в течение одного и того же дня два приза на скачках. Она была очень чувственная натура и никогда не удовлетворялась одним любовником; у нее их было столько, сколько *desperados* и *outlaws* было в Техасе, Канзасе, Небраске и Неваде. В 18 лет она стояла уже во главе шайки диких бандитов, которых вполне подчинила своей воле умом и обаятельной наружностью. С этой бандой она нападала на города и грабила их, давая насто-

ящие сражения отрядам правительственных войск. Иногда она одна, переодетая мужчиной, появлялась в многолюдных местах среди белого дня. Однажды она провела ночь в той самой гостинице, где находился судья, разыскивавший ее, и даже ночевала в одной с ним комнате, причем последний, конечно, и не подозревал, что его товарищ по комнате – женщина. Судья этот накануне хвастал за общим столом, что он, наверное, узнал бы Bell-Star и схватил бы ее, если б ему пришлось где-нибудь с ней встретиться. Наутро, после ночи, проведенной вместе, она назвала себя, обругала судью, избила его кнутом, вскочила на лошадь и умчалась. Она оставила мемуары. Самым горячим желанием ее было, как говорила она, умереть в сапогах. Желание ее исполнилось, потому что она была убита во главе своей шайки во время одной стычки с правительственными войсками.

Другим замечательным разбойником в юбке была француженка Zélie. Очень одаренная от природы, прекрасно владевшая тремя языками, привлекательная по своему уму и наружности, она уже с детства отличалась вероломным характером и чувственностью. Попав благодаря одной любовной истории в общество североамериканских бандитов, она сделалась атаманом одной шайки их. Гордая и храбрая, она выступала во главе их навстречу всякой опасности и никогда не теряла своего мужества: на краю пропасти при экспедиции в горы, во время землетрясения, эпидемии и в бою – она была постоянно одинаково спокойна. Умерла она в одной французской больнице для психических больных при явлениях очень тяжелого истерического припадка.

Многokrатно упоминаемая Ottolenghi 17-летняя воровка и проститутка М. R. начала свою карьеру тем, что на 12-м году обокрала своего отца и растратила со своими подругами украденные деньги на лакомства. В 15 лет она убежала из дому с одним любовником, но скоро оставила его, чтобы отдаться проституции, и организовала в 16 лет настоящую торговлю 12–13-летними девочками, которых продавала за громадные деньги богатым мужчинам, уделяя из своих доходов этим несчастным детям по несколько су. Не довольствуясь этим, она вымогала еще у своих богатых клиентов значительные суммы денег, угрожая им публичными скандалами. Из мести она совершила два тяжких преступления, в которых сказались основные черты ее характера: жестокость и хитрость. Она заманила за город одну из товарок своих, дурно отзывавшуюся о ней, и, пользуясь пустынностью места и наступившими сумерками, напала на нее, повалила на землю и била ключом до тех пор, пока та подавала еще признаки жизни. После этого она преспокойно вернулась в город. Когда кто-то ей заметил, что она могла таким образом убить свою товарку, она отвечала: «Ну так что ж? При этом свидетелей не было!». В другой раз говорили о том, что ключом убить человека нельзя. «Отчего, – возразила она, – если бить сильно в виски, можно убить и ключом». Другая жертва ее была одна из ею же проданных девочек, красота и успехи которой в качестве кокотки возбудили такую зависть и ненависть ее, что она подсыпала ей в кофейне яд в чашку кофе, и та спустя несколько часов умерла.

Приведенные случаи подтверждают раньше сформулированный нами закон, что настоящие женские преступные типы более ужасны, нежели мужские.

Случайные преступницы

Рядом с врожденными преступницами, являющимися типичными представительницами самой полной и абсолютной нравственной извращенности, находится другая, значительно большая группа преступниц, порочность и испорченность которых достигают сравнительно незначительной степени и у которых не отсутствуют душевные достоинства, свойственные специально женщинам, как стыдливость и материнский инстинкт. Мы говорим о случайных преступницах, составляющих большинство среди преступных женщин.

1. Физические признаки. У этого класса преступниц не наблюдаются какие-нибудь особенные дегенеративные признаки, и исследованные нами женщины в 54 % совершенно свободны от них. Равным образом у них не встречается аномалии в области чувств: например, в 15 % их вкусовое чувство и в 6 % – обонятельное оказались очень тонкими и т. д.

2. Нравственные качества. То же самое замечается и в отношении нравственных черт характера этого класса преступниц. Guellot в следующих словах описывает типичных случайных преступниц: обыкновенно они более мужчин доступны чувству раскаяния, скорее возвращаются на путь добра и реже рецидивируют в преступлении, если не считать, конечно, некоторых исключений, которые представляют собою совокупность всякого рода пороков... При знакомстве они легко завязывают друг с другом теплые, сердечные отношения.

Надписи, делаемые мужчинами на стенах в тюрьмах, содержат обыкновенно всевозможные проклятия, угрозы, дурачества или же непристойности; напротив, надписи женщин всегда приличны и говорят преимущественно о любви и раскаянии. Вот некоторые собранные нами образчики их:

«В этой клетке, где томлюсь я, вдали от тебя, мой милый, я страдаю и вздыхаю о тебе».

«Жан меня более не любит, но я его вечно буду любить».

«Вы, которым придется сидеть в этой камере, называемой „Sourcière“, если вы не разлучены с любимым существом, горе ваше – наполовину горе».

«О чем может говорить в этом одиночестве мое сердце, кроме тех страданий и мук, которые переносит оно из-за моего милого».

«Генриетта любила своего дружка, как только может любить женщина, но теперь она его ненавидит».

«Клянусь никогда не повторять более этого, потому что довольно с меня этих мужчин; любовь – причина того, что я теперь нахожусь здесь; я убила своего любовника; не верьте мужчинам – они все лгуны».

«Людской суд – пустяки; божеский – это все».

«Бог по бесконечному милосердию своему милует и нас, грешных».

«Пресвятая Дева, Богородица, прибегаю к Тебе и ищу Твоей защиты».

Чувство стыдливости также очень развито у этой категории преступниц. В Париже многие из них всячески сопротивляются своему заключению вместе с проститутками в тюрьму St.-Lazare. Масе пишет по этому поводу следующее: «Женщины эти всеми силами стараются не попасть в тюрьму St.-Lazare, которая внушает им отвращение. Для них заключение в ней – это стыд и вечный позор. При одной только мысли об этом они приходят в ужас, и ни одна женщина не соглашается следовать туда добровольно». Точно так же и Guillot наблюдал известный антагонизм между проститутками и преступницами, содержащимися в этой тюрьме. Последние питают очевидное отвращение и презрение к продажным женщинам, которые в свою очередь платят им той же монетой. Напротив, врожденная преступница не будет относиться подобным образом к проститутке: отсутствие у нее стыдливости хорошо согласуется с полным бесстыдством этой последней.

Guillot отмечает у заключенных чувство живой материнской любви, питаемой ими к своим детям. Очевидно, что речь идет здесь только о случайных преступницах, потому что мы уже убедились на многочисленных примерах, что у врожденных преступниц материнский инстинкт совершенно отсутствует. «В тюрьме св. Лазаря, – пишет Guillot, – у заключенных часто доходит дело до ревности и неприязненных стычек благодаря чувству материнской гордости. Каждая мать хочет, чтобы более всего восхищались и любовались ее ребенком, чтобы все считали его самым здоровым и красивым. Разрешение от бремени в тюрьме приводит в сильнейшее возбуждение все население ее; буйные арестантки, которых нельзя было смирить даже арестом в темном карцере, успокаиваются и делаются послушными, как только им угрожают разлучить с детьми». Кроме стыдливости и материнской любви мы находим у случайных преступниц и другие нежные и благородные чувства, свидетельствующие о том, как мало отклоняются они от нормального женского типа. Так, Guillot отмечает их доверие и привязанность к своим адвокатам, в которых они видят нередко истинных защитников своих и к которым привязываются с почти детской доверчивостью, особенно если они молоды и недурны собою. Так, одна надпись гласила следующее: «Меня арестовали за то, что я украла 2000 франков, но это ничего – у меня есть адвокат». В этом видна характерная потребность женщины в посторонней опоре. У врожденной преступницы эта черта характера совершенно отсутствует: наполовину мужчина по своим привычкам, эгоистичная до крайней степени, она ищет не защиты, но подчиненности и удовлетворения своих страстей. У случайных преступниц эта потребность в опоре вырастает нередко в самоотверженную любовь, между тем как врожденные преступницы знают одну только лишь грубую чувственность. «Они, – говорит Guillot, – отлично понимают разницу между такими женщинами, которые из желания спасти своего любовника компрометируют его, как это было в процессе Pranzini, и другими, которые выдают своих любовников с целью отделаться от них или спасти собственную шкуру, как это имело место в процессах Marchandon'a и Prado. Они сочувствуют первым, на месте которых они поступили бы точно так же, но презируют и ненавидят других, у которых оказалось так мало самоотверженности и великодушия». Так, Gabrielle Fényayron, предательски выдавшая своего любовника, во время своего содержания в тюрьме St.-Lazare не смела показаться во дворе, потому что на нее напали бы все прочие арестантки и учинили бы с ней жестокую расправу. Итак, случайная преступница способна к истинной любви, между тем как врожденная – только к грубому удовлетворению своих похотливых инстинктов.

Но чтобы лучше понять характер этих случайных преступниц, мы должны рассмотреть с психологической точки зрения те обстоятельства, которые увлекают их на путь преступления.

3. Внушение. Очень часто женщина совершает преступление даже помимо своего желания, благодаря внушению со стороны любовника или кого-нибудь из окружающих, как, например, отца, брата и т. п. «Эти, – сказала нам одна тюремная надзирательница о случайных преступницах, – не поступают как мужчины: их доводят до преступления не дурные страсти, но воля их любовников, для которых они воруют и жертвуют собой часто без всякой пользы для себя».

Характерными чертами преступлений этих женщин являются: продолжительность времени, которое необходимо, пока лукавый – по выражению Sighele – не попутает их, затем неуверенность при совершении преступления и, наконец, раскаяние после него¹⁸⁰.

Некую L. любовник ее уговорил отравить своего мужа, для чего и дал ей пузырек с серной кислотой. Но у нее не хватило духу исполнить задуманное преступление, и она, растерявшись, в решительный момент уронила на пол пузырек с кислотой и призналась во всем мужу.

Guiseppe P., сирота 17 лет, была обольщена одним богатым стариком, который потом женился на ней. Но брак этот был несчастлив, и муж оставил ее, когда она родила дочь, которую

¹⁸⁰ Sighele. La coppia criminale, 1893; Arhiv. di Psych. XIII и XIV.

он не хотел признать своим ребенком. Guiseppina была предоставлена самой себе с ежемесячной пенсией в 30 франков после той роскоши, в которой она жила до этого. Она начала вести беспорядочную жизнь и сделалась любовницей некоего Guillet, грубого, развратного крестьянина, совершенно подчинившего ее своей воле и задумавшего воспользоваться ею для убийства ее мужа, богатством которого он хотел воспользоваться. Она уступила его требованиям и, арестованная вместе с ним, высказала на суде раскаяние в следующих словах: «Бог простит мне этот грех, потому что я была так несчастлива, без всяких средств, не имея даже куска хлеба. Когда я обращалась к родственникам за помощью, они грубо меня отталкивали. Потом я встретила с Guillet, который меня погубил. Он причина моего несчастья и преступления».

М. R., женщина без каких-нибудь тяжелых дегенеративных признаков, отличавшаяся постоянно трудолюбием и честностью, покинула родительский дом, чтобы избавиться от пытавшегося изнасиловать ее отца и брата, толкавшего ее на путь проституции, чтобы иметь возможность жить на ее счет, ничего не делая. Она убежала с одним негодяем, которого любила и любовницей которого она, конечно, сделалась. Но, не находя работы, молодые люди скоро впали в большую нужду, и любовник заставил ее принять участие в ограблении одного магазина золотых вещей, на что она согласилась только после долгого сопротивления, и то потому, что он угрожал в противном случае бросить ее. Но при этой краже она вела себя так неловко и неуверенно, что легко была поймана, не делая даже попыток к бегству или сопротивлению. Она во всем созналась и раскаялась. При ближайшем знакомстве с нею мы находим у нее некоторые мужские черты, как, например, большую физическую силу, энергию и отсутствие материнской любви. Перед родами она говорила всем, что ее будущий ребенок интересует ее очень мало.

Особенно часто подвергаются внушению любовницы и соучастницы воров. По этому поводу Guillot говорит: «Для них совершают мужчины большинство своих краж. Часто они действительно не знают, откуда те достают средства на удовлетворение их прихотей, но нередко они умышленно закрывают на это глаза, делая вид, что ни о чем не догадываются, так как у них не хватает сил противостоять злу, или же они поддаются угрозам и ослепляющей их страсти». К этому классу случайных преступниц, находящихся под влиянием внушения, принадлежит большинство женщин, осужденных за производство себе выкидышей, между тем как детоубийцы, напротив, ближе подходят к типу преступниц, действующих под влиянием страстей. Инициатива и производство выкидыша редко, как справедливо замечает Sighele, принадлежат женщине: обыкновенно мужчина первый настаивает на аборте, боясь беременности своей возлюбленной и родов. Так было в случае Fouroux, заставившего абортировать свою любовницу, жену одного морского офицера, бывшего в отлучке, с которым он находился в дружественных отношениях. Giorgina Bogas, изнасилованная и забеременевшая от любовника своей матери, разрешившись от бремени, помогала умертвить свое новорожденное дитя, следуя его требованиям. Влияние его на эту кроткую женщину было так сильно, что она на суде, для спасения его и своей матери, взяла всю вину на себя. Lemaire, изнасилованная своим родным отцом, абортировала по его настоянию два раза, но здесь на девушку действовало уже не столько внушение, сколько страх; она ненавидела и боялась своего отца, который был на все способен, но не смела послушаться его, потому что в противном случае он пускал в ход кулаки и запирали ее в ужасный погреб. Когда однажды она попробовала выйти из дома без его позволения, жестокий отец поставил ее на колени на острую косу и в таком положении заставил ее просить у него прощения.

Иногда внушение есть следствие влияния не столько властного, с сильной волей любовника, сколько заразного примера. Беременность оказывается для девушки в один прекрасный день неожиданным сюрпризом; она была бы счастлива выйти как можно скорей из такого компрометирующего положения, но решительно не знает, как это сделать. Тогда на сцену обыкновенно является какая-нибудь услужливая подруга, удачно выпутавшаяся из подобного же положения. Она указывает ей на опытную акушерку, к которой следует обра-

таться, описывает ей всю эту процедуру выкидыша как очень простую и нисколько не опасную для здоровья, уверяет, что об этом никто не узнает, как не узнали и про нее, – словом, уговаривает ее решиться. Весь этот процесс внушения, начиная первой мыслью об аборте и кончая твердо принятым решением произвести его, как нельзя лучше рисует следующее письмо, найденное в бумагах одной акушерки:

«Милостивая государыня!

Одна подруга моя, г-жа Х., посоветовала мне обратиться без всякого стеснения к вам и вполне положиться на вашу скромность. У меня к вам очень щекотливое дело: я беременна, и эта беременность приводит меня просто в отчаяние. Я хорошо знаю, что любовник мой покинет меня, как только у меня будет ребенок, и этого я больше всего боюсь; пока же он об этом еще не подозревает. Моя подруга уверила меня, что вы можете освободить меня из этого положения без опасности для моего здоровья и без того, чтобы кто-нибудь об этом узнал. Будьте добры назначить, где мы можем увидеться с вами, и примите уверение в моей вечной благодарности».

В других случаях мотивом выкидыша является очень большое число детей или бедность. Мысль об аборте кажется вполне естественной: к чему увеличивать число бедняков на свете еще одним существом? Так рассуждают даже матери, которые любят своих детей и, вероятно, любили бы и это имеющее родиться дитя, если бы оно своим рождением не ухудшило их материальное положение. В подобном взгляде нет, по мнению их, ничего преступного: здесь убивается не живое существо, а нечто еще не существующее, что живет пока лишь в одних мыслях. Об одном таком процессе, в котором Zola был в числе присяжных заседателей, он потом рассказал редактору Figaro следующее: «На скамье подсудимых сидела женщина, имевшая уже после трех родов четырех детей и в один день заметившая, что она опять беременна. Муж ее был поденный рабочий и зарабатывал очень мало. Бедная женщина жалуется на свое тяжелое положение соседке, и вдруг ей приходит в голову мысль: *si je savais comment faire passer ça!*¹⁸¹ Соседка ее такого средства не знает, но слышала о женщине, которая знает его. Они вместе отправляются в прачечную искать ее. Дело кончается тем, что она вводит себе толстую иглу – и выкидыш готов. За это она дает своей спасительнице все, что у нее есть, – 4 франка... И вот все три женщины попадают пред ассизный суд... Скажите, хватило бы у вас духу осудить этих несчастных плачущих женщин, которые имеют вместе девять детей? Что касается меня – то у меня его не хватило!».

Мы находимся здесь перед искусственным созданием преступного импульса на почве внушения, которое совершенно аналогично более сильному по своим результатам гипнотическому внушению. Конечно, и здесь, как при гипнозе, субъект следует, собственно, только тем внушениям, которые наиболее отвечают его характеру, так как извне исходящему импульсу к преступлению соответствует здесь внутренняя скрытая склонность к нему, которая не настолько сильна, однако, чтобы проявиться самостоятельно, как у врожденных преступниц. Очевидно, мы имеем здесь дело с редуцированной формой криминального предрасположения, сохраняющего только известные черты врожденной преступности: у одних наблюдается отсутствие материнского чувства, склонность к беспорядочному образу жизни, непостоянство и быстрая возбудимость в эротическом отношении при легкой решимости на преступления; другие, напротив, ближе стоят к нормальной женщине, трудно поддаются преступным искушениям и, поддавшись им, скоро испытывают искреннее раскаяние в этом.

Таким образом, от нормальной женщины к преступной ведет целая серия более или менее сложных типов случайных преступниц.

Внушение преступления почти всегда исходит от любовника: половое влечение и доверие, питаемое к любимому мужчине, делают ее особенно доступной подобному внушению, тем

¹⁸¹ Надо найти средство, как от этого избавиться! (фр.)

более что многие из этих преступниц способны, как мы уже видели, на настоящую, самоотверженную любовь. В некоторых случаях они совершенно подчинены воле своих любовников, которые неограниченно распоряжаются их судьбами.

Очень редко внушение исходит и от женщины, как это было, например, в случае Юлии Vila. Vila находилась в очень дружественных отношениях с некоей Марией Меуег, особой двусмысленного поведения, которая совершенно подчинила ее себе и избрала ее орудием мести своему вероломному любовнику. Vila разделяла негодование своей подруги, выставившей его в самом мрачном свете, и согласилась облить ему лицо серной кислотой. Непосредственно после своего поступка она испытала раскаяние и, арестованная, со слезами на глазах призналась, что не могла устоять против внушения более сильного, нежели ее воля.

Фердинанда К., немка по своему происхождению, организовала в Париже с замечательной ловкостью и энергией целую шайку домашних воровок, которых выдрессировала с чисто военной выправкой. Она завязывала отношения со всеми боннами и горничными, потерявшими свои места из-за какого-нибудь небольшого проступка (например, незначительной кражи) и сильно нуждавшимся, доставляла им хорошие места при помощи фальшивых аттестатов и заставляла красть и приносить к ней ценные вещи, которые она сбывала, уделяя себе при этом, конечно, львиную долю. Замечательно, что никто не осмеливался ослушаться ее приказаний или утаить что-нибудь из украденного для себя. Rondest, закоренелая преступница, убившая свою мать, чтобы избавиться от необходимости содержать ее, имела подругу, которая постепенно начала делить ее ненависть к матери ее и сделалась как бы личным врагом старухи. Она часто била ее, приговаривая, как и Rondest: «Довольно уже с меня того, что я должна тебя кормить еще», – точно это и в самом деле лежало на ее обязанности. Мы имеем здесь случай ненависти «à deux» в том смысле, как психиатры говорят о помешательстве «à deux».

У нормальных женщин подобное явление не наблюдается, потому что между ними дружбы, собственно говоря, нет. Самая дружба есть, как думает Sighele, также не более как особый вид внушения, которое может заходить так далеко, что одна более сильная натура совершенно подчиняет себе другую, более слабую. Поразительно то, что такая дружба встречается только у преступниц: среди нормальных же женщин она – повторяем – невозможна благодаря особого рода скрытой враждебности, постоянно существующей между ними. Итак, дружба – это особый вид внушения, которое – как и всякое внушение – имеет место тогда, когда один индивид значительно уступает другому в степени своего умственного развития. Но нормальные женщины в большинстве случаев представляют, как известно, в умственном отношении совершенно однородную массу и вполне походят одна на другую: среди них совершенно невозможны ни внушение, ни подобного рода дружба, выражающаяся взаимным подчинением одного субъекта другому. Зато между отдельными преступницами наблюдаются, в силу вырождения, огромные различия в умственном развитии, нередко доходящие до чудовищных размеров, благодаря которым может иметь место факт внушения: так, нравственно уродливая врожденная преступница, почти мужчина по своим особенностям, может влиять и подчинять себе полупреступную женщину с ее скрытыми дурными инстинктами.

4. Образование. Обстоятельством, которое все чаще и чаще служит причиной преступности многих нормальных в нравственном отношении женщин, является странное противоречие, благодаря которому им позволяется получать высшее образование, но они не могут применять его служением обществу на поприще тех или других свободных профессий. Многие интеллигентные женщины, потратив массу денег и труда на свое образование, в один прекрасный день убеждаются, что они ничего им не достигли. Испытывая нужду и вполне справедливо сознавая, что они заслуживают лучшей участи, они лишены даже надежды выйти замуж, потому что мужчины не любят обыкновенно истинно образованных женщин. Итак, им остается выбор между самоубийством, преступлением и проституцией; честные девушки предпочитают первое, другие – делают воровками и проститутками. Массе сообщает, что многие

девушки в Париже, готовящиеся к педагогической деятельности, заканчивают свою карьеру в тюрьме св. Лазаря, куда они попадают обыкновенно за воровство перчаток, вуалей, зонтиков и тому подобных принадлежностей туалета, на покупку которых у них нет средств. Потребности, связанные с их профессией, служат для них ближайшими причинами их падения. Массе говорит, что число гувернанток в Париже без мест с элементарным и высшим образованием так велико, что диплом или звание учительницы дает меньше права надеяться на кусок хлеба, чем сделаться воровкой и проституткой или же покончить жизнь самоубийством.

М., дочь одной эксцентричной, непрактичной женщины, получившая высшее литературное образование и достигнувшая даже ученой академической степени, но не подготовленная, однако, ни к какой практической деятельности, очутилась в 23 года круглой сиротой и без всяких средств к жизни. Она искала место гувернантки, но напрасно, и в конце концов должна была сделаться сельской учительницей в одной деревне. Но и это скромное место она скоро потеряла, так как население деревни этой не захотело иметь учительницей протестантку. Она снова очутилась в очень бедственном положении, выход из которого она нашла в том, что брала в долг драгоценности у ювелиров, продолжавших считать ее богатой девушкой, и закладывала их или продавала за полцены. Окончательно запутавшись в подобного рода мошеннических проделках, она была арестована и умерла в тюрьме еще до суда над ней от стыда и перенесенных лишений.

5. Искушение и соблазн. Преступления, особенно против собственности, являются часто последствием искушения, которому не в состоянии противиться женщина, даже почти совсем нормальная. Говоря о нравственности нормальной женщины, мы уже видели, что у нее слабо развито уважение к чужой собственности. Между прочим, подтверждение этого мы находим в обстоятельстве, указанном Richet, что в парижское бюро утерянные вещи доставляются почти исключительно мужчинами. Одна опытная, образованная женщина уверяла нас, что женщине очень трудно не мошенничать во время игры. Понятно, что там, где и без того имеется такое слабое представление о неприкосновенности чужой собственности, не требуется особенно сильного искушения, чтобы нарушить ее, и нельзя еще считать женщин тяжело дегенерированными только за то, что они смотрят на подобный поступок против чужой собственности как неуместный или, вернее, дерзкий проступок, но отнюдь не как на преступление. «Женщины, – справедливо замечает Joly, – имеют какое-то непонятное представление о том, что им все позволительно относительно мужчин, так как они все искупают своей лаской и своим подчинением им». Воровство в магазинах сделалось специальным видом женской преступности со времени возникновения теперешних чудовищных базаров. Мысль о воровстве является здесь у женщины как бы сама собою при виде бесчисленного множества разбросанных товаров, возбуждающих аппетит и желания, которые, однако, могут быть удовлетворены лишь в весьма незначительной степени. Искушение тем значительнее, что наряды являются, как известно, для женщины необходимостью, средством привлечь к себе другой пол. Особенно велик соблазн украсть что-нибудь в больших магазинах, между тем как в маленьких магазинах подобные скандалы почти никогда не случаются. Один служащий в известном парижском магазине «Au Bon Marche» рассказывал Joly, что из ста утайщиц из магазинов 25 являются профессиональными воровками, таскающими все, что ни попадается им под руки, 25 – крадут из нужды, а 50 – суть воровки, как он выражается, «*par monomanie*», т. е. они, оставляя в стороне специально психиатрический смысл этого слова, суть такие воровки, которые более или менее обеспечены в материальном отношении, но не могут противостоять искушению при виде стольких прекрасных вещей, возбуждающих их жадность; между ними попадаются, конечно, и субъекты, страдающие настоящей kleptomanieй. Массе полагает, что в Париже в каждом из тридцати больших магазинов случается ежедневно по пять краж. Он уверяет, что из ста подобных воровок действительно бедной оказывается, быть может, только одна, между тем как все прочие состоятельны, чтобы не сказать богаты, и воруют потому, что привыкли к роскоши, как к потреб-

ности, и чувствуют при виде ее сильный соблазн, которому легко поддаются. Zola очень верно изобразил подобный вид воровства в своем романе «*Au bonheur des dames*». Он особенно живо описывает влияние на женщин всевозможных весенних и осенних модных выставок, которые они посещают так же, как инженер – выставки машин, даже не имея в виду ничего купить.

Однако при виде такого соблазна они устоять не могут и кончают тем, что или делают покупки, которые совершенно подрывают их скромный бюджет, или же решаются на воровство.

Домашние кражи, совершаемые женской прислугой, почти все принадлежат к разряду так называемых случайных преступлений. Деревенские девушки, являясь в город, поступают на службу в богатые или зажиточные дома, где им все кажется как у миллионеров. У них на руках находятся деньги для покупок или драгоценности, и если к этому соблазну присоединить еще то, что они в большинстве случаев получают очень скромное жалованье, то станет понятным, каким образом они доходят до воровства. Начинается дело обыкновенно тем, что они вступают в маленькие плутовские сделки с разного рода поставщиками товаров. Затем они пробуют украсть какую-нибудь серебряную или иную драгоценную вещь, но совсем не считают это воровством, а просто ловко выкинутой штукой. Тарновская нашла в своем материале около 49 % воровок, бывших до того, как они попали на скамью подсудимых, «одной прислугой» в небольших хозяйствах. Подобное место занимали они без всякой предварительной подготовки к нему и потому получали, конечно, мизерное жалованье. Тот факт, что между воровками преобладают в таком количестве служанки, говорит за то, что здесь дело идет о случайных преступницах.

Итак, при таком слабом сопротивлении преступному искушению, особенно в деле присвоения себе чужой собственности, такие кражи превращаются с течением времени в привычку, а случайные воровки – в привычных. Это особенно часто наблюдается в больших городах среди женской прислуги, которая обыкновенно, за редкими исключениями, обкрадывает своих хозяев. Balzac очень ярко изобразил эту общественную язву, какою она представлялась в его время. «Обыкновенно, – говорит он, – повар и кухарка – это домашние воры, дерзкие, которым нужно еще платить. Прежде служанки эти тащили по 40 су для лото, теперь же они воруют по 50 франков для сберегательной кассы. Они собирают свою дань в часы между базаром и обедом – и Париж не знает другой такой высокой пошрины с привозных товаров, как та, которую взимают эти женщины, считая свои покупки на базаре не только по двойной цене против их стоимости, но и пользуясь еще скидкой известного процента у поставщиков.

Перед этой новой силой трепещут даже самые крупные купцы, и все они без исключения стараются задобрить ее в свою пользу. При попытке контролировать этих женщин они говорят грубости и мстят сплетнями самого низкого свойства. Мы дошли уже до того, что в настоящее время прислуга осведомляется друг у друга о господах точно так же, как мы делали это прежде относительно ее».

Зло это, по уверению г-жи Grandpré, с тех пор еще более разрослось в Париже. Таким образом, путем обкрадывания своих хозяев прислуга нередко сколачивает себе изрядный капитал и становится почтенной особой в том участке, где она живет. Молодые девушки, приезжающие из провинции, обучаются этому искусству у старых и опытных. Г-жа Grandpré слышала в тюрьме St.-Lazare следующий печальный рассказ: «Одна молодая девушка приехала из провинции в Париж, чтобы заработать место в одном богатом доме, где ей приходилось за ничтожное жалованье исполнять самые тяжелые, черные работы. Кроме этого, ее отвратительно кормили и поставили в зависимость от другой прислуги, которая ее тиранила. Однажды вечером, когда она сидела в своей каморке и, плача, предавалась грустным размышлениям насчет своей будущности, ее начала утешать другая горничная, старшая и более опытная, чем она, и, между прочим, указала ей на множество средств улучшить свое тяжелое положение. Молодая девушка не без борьбы уступила ее советам, хотя она и не видела в них, собственно,

ничего дурного. Она начала воровать и обкрадывать своих хозяев и в конце концов попала на скамью подсудимых. Учительница ее продолжала, по словам ее, делать то же самое, но так ловко, что не попадалась, имеет много денег, и хотя она обыкновенная горничная, но все лавочки их околотка относятся к ней с уважением и первые кланяются ей».

Что воровки в большинстве случаев только случайные преступницы и мало чем отличаются от нормальных женщин, доказывается также наблюдением Тарновской, что в тюрьмах они постоянно оказываются более трудолюбивыми, нежели проститутки, и годятся на всякие работы; они больше задумываются над своим будущим, делают сбережения, более стойки.

Итак, у индивидов этой категории отсутствуют многие основные черты типичных преступниц.

6. Заброшенность в детстве. Несчастные, брошенные в детстве или же выросшие без присмотра со стороны родителей девочки часто становятся случайными преступницами и после первого же наказания превращаются обыкновенно уже в привычных преступниц, во-первых, вследствие того, что они отвыкли от работы, и, во-вторых, потому, что не могут найти ее, как лица с скомпрометированным прошлым. Если ребенку несвойственно уважение к чужой собственности и оно развивается в нем только с течением времени путем подражания и упражнения, то тем более понятным становится в таком случае значение заброшенности детей и вырастание их без родительского надзора, ибо даже лучшее воспитание и самые благоприятные жизненные условия не в состоянии заменить влияния семейной жизни. Значения этого фактора касается и Тарновская, говоря о русских воровках из простолюдинов, которых она наблюдала. «Кандидатка в преступницы, – замечает она, – вырастает неприученная к какой-нибудь работе или деятельности, часто страдает от холода и голода, не находит дома ни хлеба, ни теплого угла, а только дурное обращение и побои; в один день такое существование надоедает ей, и она отдается за какое-нибудь лакомство или же крадет то, что ей более всего нравится, искупая, таким образом, тюремным заключением свое происхождение от бедных, нравственно испорченных родителей. Из тюрьмы она выходит с большим опытом и подготовкой, чтобы во второй раз уже не так легко попасться; первая совершенная ею кража легла пропастью между ней и ее семейством, и отныне для нее открыт только один путь – именно путь преступления и разврата».

7. Дурное обращение. Далее в числе причин, создающих случайных преступниц, следует отметить дурное обращение и насилие, к которому часто прибегают в обращении друг с другом женщины, особенно известных классов общества. Благодаря постоянной взаимной антипатии между ними отвращение и ненависть друг к другу возникают у них из-за самых ничтожных причин, и дело часто доходит до драк, которые по отношению к современной женщине являются тем же, чем было в варварские времена убийство, т. е. нормальной реакцией на нанесенное ей оскорбление. Об известном классе парижанок Массе говорит следующее: «Из-за немного пролитой на общей лестнице воды две соседки начинают ссору, которая часто переходит в драку; дело доходит до суда, и виновная приговаривается обыкновенно к денежному штрафу, который она отказывается платить, и попадает в тюрьму. Такие истории случаются на каждом шагу между соседками, конкурирующими торговками, женами швейцаров и жилищами, между прислугой и женой швейцара, даже между дамами из более высоких слоев общества».

8. Нищенство. В то время как нищенство является у мужчины почти всегда следствием дегенерации и продуктом врожденной склонности к бродяжничеству и отвращения к труду, оно у женщин сплошь да рядом только случайное преступление. Женщины реже мужчин решаются на самоубийство, так как в крайней нужде они скорее примиряются с нищенством отчасти вследствие менее развитого у них чувства гордости, отчасти вследствие большей любви к своим детям. Мы находим у Массе следующий рассказ про одну женщину, имевшую двух детей и едва зарабатывающую в качестве швеи один франк в день. Когда одна из ее дочерей заболела и не могла более работать, она послала свою вторую дочь просить на улицах милостыню,

но маленькая нищенка была арестована и не прежде согласилась указать свой адрес, чем ей было обещано, что ее не посадят в тюрьму. Префект полиции разыскал по ее указанию бедную женщину в ужасной каморке, где-то на чердаке, но она ни за что не хотела отдать больной дочери в больницу, боясь, что та, как и муж ее, умрет в ней. При виде этого ужасного зрелища нищеты префект не только не преследовал мать за то, что она посылает нищенствовать свою дочь, но даже подарил ей 100 франков. Массе отмечает, что у полицейских агентов очень часто не хватает духу преследовать, как показывает закон, уличных нищенок: даже и не особенно дальновидные из них понимают, что в большинстве случаев они имеют дело с случайным и невольным преступлением, и было бы бесчеловечно поступать с виновными в нем так же, как с врожденными бродягами.

9. Местные и национальные особенности преступлений. То обстоятельство, что женщина является преимущественно случайной преступницей, объясняет собою факт, противоречащий указанной нами монотонности жизни ее в физиологическом и психологическом отношении, именно, что известные характерные преступления наблюдаются у женщин то одних, то других стран и что социальная жизнь обуславливает в разных странах такую разницу ближайших причин, predisposing к преступлению, что даже и между ними имеет место более или менее значительная дифференцировка.

Так, например, сюда относится прежде всего детоубийство, очень распространенное в Швеции, потому что здесь извозчиками являются почти исключительно женщины. Последним, по роду их занятий, приходится часто бывать в отдаленных от городов местах среди грубых, полудиких мужчин; они подвергаются очень часто изнасилованиям и беременеют. Детоубийство должно в таких случаях восстанавливать невольно потерянную честь женщин.

Кража из магазинов считалась в течение известного времени специальностью французенок, пока большие магазины существовали только во Франции. Да и теперь еще зло это, кажется, распространено преимущественно во Франции; по крайней мере, все более или менее выдающиеся сообщения об этом мы находим только у французских авторов. Это объясняется тем, что нигде нет таких колоссальных, с таким вкусом составленных выставок товаров и мод, как именно во Франции.

В Северо-Американских Соединенных Штатах аборт считается специально местным преступлением, не заслуживающим даже, по общественному мнению, наказания. Там на каждом шагу на стенах домов и в газетах попадаются объявления о заведениях и домах, назначенных для этой цели, и еще недавно один врач рекламировал свой «институт для абортов» объявлениями, раздававшимися дамам на улицах. В этой стране, где женщина начинает все более и более заниматься профессиональным трудом и разного рода делами, к чему принуждает ее непомерное развитие капитализма, материнство является часто общественным злом, а аборт – почти необходимостью; общественное мнение настолько проникнуто там этой идеей, что не считает его совсем противозаконным поступком.

10. Заключение. Случайные преступницы, составляющие большинство среди женщин-преступниц, делятся на две категории: первая – это более или менее смягченные преступные натуры, ближе подходящие к преступным, чем к нормальным женщинам, а вторая – это индивиды, которые стоят очень близко к последним и сами по себе часто вполне нормальны, но обнаруживают благодаря жизненным условиям ту долю нравственной извращенности, которая свойственна каждой женщине и которая находится в ней при обыкновенных условиях в скрытом состоянии. К первой категории принадлежат главным образом преступницы против здоровья и жизни окружающих под влиянием внушения; ко второй – те женщины, которые нарушают права чужой собственности. Эти последние смотрят на свое преступление так же, как дети на совершаемое ими воровство, т. е. как на более или менее смелый поступок, относительно которого они отвечают исключительно перед собственником вещи, а не перед законом; иначе говоря, по их мнению, дело идет здесь о совершенно индивидуальном проступке,

а не о нарушении социальных порядков. Взгляд этот соответствует первобытному состоянию человеческой нравственности и в настоящее время еще встречается у многих диких племен и народов.

Преступницы по страсти

Другим опровержением столь распространенных и вместе с тем столь не соответствующих истине взглядов на женскую натуру служат, между прочим, также преступления по страсти. Именно, в противоположность тому, что мы наблюдаем у мужчины, женщина-преступница по страсти приближается то к врожденной, то к случайной преступнице: обдуманность намерения и нравственная испорченность играют в ее преступлениях значительно большую роль, чем у мужчин. Во всяком случае, признаки, свойственные индивидам обоих полов, совершающих преступления по страсти, довольно многочисленны.

1. Возраст. Как и у мужчин, у этого рода преступниц преобладает преимущественно молодой возраст. Преступления обыкновенно совершаются ими в период самого полного расцвета половой жизни. Так, например, Vinci было, когда она запятнала себя преступлением, 26 лет, Connemune – 18, Provensal – тоже 18, Jamais – 24, Stakelburg – 27, Daru – 27, Laurent – 22, Hogg – 26 и Noblin – 22. Все политические преступницы были, как известно, большею частью молоды (Sahla было 18 лет, Charlotte Corday – 25, Renault – 20 лет и т. д.).

Но далее и между преступницами из-за любовной страсти попадают субъекты более или менее пожилого возраста, тем более что у них юность и половое влечение как-то особенно быстро проходят. Так, Lodi была далеко не молода, когда она влюбилась в одного сослуживца своего и по его совету украла ценных бумаг на 20 000 франков, причем передала всю эту сумму своему любовнику, не оставив себе ни одного франка. Dumaire убила своего любовника, когда ей было 30 лет, а Pettin, будучи уже 40 лет, покушалась на жизнь своего мужа.

2. Признаки вырождения. У преступниц по страсти отсутствуют обыкновенно дегенеративные признаки и специальные аномалии лица, кроме сильного развития челюстей и мужского склада физиономии.

3. Мужские черты и особенности. У многих преступниц этой категории наблюдаются мужские черты характера. Так, например, некоторые из них питают страсть к оружию. Clovis, Hugües и Dumaire любили стрелять в цель, Raymond в Париже ходила всегда вооруженная кинжалом и револьвером и эту привычку носить с собою оружие вывезла из Гавайи, где все женщины носят постоянно при себе оружие. Souhine отличалась, по мнению свидетелей, гордым, энергичным, решительным характером. Dumaire обнаружила, по наблюдению Batailles, во время своего процесса умение выражаться категорически и точно, соблюдая логическую последовательность своих мыслей. Многие из этих преступниц обнаруживают особенную страсть к политике, что редко наблюдается у женщин, и становятся настоящими мученицами своего патриотизма, а подчас и своих религиозных убеждений. Daru и Noblin были обе дочерьми полудиких народов, у которых женщина обыкновенно отличается мужскими особенностями: обе они при исполнении своих преступлений обнаружили значительную мускульную силу, причем Daru заколола кинжалом своего любовника, а Noblin задушила свою соперницу. Между этими преступницами часто наблюдается также страсть к ношению мужского платья: так, В. в костюме мужчины покушалась на жизнь любовницы своего мужа.

Впрочем, следует заметить, что мужские черты встречаются не только у преступниц, но и у нормальных женщин, одаренных страстными темпераментами. Так, мы находим их у г-жи de Staël, у Georges Sand и даже у Carlyle – этой святой женщины, примерной по своему самопожертвованию и кротости душевной, которая, будучи девушкой, охотно лазала по стенам и заборам и дралась на кулачках со своими школьными подругами, обыкновенно побеждая их.

4. Альтруистические чувства и страсти. У преступниц по страсти преобладают добрые аффекты, которые у них даже сильнее проявляются, чем у нормальных женщин, достигая иногда необыкновенной силы выражения. У них никогда не отсутствует любовь к родным, как у врожденных преступниц.

Ellego рассказывает следующее об известной поджигательнице Антони Р: «Все свидетели показали единогласно, что она была превосходной женой и нежной матерью, восхваляли ее сострадательность ко всем несчастным и нуждающимся – словом, это была, по общему мнению, женщина, у которой доброе сердце преобладало над рассудком. Доброта ее была, так сказать, инстинктивна и потому слепа. Она неоднократно упрашивала мужа своего ручаться за свою сестру, когда той приходилось настолько плохо, что она должна была обращаться к нему с этой просьбой». В., женщина с мужской физиономией и некоторыми другими аномалиями, была очень любящая жена и образцовая мать. Жители околотка, где она жила, так уважали ее, что, когда разнеслась весть об ее аресте, они составили прошение за многими подписями, в котором просили об ее освобождении, ручаясь за ее безупречность. Myers, убившая своего любовника, сделалась потом превосходной матерью.

Ottolenghi нашел у В. R. очень живое нравственное чувство и чрезвычайную стыдливость. Она объяснила, что в муже ее меньше отталкивали его грубость и уродливость, чем сознание, что он был и есть любовник ее матери. Daru обожала своих детей и работала на них не покладая рук, в то время как муж ее все прокучивал и пропивал. Детоубийцы, которые большею частью принадлежат к категории преступниц по страсти, выйдя замуж в колониях, являются – по свидетельству Сеге'а – почти единственными хорошими колонистками и добрыми матерями семейств. По словам Joly, в тюрьме St.-Lazare часто встречаются детоубийцы с очень мягким характером, у которых решительно ничто не указывает на заглохшую материнскую любовь. Despine сообщает об одной девушке, которая бросила свое дитя непосредственно после родов в яму. Когда его нашли там и принесли к ней еще живым, в ней проснулось материнское чувство. Она отогрела своего ребенка, начала кормить его и с тех пор стала очень страстной матерью. Souhine была настолько горда, что предпочла умереть со своими детьми, чем пойти собирать милостыню. Du Tilly трогательно заботилась о будущем своих детей и о том, чтобы не давать возможности своему легкомысленному мужу компрометировать свою семью. Jamais осталась честной и чистой даже в самой крайней бедности и писала своему любовнику: «Я берегу себя для тебя». Dumaire, разбогатевшая благодаря проституции и сомнительному браку, оставшись вдовой, выказала много щедрости и доброты по отношению к своим родным.

5. Страсти как мотивы преступлений. Самой сильной страстью, чаще всего доводящей женщин до преступления, является любовная страсть. Преступницы по страсти любят сильнее, чем нормальные, в сущности, холодные в эротическом отношении женщины. Со страстностью Элоизы и с наслаждением приносят они себя в жертву любимому мужчине, игнорируя нередко общественное мнение, обычаи и даже законы. Vinci пожертвовала для своего любовника своими длинными волосами, единственным, что в ней было красивого. Jamais, несмотря на то что должна была содержать себя и двух детей, посылала еще деньги и подарки своему возлюбленному. Dumaire содержала своего любовника Picard'a в то время, как он был студентом, и никогда не требовала от него, чтобы он на ней женился, довольствуясь лишь тем, чтобы он ее не покидал и продолжал связь с ней. Spinetti, которая когда-то была богатой, решилась для исправления своего нравственно испорченного мужа пойти служить и сделалась служанкой. Noblin была так предана своему любовнику, что не могла расстаться с ним, несмотря даже на то что была, в сущности, честной натурой, а последний – преступником; в угоду ему она abortировала три раза и совершила даже преступление, противное ее природной доброте.

Страстная любовь этих женщин объясняет нам, почему почти все они, несмотря на свою душевную чистоту, имеют в своей жизни такие любовные связи, которые с точки зрения общественного мнения считаются незаконными. Девичество и замужество суть общественные установления, которые, как и все обычаи и нравы, рассчитаны на средний тип нормальной женщины, т. е. на ее холодность и сдержанность в эротическом отношении; страстная же любовь нарушает эти установления, как показывает пример Элоизы, не желавшей выйти замуж за

Abelard'a, чтобы не повредить ему, и гордившейся тем, что она была его любовницей. Причина очень многих детоубийств кроется в неразумной, неопытной любви, желающей стать выше известных общественных предрассудков. Таков был случай, например, сообщенный Grandpré, касающийся одной молодой девушки, убившей своего ребенка, прижитого ею от одного иностранца, которого она встретила в каком-то курорте, страстно влюбилась в него и отдалась ему. В этом отношении преступница по страсти сильно отличается от врожденной преступницы, которая отдается мужчинам только вследствие своей лени, страсти к удовольствиям или же грубой чувственности. Но благодаря какой-то фатальной склонности порядочных женщин к дурным мужчинам они обыкновенно влюбляются в легкомысленных, непостоянных и даже испорченных субъектов, которые не только бросают их после непродолжительного наслаждения ими, но усугубляют еще их страдания презрением и клеветой. В подобных случаях преобладающим мотивом преступления у таких женщин является не только горе покинутой любовницы. В случаях Camicia, Raffo, Harry и Ardoano причиной преступления было вероломство и измена со стороны любовников после клятвенных обещаний вечно любить. Любовник Provensal бросил ее, когда она забеременела, написал об этом отцу ее и в письме к ней насмехался еще над ней, говоря, что он посещает женщин только с целью развлечения, а «*aves une femme malade, – писал он, – on ne s'amuse pas*»¹⁸². Vinci, пожертвовавшая для своего любовника лучшим своим украшением, сделалась потом предметом насмешек для своей соперницы, заступившей ее место в сердце ее вероломного любовника. Точно так же была покинута своим любовником и Jamais, когда она осталась без работы и последний не мог более эксплуатировать ее. Reymond обманывал ее муж с самой интимной подругой ее, но она простила их, узнав об этой измене. Однако связь эта продолжалась, и однажды она нашла письмо своей вероломной подруги к своему мужу с презрительными на ее счет выражениями и даже накрыла любовников *en flagrant délit*. Т., превосходная мать и жена, была в один прекрасный день покинута своим мужем для одной проститутки.

К этим мотивам присоединяется еще несправедливое презрение к покинутой со стороны общества, которое сваливает обыкновенно всю вину этого на нее. Строгость родителей и презрение окружающих еще более усугубляют ее страдания. Jamais, например, не была допущена к постели своего умирающего отца. Provensal была проклята братом за то, что она опозорила всю семью. Подобное положение дела является самым могущественным мотивом преступления для большинства детоубийц, у которых оно до известной степени связано с потребностью мстить вероломному отцу за его измену смертью ребенка. Одна детоубийца созналась в этом Grandpré в следующих словах: «Когда он (ребенок) родился и я подумала о том, что он останется на всю жизнь незаконнорожденным и вырастет, быть может, таким же негодяем, как его отец, мои пальцы невольно сдавили его горло...».

Статистика показывает, что число детоубийств находится в обратном отношении к числу незаконных рождений, т. е., другими словами, там, где последние, будучи более редким явлением, наказываются строже, детоубийства встречаются чаще. Итак, преступление это является следствием чаще всего страха перед позором. В городах подобные преступления скрываются легче, и потому там детоубийства встречаются реже, как это видно из следующих цифр:

Во Франции	В деревнях	В городах
1851–1855 гг.	32	21
1875–1880 гг.	35	22

¹⁸² С больной женщиной не позабавишься (*фр.*).

В Италии	В деревнях	В городах
1885 г.	34	17
1886 г.	40	19
1887 г.	32	18
1888 г.	37	20

Итак, детоубийство порождается общественным мнением, подобно тому как во времена варварства оскорбление влекло за собою кровавую месть, если оскорбленный не хотел остаться обесчещенным на всю жизнь.

В некоторых случаях преступление является реакцией на очень дурное обращение и унижение, которому подвергается женщина. Так, В. R. пыталась отравить своего старого грубого мужа, за которого заставила ее выйти замуж мать ее, находившаяся прежде в связи с ним. Она ни за что не хотела отдаться ему, и за это жестокий муж морил ее голодом, бил и заставлял ночевать в лавке, где она была совершенно не защищена от непогоды. Spinetti зарезала своего мужа, которому принесла раньше столько жертв, после того как он жестоко избил ее, несмотря на ее беременность, заставляя обокрасть своего хозяина. С. Н. застрелила в суде человека, оклеветавшего ее самым оскорбительным образом в то время, как он всякими правдами и неправдами добился оправдания в возбужденном против него процессе.

6. Материнская и семейная любовь. Оскорбленная материнская и семейная любовь является сравнительно реже причиной и мотивом преступлений. Du Tilly, видя, что муж ее позорит честь своей семьи и разоряет ее своею незаконной связью с одной женщиной, особенно страдала при мысли, что благодаря болезни ее он сможет скоро жениться на своей любовнице, которая сделается таким образом мачехой ее детей. Это заставило ее решиться облить свою соперницу серной кислотой, чтобы сделать ее уродливой, а стало быть, и безвредной. Т. была и истязала проститутку, для которой муж бросил ее и для которой он разорял свою семью. Антония В., почти доведшая своей расточительностью семью свою до банкротства, подожгла свой дом, чтобы полученной страховой премией поправить немного свои запутанные обстоятельства. Дани убежала из дома со своими детьми от распивавшегося пьяного мужа, хотевшего их всех перерезать. Но затем, когда он заснул, она вернулась в дом и заколола его. Одна дама, портрет которой мы находим у Массе, решила на воровство, чтобы иметь чем заплатить за учение своего сына. Это была женщина из очень хорошей семьи, превосходно воспитанная, с прекрасным характером, но глубоко несчастная вследствие нищеты, в которую она впала после прежнего благосостояния. Арестованная за совершенное воровство, она отказалась назвать свое имя, чтобы не опозорить своего ребенка, но случайно была в суде узнана одним из адвокатов. Несколько дней спустя после этого она умерла, сраженная своим горем.

То обстоятельство, что материнская любовь, несмотря на все выдающееся значение ее в духовной жизни женщины, является так редко мотивом преступлений, должно казаться немного странным. Но она есть своего рода профилактическое средство против пороков и преступлений, ибо боязнь причинить вред своим детям или быть оторванной от них благодаря преступлению часто заставляет мать отказаться от ее преступных замыслов мести и вообще от всяких насильственных попыток реактивного характера. Этим же объясняется, почему мать старается обыкновенно внушить своим детям терпение и снисхождение, удерживая их от мстительных порывов.

Но, с другой стороны, замечателен факт, что материнство часто является причиной психозов. Статистика показывает, что вследствие тяжелых семейных несчастий заболели психическими болезнями (процент от всего количества душевных заболеваний):

	Мужчин	Женщин
В Италии в 1866–1877 гг.	1,6	8,4
В Саксонии в 1875–1888 гг.	2,64	3,6
В Вене в 1851–1859 гг.	5,24	11,2

В Турине наблюдались психические расстройства вследствие смерти детей у женщин втрое чаще, чем у мужчин; бездетность также была причиной душевного заболевания у трех женщин.

Другой фактор, исключая возможность преступлений из-за материнской любви, заключается в следующем. Женщина смотрит на своего ребенка почти как на часть самой себя, заботится о нем, как о самой себе, и принимает к сердцу все огорчения его, как свои собственные, до тех пор, пока он мал и не может обходиться без посторонней помощи. Когда же дитя вырастает, становится взрослым человеком и начинает вести более или менее самостоятельную жизнь, отдельную от матери, последняя тем не менее продолжает, хоть и издали, следить за его жизнью с полным любви участием, не выступая уже более в роли покровительницы и защитницы его. Несправедливость, причиненная взрослому сыну или дочери, причиняет, конечно, матери страдания, но далеко не такие сильные, как в случае обиды ее беспомощного крошечного ребенка. Это напоминает распространенное в царстве животных покидание самкой на произвол судьбы своих детенышей, как только они научатся бегать или летать. Но так как маленькое дитя не принимает участия в борьбе за существование и не имеет, стало быть, врагов и преследователей, то для матери его не представляется случая к преступному вмешательству в его защиту. Единственный возможный в этом отношении случай наблюдается тогда, когда мать мстит или защищает свое дитя от дурного отца, а это встречается, по счастью, очень редко, ибо преступления против элементарных отцовских обязанностей встречаются, по счастью, в культурной среде чрезвычайно редко.

7. Страсть к нарядам и роскоши. К числу мотивов преступлений по страсти относится также странным образом связанная с чувствами, порождаемыми семейной жизнью, страсть к красивым нарядам, столь характерная для преступных женщин.

Du Tilly созналась, что больше всего возмущало ее то, что муж отдавал ее платья своей любовнице. Reymond была вне себя, узнав, какую массу нарядов и драгоценных вещей дарил своей любовнице ее муж, бывший по отношению к ней очень скупым. Т. говорила на суде, что она разыскала любовницу своего мужа, проститутку, не имея никакого намерения оскорбить ее; но когда она увидела на ней свою собственную, подаренную ей к свадьбе шаль, она не могла сдержать своего гнева и бросилась бить ее.

В других случаях возбуждение женщин вызывается оскорблением дорогих специально для них или даже почти священных в глазах их предметов. Так, например, Laurent пришла в сильнейший гнев, застав *en flagrant délit* своего мужа с горничной на своей собственной кровати.

8. Аналогичные черты у преступных женщин и мужчин. До сих пор мы находили полный параллелизм между преступными мужчинами и женщинами – преступницами по страсти, причем только некоторые черты характера, существенные для первых, встречаются у вторых сравнительно редко. Так, преступное деяние следует непосредственно за поводом к нему только у некоторых женщин. Guépin, например, узнав, что муж ее находится со своей любовницей в Версале, немедленно отправилась туда и заколола его, а Dam зарезала своего мужа, угрожавшего

ей и детям, тотчас же, как только он заснул. Равным образом и Spinetti убила своего любовника непосредственно после того, как он потребовал, чтобы она обворовала своих господ. Точно так же поступили Provensal и Jamais. Искреннее раскаяние мы наблюдаем сравнительно у немногих женщин. Noblin, например, совершив свое преступление, бросилась с криком бежать по улицам и сама отдалась в руки правосудия, а Dam пыталась даже покончить с собою, но у нее не хватило на это мужества, и она была арестована жандармами. На Антонию В., совершившую поджог собственного дома с целью получить страховую премию, при мысли о совершенном ею преступлении находил всякий раз какой-то столбняк, и она обратилась к агенту страхового общества только по настоянию своего брата, причем, получив деньги, добровольно созналась в своем преступлении. Du Tilly желала только, как говорила она, обезобразить свою соперницу, но была страшно огорчена, когда последняя лишилась благодаря ей одного глаза. Она тотчас же в вознаграждение вручила ей крупную сумму денег, постоянно осведомлялась о ее здоровье и была очень счастлива всякий раз, когда врач приносил ей на этот счет добрые вести. Точно так же у преступниц по страсти редко наблюдается та внезапность решимости, которая характеризуется, между прочим, так, что они хватают для нападения первый попавшийся им в руки предмет или же пускают в ход ногти и зубы, подобно Guerin, Dam и Т., которая ворвалась в дом любовницы мужа своего и набросилась на нее с кулаками.

9. Отклонения от мужского преступного типа. Предшествовавшая преступлению жизнь преступниц по страсти оказывается обыкновенно не всегда безупречною: у них нередко наблюдаются черты жестокости и злости (как, например, у В., у Dav., у Andral) – черты, которые противоречат обычной чрезмерной доброте преступников по страсти и благодаря которым они приближаются то к врожденным преступницам, то к случайным преступникам.

У женщин взрыв страсти часто не так силен, как у мужчин, и сама страсть развивается у них постепенно, часто в течение месяцев и даже целых годов, сменяясь периодами снисходительности и даже дружбы к намеченной жертве. У них обыкновенно замечается более холодная и обдуманная, чем у мужчин, предумышленность преступления, и самое исполнение его отличается большею ловкостью и той характерной сложностью, которая невозможна там, где преступлением руководит одна лишь страсть. Характерно, далее, для женщин и то, что за преступлением у них редко следует искреннее раскаяние и что они, напротив, очень часто находят удовлетворение в совершенной мести; еще реже среди них наблюдаются в таких случаях самоубийства.

Упомянутая нами раньше В., за честность которой, как мы видели, хотели ручаться все ее соседки, подкараулила ночью с дубинкой в руках своего мужа с его возлюбленной и напала на них. После этого происшествия муж ее оставил свою любовницу и сошелся с девушкой, служившей у них горничной. Но с этой последней В. обращалась очень неодинаково: то она прогоняла ее из дома после самых бурных сцен, то, напротив, принимала, особенно в те дни, когда сильно нуждалась, ее деньги и подарки; но в этой постоянной смене гнева и примирения всегда тлела ненависть обманутой женщины к своей сопернице. Дело окончилось тем, что однажды, когда муж ее прокучивал с этой девушкой свои последние деньги в одном веселом доме, она переделалась мужчиной, отправилась туда и, напав на свою соперницу, избивала ее самым жестоким образом. Мы видим, что в данном случае решительный удар со стороны В. долго готовился и что последнему предшествовал период продолжительного примирения ее с соперницей, благодаря чему она не является, в строгом смысле слова, преступницей по страсти.

Laurent, поймав своего мужа и служанку *en flagrant délit*, прогнала последнюю, но воспоминание об этом позоре так мучило ее постоянно, что спустя шесть месяцев она разыскала эту девушку и убила ее. Ни один преступник по страсти не чувствовал бы потребности мстить спустя так много времени после обстоятельства, послужившего поводом к мести. Равным образом и образ действия du Tilly с серной кислотой не вполне отвечает характеру преступления по страсти: ее план мести был слишком утонченно-жестоким характером и для исполнения его

нужно было слишком много хладнокровия для того, чтобы можно было предположить у нее в момент совершения ею преступления состояние известной нравственной невменяемости. В. Р., выданная матерью против воли своей замуж за старого и жестокого человека, подсыпала своему мужу в минуту отчаяния в похлебку его медного купороса. Но мужу похлебка эта показалась слишком кислой, и он не стал есть ее. Спустя два-три дня супруги опять поссорились, и тогда муж, найдя остаток этой похлебки и заподозрив что-то неладное по ее странному цвету, потребовал от нее объяснений на этот счет, и молодая женщина во всем призналась. И здесь, стало быть, справедливая ненависть к грубому, жестокому мужу выразилась в заранее обдуманном и предварительно подготовленном преступлении, каким, впрочем, всегда является отравление.

Преступление Reymond свидетельствует от начала до конца о большом хладнокровии и хитром расчете ее. Для доказательства достаточно припомнить необыкновенно тонкий и ловкий прием, к которому прибегла она, чтобы проникнуть в дом, где происходило свидание мужа ее с любовницей. Она именно позвонила и просунула под дверь заранее написанную записочку следующего содержания: «Поль, открой мне; Lassimonne (муж любовницы) знает все; он сейчас явится; я пришла помочь тебе; не бойся».

Brosset разошлась со своим мужем, с которым она очень дурно жила, но ее постоянно мучила ревность. Однажды она отправилась к нему, захватив с собою нож, и, застав у него девушку, убила его. Преступнице Davu, в которой преступный тип выражен резче всего, гнев и ненависть к мужу не помешали, однако, хладнокровно обсудить, каким образом лучше всего убить его во время сна. Равным образом и Dumaire, принадлежащая по некоторым особенностям своим к преступницам по страсти, имеет очень много сходства с врожденными преступницами. Будучи от природы очень неглупой и предусмотрительной, она собрала путем проституции изрядные деньги, но не была при этом, однако, настолько эгоистичной, чтобы не делиться ими со своими родными. Она познакомилась с Picard'ом, влюбилась в него, оставила распутный образ жизни и, сделавшись его любовницей, была ему верна в течение многих лет, прижив с ним дочь. Она дала своему любовнику средства получить образование и, не желая, чтобы он на ней женился, требовала от него только, чтобы он не бросал ее. Однако Picard, окончив свое образование, задумал жениться на богатой девушке, и тогда она убила его. Искренность ее сильной любви, недостойное поведение любовника ее могли бы заставить думать, что мы имеем здесь дело с преступлением по страсти, но против этого говорят различные обстоятельства, и прежде всего заранее принятое ею намерение убить Picard'a, как только он изменит ей, о чем свидетельствуют ее слова, сказанные ею задолго до преступления родным его: «S'il faut le tuer, je le tuerai»¹⁸³. Далее, характеру преступления по страсти противоречат также ее решительный и энергичный образ действия и отсутствие у нее раскаяния. Она вела себя совершенно непринужденно во время судебного разбора дела ее и заявила на суде, что не только не сожалеет о случившемся, но даже повторила бы в случае надобности это убийство еще раз, так как предпочитает видеть своего возлюбленного лучше мертвым, чем принадлежащим другой женщине.

Dav., отдавшаяся честной девушкой своему поклоннику, сержанту, после того как он обещал жениться на ней, облила его серной кислотой, когда он бросил ее беременной. Мы здесь имеем дело не с кокеткой или проституткой, мстящей своему вероломному любовнику за то, что он покинул ее, причем истинным мотивом мести является собственно эгоизм, но с честной девушкой, которой причинена тяжелая несправедливость и в преступлении которой страсть играет главную роль. Но даже и у нее мы находим черты, противоречащие характеру истинного преступления по страсти: так, например, Dav., перед тем как отдалась своему любовнику, угрожала ему смертью, если он обманет ее. Это указывает на то, что она подумывала о преступ-

¹⁸³ «Если его нужно убить, то я его убью» (фр.).

лении еще задолго до того, как на него натолкнуло ее поведение ее любовника. Далее: чтобы разыскать его, она отправилась в одно подозрительное место в сопровождении какого-то мужчины, что не может не свидетельствовать об известной свободе в ее поведении. Наконец, она прибегла к серной кислоте, чтобы заставить испытать – как она сама призналась – любовника своего горечь мести. Она не обнаружила никакого раскаяния в совершенном преступлении и многократно осведомлялась даже у тюремных врачей о состоянии здоровья своей жертвы.

Часто бывает затруднительно решить, куда именно отнести виновную: к преступницам ли по страсти или же к врожденным преступницам, так как она принадлежит, по-видимому, к одной и другой из этих категорий одновременно.

Клотильда Andral, актриса (у которой любовные приключения вроде нижеописанного составляли, вероятно, далеко не редкость), сделалась любовницей одного офицера, от которого родила сына. Однако любовник вскоре покинул ее, и материальное положение, в котором она внезапно очутилась, стало до того скверным, что она нуждалась даже в самом необходимом и была решительно не в состоянии содержать своего ребенка. Окружавшая ее нищета, страдания ее дитяти и циничное поведение ее любовника, не считавшего даже нужным отвечать на ее письма, довели ее до отчаяния. Она решила облить его серной кислотой, но это ей не вполне удалось. И в данном случае характеру преступления по страсти противоречат как далеко не безупречная предшествовавшая жизнь преступницы, так равно и заранее обдуманное намерение, с которым она совершила преступление (она подкарауливала свою жертву трижды с большими промежутками один раз после другого). Но, с другой стороны, мотив ее преступления был очень серьезен и не гнезился в какой-нибудь низменной страсти.

Итак, в приведенных примерах дело сводится не к тем взрывам страсти, которые омрачают ум даже порядочного человека, превращая его в убийцу, но к упорному, медленно развивающемуся чувству, приводящему в брожение дурные наклонности и дающему достаточно времени для того, чтобы обдумать и подготовить преступление. Нам скажут, быть может, что здесь дело идет о безусловно честных женщинах – и, в сущности, преступницы эти мало или даже вовсе не отличаются от нормальных женщин, – но это кажущееся противоречие исчезает, когда мы примем во внимание то, что уже прежде было нами сказано о нравственном чувстве нормальной женщины. Мы доказали именно раньше, что чувство это почти совершенно не развито у нее и что ей свойственны некоторые преступные наклонности, как мстительность, ревность, зависть и злость, которые, впрочем, при обыкновенных условиях нейтрализуются ее сравнительно малой чувствительностью, равно как и ничтожной интенсивностью ее страстей. Если нормальная во всем остальном женщина возбуждима более обыкновенного и у нее повод к преступлению самый серьезный, то преступные наклонности ее, физиологически дремлющие, пробуждаются: она становится в таком случае преступницей, но не вследствие силы своих страстей, которые у нее обыкновенно посредственно-слабы, но благодаря своей пробудившейся преступности. Таким образом, даже совершенно нормальная женщина может сделаться преступницей, не будучи в то же время преступницей по страсти, так как страсти ее никогда не достигают значительной интенсивности. Но они составляют тем не менее неотъемлемую часть всякого преступления, так как пробуждение в женщине ее скрытой преступности обуславливается только оскорблением самых дорогих для нее чувств.

То же самое можно сказать о преступлениях, в которых второстепенную роль играют страсти, а главную – внушение со стороны мужчины. Lodi, например, совершила кражу по приказанию своего любовника, который грозил в противном случае бросить ее. Особенно характерен случай Noblin. Она была покинута своим любовником после многолетней связи с ним для другой женщины, и так как она знала о совершенном им преступлении, то угрожала ему доносом. Между тем любовник ее успел уже доверить тайну своего преступления своей новой любовнице и решил поэтому избавиться от угрожавшей ему с обеих сторон опасности устранением одной из этих женщин. Выбор его пал на вторую любовницу. Целый месяц затем он

мучил Noblin разного рода подстрекательствами к преступлению, о которых она потом рассказывала на суде в следующих словах: «Он изводил меня и мучил по целым неделям, то стараясь возбудить мою ненависть к сопернице рассказами о том, как она любила его, то подзадоривая меня, что я слишком труслива для того, чтобы решиться отомстить... Промучив меня таким образом целый месяц, он однажды сказал мне прямо, что я не люблю его, если до сих пор не убила своей соперницы». В данном случае одной страсти, как бы сильна она ни была, оказалось недостаточно для того, чтобы имело место преступление, если бы сюда не присоединилось еще внушение; следовательно, преступные наклонности бывают порою скрыты в женщине очень глубоко, если для пробуждения их нужны такие могучие средства, как внушение. Мужчина, преступник по страсти, может сильнейшим образом противостоять искушению преступлению или уступать ему под влиянием более сильной страсти; там же, где для совершения преступления необходимо еще влияние внушения, где возможно, стало быть, предварительное обдумывание и взвешивание всех последствий замышляемого преступного деяния, – там органическое врожденное сопротивление злу должно быть, очевидно, весьма слабым. Как показывает, между прочим, только что описанный случай, нормальной женщине свойствен известный запас дурных инстинктов, а вместе с тем и предрасположенность к подобной форме преступности по страсти.

10. Преступления по страсти эгоистического характера. Преступления, которые мы называем преступлениями по страсти эгоистического характера, совершаются не благодаря внезапному взрыву страсти, но под влиянием постепенного действия ко злу направленных импульсов. Преступницы этой категории суть обыкновенные честные, добрые и любящие натуры, и преступления их являются почти исключительно плодом постепенно нарастающего чувства ревности, порождаемой разного рода несчастьями, болезнями и пр. С одной стороны, они не вполне преступницы по страсти, но с другой – у них недостает не только более или менее серьезного мотива к преступлению, но часто даже и повода к нему со стороны жертвы, – и подобное отношение преступного субъекта к своей жертве является весьма характерным для врожденного преступника. Примером может послужить следующий случай, имевший место в Бельгии. Один молодой человек любил и был любим одной бедной девушкой, богатая кузина которой также влюбилась в него. Молодой человек хоть и был честен, но, не чувствуя в себе достаточно мужества к жизненной борьбе за свое существование, поддался искушению богатства и обручился с богатой девушкой, отказавшись от бедной. Однако незадолго до свадьбы невеста его опасно заболела, и ее начала беспрестанно мучить ревность и мысль о том, что смерть ее, которая сделает ее бедную кузину богатой наследницей ее, доставит жениху ее двойное счастье обладания богатством и любимой женщиной. Ревность натолкнула ее на мысль скомпрометировать и погубить его. Для этого она проглотила дорогой бриллиант из своего кольца и обвинила молодого человека в том, что он украл его. Отец поверил словам своей умирающей дочери и, ища после смерти ее кольцо это среди других драгоценностей ее, нашел его, к удивлению своему, без бриллианта. Экс-жених был арестован и, наверное, был бы осужден, если бы, по счастью, молва не обвинила его в том, что он отравил свою невесту с целью сделать наследницей любимую им девушку. Было произведено вскрытие умершей, и бриллиант был найден у нее в желудке.

Другой случай. Некая Derw., счастливая, очень любящая женщина безупречного поведения, заболела вдруг на высоте своего счастья чахоткой и в течение нескольких месяцев очутилась на краю могилы. Ее любовь к мужу превратилась в бесконечную бурную ревность. Она постоянно требовала клятв его, что по смерти ее он не будет знать никакой другой женщины, просила его умереть вместе с ней и однажды, после того как несчастный муж в сотый раз клялся ей ни на ком не жениться после смерти ее, она схватила висевшее на стене ружье и застрелила его. Pettin была прикована неизлечимой болезнью к своей кровати в течение пяти лет. В течение всего этого времени она страшно мучила мужа своего ревностью. Ежедневно она упрекала

его в недостойном относительно ее поведении, говорила, что он изменяет ей, и, наконец, чтобы положить конец всему этому, однажды подозвала его к своей постели и тяжело ранила выстрелом из револьвера, который постоянно держала спрятанным под подушками. Потом она сама призналась, что обдумывала свое преступление в течение долгого времени.

Во всех этих случаях мотивом преступления является благородная страсть, любовь, но ближайший, однако, толчок к чему дается, с одной стороны, пробудившимися дурными инстинктами, находящимися у нормальной женщины в скрытом состоянии, и, с другой – ревностью, доходящей до чудовищных размеров, благодаря которой женщины страдают при виде чужого счастья так же, как бы под влиянием собственного несчастья. Мысль о том, что они лишены счастья, ожесточает их и возбуждает в них желание, чтобы и другие не могли воспользоваться им. Конечно, здесь поводы к преступлению большею частью серьезного характера, и каждая из этих преступниц при нормальных условиях, если бы судьба не обрушилась так жестоко на нее, наверное, осталась бы честной женщиной. Подобные преступления очень резко свидетельствуют о той аналогии, которая существует между детьми и женщинами: можно сказать, что это преступления взрослых детей, наделенных более сильными страстями и более высокой интеллигентностью.

Итак, мы имеем здесь дело с преступлениями по страсти, происхождение которых кроется в чувствах исключительно эгоистического характера, как, например, в ревности, зависти и т. п., но не в эго-альтруистических чувствах, как Spencer считает любовь, честь и т. п., которые, напротив, являются главными мотивами преступлений по страсти у мужчин.

Самоубийцы

1. Чтобы дополнить наше исследование о преступлениях по страсти, мы должны коснуться еще самоубийц, ибо аналогия и родство между преступлениями, особенно совершаемыми по страсти, и самоубийством так велики, что их можно рассматривать как две ветви одного и того же дерева.

Самоубийство – этот феномен, так близко стоящий к преступности по своим вариациям, – наблюдается, в общем, у женщин в четыре и даже в пять раз реже, чем у мужчин.

2. Самоубийства вследствие физических страданий. Соответственно незначительному числу самоубийств, совершаемых по страсти, число их вследствие физических страданий также невелико. В этом отношении женщины относительно превосходят мужчин в Пруссии, Саксонии, Италии, Вене и Париже и уступают им в Германии, Бельгии, Франции и Мадриде. Но превосходство их только относительное, так как абсолютное число самоубийств вообще, а стало быть, и тех, причиной которых являются физические страдания, среди мужчин всегда значительно больше, чем среди женщин.

Обстоятельство это является новым доказательством меньшей чувствительности женщины: она не так живо ощущает физические страдания, и потому последние ее не доводят так часто до самоубийства, несмотря на то что женщина переносит больше физических мук, нераздельно связанных с жизненными функциями и особенностями ее пола. Но так как страдание принадлежит в отдаленном смысле слова к аффектам, а физическая чувствительность есть основа страстей и нравственного чувства, то этим мы можем объяснить себе редкость среди женщин самоубийств, обусловленных страстями.

3. Нищета. Нищета является для женщины несущественным мотивом самоубийства. Число лиц, лишаящих себя жизни вследствие нищеты, сравнительно невелико как среди мужчин, так и женщин. Шансы для обоих полов впасть в нищету почти одни и те же, так как материальным потерям подвергаются одинаково как муж, так и жена, как отец, так и дочери и т. д. Но женщина гораздо легче мужчины выходит из подобного положения. Представляя собою, как сказано нами раньше, средний тип человеческого рода, она в силу этого легче приспосабливается к разного рода переменам жизненных условий. Разница между герцогиней и прачкой более поверхностна и далеко не так глубока, как различие между членами в пределах другого пола: герцогиня может сравнительно легко примениться к какому-нибудь новому положению и стать, положим, прачкой. Кто знаком с жизнью, тому приходилось, вероятно, встречать высокопоставленных женщин, которые, впад в бедность, легко примирялись с местом какой-нибудь компаньонки или даже горничной; мужчина же при таких же условиях не так легко мирится со своим несчастьем и очень часто погибает под ударами судьбы. Женщина благодаря именно своей пониженной чувствительности, а также тому обстоятельству, что потребности ее меньше, приспосабливается легче и лучше мужчины не только к нравственным страданиям, но и к физическим лишениям, связанным с бедностью (плохое питание, отсутствие каких бы то ни было удобств и пр.). Заметим далее, что за материальное разорение семьи женщина несет обыкновенно только косвенную ответственность, благодаря чему избавлена, по крайней мере, от тех угрызений совести и нравственных страданий, которые выпадают так часто на долю мужчины. С другой стороны, и материнство оказывает на нее в таких случаях свое благотворное влияние, ибо мать, впад в нищету, под влиянием горя чувствует сильнее потребность заботиться и не покидать детей своих, между тем как мужчина при подобном же несчастье в состоянии совершенно забыть о них. Далее, женщина обыкновенно не настолько горда, чтобы в случае крайней нужды не решиться просить милостыню, в то время как мужчина часто предпочитает нищенству смерть. Наконец, она, в силу своего слабо развитого нравственного чувства, прибегает еще к проституции как к крайнему средству выйти из своего тяжелого положения.

Итак, для того чтобы женщина решилась на самоубийство, нужна совокупность более многочисленных причин, чем для мужчины. Только лишь в том случае, когда бедность ее достигает такой степени, что она лишена решительно всего, что нужно для жизни, когда ей закрыты все пути к спасению, а стыд или возраст не позволяют ей заняться проституцией – только лишь при таких условиях женщина способна поднять на себя руку. «Я испытала тысячу средств, – пишет одна самоубийца, – чтобы достать работу, но всюду наталкивалась на черствых, бездушных людей, оскорблявших меня своими грязными предложениями». Другая молодая, красивая девушка сообщает в своем предсмертном письме, что она заложила все, что можно было заложить, и осталась без всего. «Я могла бы, – добавляет она, – иметь хорошо устроенный магазин, но я предпочитаю умереть честной девушкой, чем вести жизнь распутной женщины».

4. Любовь. В качестве мотива самоубийств, равно как и преступлений, любовь играет довольно видную роль. Относительные цифры статистики здесь так велики для женщин, что последние сравниваются и даже превосходят в этом отношении мужчин. Для страстной женщины самоубийство является самым частым средством избежать мук несчастной любви. Обстоятельство это в силу антагонизма, существующего между самоубийством и преступлением, не может не влиять на преступления по страсти, значительно уменьшая число их.

Преобладание самоубийств над убийствами, совершаемыми под влиянием страсти, вполне соответствует указанным нами при изучении нормальной женщины характерным чертам женской любви. Для женщины любовь является чем-то вроде рабства, которому она отдается с энтузиазмом, бескорыстным самопожертвованием для любимого человека. Если при всем том у обыкновенной женщины и находят еще место эгоистические чувства, которые порою берут даже перевес, то у страстных натур зато эта самоотверженность под влиянием дурного обращения и жестокости любовника не только не уменьшается, а даже, наоборот, увеличивается. В подобных случаях даже самая сильная страсть не может, очевидно, привести к преступлению, и было бы абсурдом предполагать, что Элоиза, Carlyle или Lespinasse, например, могли бы убить своих любовников, если бы последние изменили им или начали дурно обращаться с ними. Напротив, любовь их благодаря этому сделалась бы еще сильнее, а преданность – еще более безграничной. Мы редко видим, что обыкновенные, совершенно неизвестные женщины оканчивают самоубийством страдания своей неудачной любви и, умирая, обращаются в своих последних, предсмертных письмах со словами любви и прощения к тем, кто не должен был бы, казалось, возбуждать в них ничего, кроме ненависти и желания мстить. Так, одна молодая девушка перед самоубийством писала своему любовнику: «Ты обманул меня; два года ты клялся, что женишься на мне, а теперь бросаешь меня; я прощаю тебя, но не могу пережить потери твоей любви...». В письме другой мы читаем: «Я делала невозможные нравственные усилия, чтобы жить без этой любви, которая составляла всю мою жизнь, но это оказалось выше моих сил. Да, преступление мое тяжко, и имя мое будет проклято даже моим собственным ребенком, и тем не менее я не могу жить без другой половины моего „я“, без того, кого я потеряла. Я была уже готова броситься к ногам его, но он оттолкнул бы меня. Ах, пусть он простит мне несправедливости, которые я ему когда-либо причиняла, пусть помнит только о счастливых минутах, проведенных со мною!». Одна покинутая своим любовником девушка писала своей подруге: «Уверь его (т. е. любовника), что я молюсь о счастье его и умираю, любя его», а другая в следующих словах прощалась со своим любовником в предсмертной записке: «Прощай! смерть скоро разлучит нас; я надеюсь сделать тебя счастливым...». «Чем я заслужила, – восклицает третья несчастная, обращаясь к своему вероломному любовнику, – твою немилость? Неужели тем, что любила тебя больше своей жизни?»¹⁸⁴

¹⁸⁴ Sighele. L'evoluzione dall' omicidio ai suicidio nei drammi d'amore. Archiv. di Psich, 1891. Brierre de Boismont. Du suicide, 1862.

В общем, измена любовника редко возбуждает в женщине жажду мести. Она смотрит на измену эту как на своего рода смерть его, которая причиняет ей жестокие страдания и после которой ей ничего не остается, как тоже умереть, если только она до этого не лишится рассудка.

Что преступницы по страсти способны на преступления против своих любовников, возможно, быть может, объяснить тем, что они любят, как мужчины, и что у них – как мы заметили раньше – наблюдаются очень часто соматические признаки, свойственные мужскому полу. Между преступницами из эротических мотивов встречается чрезвычайно редко настоящий, совершенный тип преступниц по страсти; гораздо чаще, чем любовью, преступления их обусловливаются чувствами эгоистического характера, порождаемыми разочарованиями в любви. Чистая и сильная страсть сама по себе доводит любящую женщину до самоубийства или психического расстройства чаще, чем до преступления; последнее же всегда свидетельствует о том, что страсть пробудила дремавшие дотоле дурные инстинкты или что имеется дело с вполне мужским складом характера. Итак, единственным преступлением по страсти, если только возможно назвать его преступлением, является у женщин самоубийство; другие же преступления, совершаемые из этого же мотива, суть деяния собственно не преступниц по страсти.

Брак также является у женщин реже, чем у мужчин, источником мотивов к самоубийству: на 50 мужчин, лишавших себя жизни вследствие измены их жен, и на 41, налагающих на себя руки вследствие смерти их, приходится по 14 самоубийц-женщин. Объясняется это отчасти тем, что у женщин материнская любовь сильнее супружеской и чувства их больше всего сосредоточены на детях, а отчасти тем обстоятельством, что они в таких случаях гораздо чаще мужчин подвергаются психическим заболеваниям.

Замечательна также частота незаконных любовных связей у преступниц по страсти. Брак, как и все социальные установления, рассчитан, собственно говоря, на нормальных женщин; обыкновенная замужняя женщина никогда не любит так сильно, чтоб думать о самоубийстве, когда она овдовевает. Зато женщина с сильной и страстной натурой находит часто в препятствиях, которые общество полагает ее любовным стремлениям, камень, о который разбивается ее жизнь. Весьма естественно поэтому, что страстные женщины дают из среды своей наибольшее число самоубийц и душевных больных.

5. Двойные и множественные самоубийства. Выдающуюся роль играет обыкновенно женщина в двойных самоубийствах. Там, где два любящих сердца, не имея возможности соединиться брачными узами, вкушают тем не менее от запретного плода любви и платят затем собственную жизнь за увлечение, которому не могли противостоять, – там женщина проявляет обыкновенно большую решительность. В двойном самоубийстве Bancal – Troussel первая мысль о нем явилась девушке, Troussel, под влиянием чтения романа Indiana. Но Bancal не соглашался умереть, и тогда она начала осыпать его упреками, между прочим, говоря: «Неужели ты не любишь меня настолько, чтобы принести мне эту жертву?». Юноша наконец уступил ей, но в назначенный вечер долго не решался нанести ей первый удар ножом. Она начала убеждать его, и под влиянием ее слов он наконец решился. Однако при виде хлынувшей крови он растерялся и хотел перевязать рану, но она не дала ему этого сделать. Ее решимость умереть была так велика, что она приняла еще яд, и, когда он долго не действовал, приказала еще раз своему любовнику заколоть ее. «Нужно, наконец, покончить с этим, – кричала она, – заколи меня скорей!» Точно так же и в самоубийстве Cesira Merz и Pietro Lev., план умереть вместе создала Merz, и когда у Pietro в решительную минуту не хватило духу застрелить себя и он начал плакать, она сказала ему: «Милый, ты малодушен; в таком случае я сперва убью тебя, а потом умру сама... Теперь все кончено... некогда ломать комедии». Brierre de Boismont цитирует случай, где одна молодая девушка спокойного характера, но начитавшаяся романов, узнав, что родители жениха ее не соглашаются на его брак с нею, решила умереть вместе с ним и сумела убедить и его решиться на это. «Я готова, – говорила она ему, – скорей умереть, чем потерять тебя; дай мне и ты доказательство такой же любви ко мне». Молодые люди

Берта Delmas и Эмиль Gasson были обручены. Но вот им необходимо было расстаться, так как жених должен был уехать отбывать воинскую повинность. Расставаясь, влюбленные утешали себя тем, что на новый год они увидятся опять. Но наступил новый год, а Gasson не приехал, потому что не получил отпуска. Тогда Delmas заложила за 9 франков свои серьги и послала ему эти деньги с просьбой непременно приехать, так как она не может более без него жить. Молодой солдат дезертировал из полка и провел со своей невестой в полном счастье целую неделю, хотя и ждал с минуты на минуту жандармов, которые должны были прийти арестовать его. При таком положении дела Берте пришла в голову мысль умереть вместе со своим женихом. Был назначен день и час, когда они должны были лишиться себя жизни, но Gasson под разными предлогами откладывал исполнение этого плана. Тогда молодая женщина заставила его стрелять в нее и в себя. Оба они остались живы, и на суде выступила потом очень ясно разница в их характерах. Одного взгляда на робкого, нерешительного и заикающегося Gasson'a было достаточно, чтобы убедиться, что в данном деле он действовал под влиянием своей невесты; последняя же своим твердым, решительным, как у мужчины, характером не допускала сомнений, что весь этот план был задуман и подготовлен исключительно ею одной.

Происхождение этого часто наблюдаемого вида самоубийств становится понятным, если рассматривать любовь как особую форму сродства, усиливающегося путем более или менее продолжительной совместной жизни настолько, что разлука становится в конце концов непосильной.

Мысль о смерти всегда приходит первой женщине, и она же делает почти всегда первый шаг к осуществлению задуманного плана самоубийства. Bourget изобразил в своем «Disciple», с одной стороны, мужчину, у которого в решительную минуту не хватает духу лишиться себя жизни, и с другой – женщину, твердо настаивающую на приведении в исполнение принятого решения покончить с собой. Явление это весьма естественно. Любовь даже при обыкновенных условиях есть нечто в высшей степени важное для женщины; для страстной же натуры она – все, и лишиться ее того, кого она любит, значит лишиться ее жизни. Для мужчины же, даже если он и очень сильно влюблен, жизнь имеет всегда столько привлекательного и обольстительного, что он лишь редко решается расстаться с нею вследствие потери любимой женщины. Правда, бывают минуты, когда и он может под влиянием отчаяния и непреодолимых препятствий искать выхода из своего положения в самоубийстве, но раз страсть его будет удовлетворена, у него – как вполне верно замечает Bourget – всегда возвращается интерес к жизни и ко всему тому, что ему и помимо любимой им женщины нравилось в ней. Вот почему многие мужчины медлят покончить с собой, особенно если та, кого они любили, отдалась им вполне, между тем как женщина в таких случаях выказывает, наоборот, еще большую решимость.

Особый вид самоубийства женщин – это смерть матери одновременно с ее детьми под влиянием нищеты или какого-нибудь тяжелого несчастья. Aresteiles лишила себя жизни вместе со своим сыном, страдавшим эпилепсией и идиотизмом, из боязни, что с последним после смерти ее станут дурно обращаться. Некто Verbeson убила свою горячо любимую дочь, которая должна была поступить в заведение для душевнобольных, и затем сама покончила с собой, так как не могла примириться с мыслью о разлуке с ней. Monard пыталась лишиться себя и своих двух детей жизни, не будучи более в состоянии переносить дурного обращения своего мужа. Soubin, честная и трудолюбивая женщина, убила своих маленьких детей и затем покушалась на собственную жизнь, попав в страшную нужду благодаря отсутствию работы и тюремному заключению своего мужа. Впрочем, перед тем как привести в исполнение свой ужасный план, она продала последнюю мебель, купила детям новые платья и роскошный ужин, затем, когда они спали, задушила их и пыталась покончить с собою.

Подобного рода самоубийцы суть обыкновенно очень честные женщины, а деяния их, которые кажутся на первый взгляд детоубийством с последовательным самоубийством, являются на самом деле, так сказать, осложненными самоубийствами. Эти матери, решившиеся

умереть, не могут оставить жить своих детей, составляющих часть их собственного «я», и не в состоянии считать свои муки оконченными, если они знают, что те будут страдать и мучиться и после их смерти. Подобный взгляд подтверждается тем, что во всех таких случаях убитые дети находятся постоянно в очень юном возрасте или в беспомощном состоянии (вследствие идиотизма и т. п.). Пока ребенок слаб и несамостоятелен, он кажется матери частью ее собственного существа; поэтому она в заботах о нем решает на все средства, которые только возможны для нее, – даже на такие, которые совершенно ненормальны. С дитятею, сделавшимся большим и самостоятельным, мать также связана очень сильной любовью, но уже не чувствует себя идентичной с ним. Souhin на вопрос, почему она, перед тем как покушаться на собственную жизнь, убила своих детей, ответила: «Я хотела отравиться вместе с ними». Если ребенок слишком юн, чтобы быть совершенно независимым от матери, но в то же время настолько зрел, что может подчиниться влиянию внушения, то мать никогда не убивает его сама, но старается подговорить его умереть добровольно вместе с нею. Garnier сообщил два случая, в которых матери двух мальчиков 10- и 13-летнего возраста убедили их покончить с собою вместе с ними.

В некоторых случаях мать решает на убийство и самоубийство в силу известных эгоистических мотивов, и тогда дело идет уже об особой эгоистически-страстной форме самоубийства. Сюда принадлежит, например, случай Е. Это была очень нервная женщина меланхолического темперамента, страдавшая постоянными головными болями, головокружением, бессонницей и т. п. и происходившая из хорошей, некогда состоятельной фамилии. Выйдя замуж за доброго, но очень бедного человека, стоявшего значительно ниже ее по своему образованию, она почувствовала отвращение к своему мрачному существованию, которое должна была владеть, страшно нуждаясь, в одной комнатке, служившей ей в одно время гостиной, спальней и кухней. Она постоянно упрекала, хотя и неосновательно, своего мужа в том, что он дурно обращается с нею, и однажды, будучи более обыкновенного рассержена и возбуждена, она решила умереть вместе со своим сыном, которого обожала. Если бы это была дурная женщина и плохая мать, то она под влиянием подобных условий жизни убила бы, как Stakelberg, свое дитя или отравила бы своего мужа. Но это была честная натура, решившаяся вместе со своим ребенком расстаться с жизнью, хотя мотивом этого решения служило чисто эгоистическое, а не эго-альтруистическое чувство, каким является материнская любовь.

Очень редко двойные или множественные самоубийства одних женщин. Нам известен, да и то не подробно, только один подобный случай, касающийся неких Ольги Протасовой и Веры Жеребцовой, двух интимных подруг, живших в большой нужде. Последняя из них взяла слово от первой, что та убьет ее, если судьба ее в течение двух месяцев не изменится к лучшему. По прошествии этого времени Протасова сдержала свое обещание, данное подруге, и затем сама лишила себя жизни. Редкость подобных случаев объясняется слабостью дружественных уз, соединяющих женщин, что служит также причиной редкости среди них самоубийств из мотивов дружбы.

Наконец, еще реже наблюдаются одновременные самоубийства супругов. Здесь нам приходится еще раз повторить, что брак рассчитан собственно на нормальных женщин, не отличающихся страстным темпераментом и потому мало предрасположенных к самоубийству, между тем как субъекты со страстными натурами находят в браке достаточно поводов лишить себя жизни. Единственный известный нам в этом отношении случай имел место в Болонье. У супругов Раг. умер от дифтерита на 20-м году жизни их единственный сын, которого они безумно любили. Это был необыкновенно талантливый, даже гениальный молодой человек, который, несмотря на свой юный возраст, успел уже зарекомендовать себя блестящими доказательствами своего поэтического таланта. Родители его, сраженные этой утратой, месяц спустя после смерти его отравились окисью углерода. Необыкновенное решение умереть вместе объясняется здесь внезапным прекращением жизни существа, связывавшего двух престаре-

лых супругов одинаковыми воспоминаниями о счастливой юности и надеждами на блестящее будущее.

6. Самоубийство вследствие душевных заболеваний. Редкость у женщин самоубийств из-за страстных мотивов объясняется тем обстоятельством, что среди них очень высок процент самоубийств, обусловливаемых душевными заболеваниями.

Разница эта объясняется только отчасти тем, что известные формы душевных расстройств маниакального характера, наблюдаемые преимущественно или даже исключительно у женщин, как, например, pellagra или пуэрперальные психозы, обусловливают самоубийства в размерах, превосходящих значение алкоголизма среди мужчин. Нужно скорее согласиться с тем, что сильные страсти заканчиваются у женщин потерей душевного равновесия чаще, чем преступлениями. Только лишь под влиянием страданий, доводящих женщину до галлюцинаций и бреда, у нее наблюдаются самоубийства в большей пропорции, нежели у мужчин. Подобное соотношение самоубийства у обоих полов вполне соответствует соотношению, существующему между их преступностью. Самоубийство может обуславливаться бесконечным числом самых разнообразных свойств характера, начиная слегка повышенной чувствительностью и возбудимостью и кончая раздражительностью, доходящей до состояния помешательства. Но женщине, в общем, свойственна, как мы уже знаем, меньшая чувствительность, чем мужчине, и потому она совершает меньше самоубийств в силу страстных мотивов, чем последний, у которого самоубийства обуславливаются более многочисленными колебаниями индивидуальности или аномалиями психической сферы. Женщина более нормальна мужчины, так как она менее переменчива, нежели он, но если зато у нее наблюдаются отклонения от нормы, то они всегда более тяжкого характера. Таким образом, женщина значительно чаще мужчины занимает тот или другой из двух крайних полюсов, какими являются, с одной стороны, абсолютная нормальность, а с другой – крайняя ненормальность, при которой самоубийство тесно сливается с душевными расстройствами.